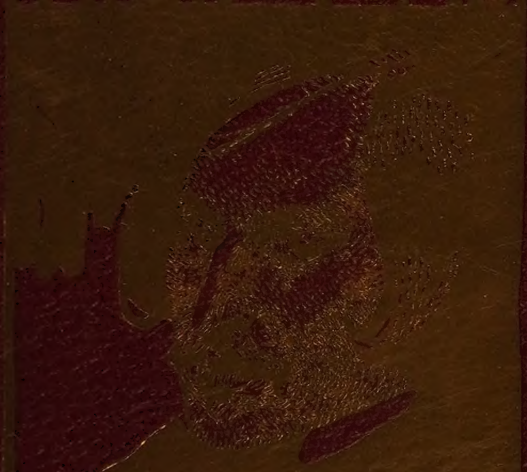
Н. В. ГОГОЛЬ



СОЧИНЕНІЯ

Собраніе сочиненій

Н. В. ГОГОЛЯ

Томъ 3-й.

КОМЕДІИ.

Русское Литературное Издательство.
Нью-Іоркъ
1920.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Ревизоръ 5

Женитьба 129

Игроки 203

РЕВИЗОРЪ.

На зеркало нечѣ пенять, коли рожа крива.
Народная пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.
Жена его.
Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья.
Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ.
Петръ Ивановичъ Добчинскій
Петръ Ивановичъ Бобчинскій
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.
Осипъ, слуга его.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.
Федоръ Андреевичъ Лилюковъ
Иванъ Лазаревичъ Растаковскій
Степанъ Лазаревичъ Коробкинъ
} отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.
Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.
Пуговицынъ
Свистуновъ
Держиморда
} полицейскіе.
Абдулинъ, купецъ.
Февронья Петрова Пошлепкина, слесарша.
Жена унтеръ-офицера.
Мишка, слуга городничаго.
Слуга трактирный.
Гости и гостьи, купцы, мѣщане-просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ.

Замѣчанія для господъ актеровъ.

Городничій, уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый, по-своему, человѣкъ. Хотя и взяточникъ, но ведетъ себя очень солидно; довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрію довольно быстръ, какъ у человѣка съ груборазвитыми склонностями души. Онъ одѣтъ, по обыкновенію, въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженые, съ просѣдью.

Анна Андреевна, жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная вполовину на романахъ и альбомахъ, вполовину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна и при случаѣ выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, что отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе пьесы.

Хлестаковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, тоненькій, худенькій; нѣсколько приглуповатъ и, какъ

говорятъ, безъ царя въ головѣ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно, смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и любитъ самому себѣ читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровенъ, въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его—сѣрый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій, оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга; оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немножко выше и серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго.

Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья, человѣкъ, прочитавшій пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодуменъ. Охотникъ большой на догадки и потому каждому слову своему даетъ вѣсъ. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говоритъ басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человѣкъ, но

при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

Почтмейстеръ, простодушный до наивности человѣкъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы ихъ всегда почти находятся предъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесеное слово должно произвесть электрическое потрясеніе на всѣхъ разомъ, вдругъ. Вся группа должна перемѣнить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ, ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаньемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ!

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филип-

повичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель“ (бормочетъ вполголоса, пробѣгая скоро глазами)... „и увѣдомить тебя“. А! вотъ: „спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаньемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (значительно поднимаетъ палецъ вверхъ). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...“ (остановясь) ну, здѣсь свои... „то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня я...“ Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ... и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, обстоятельство такое необыкновенное, просто необыкновенное. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій. Зачѣмъ! Такъ ужъ, видно, судьба! (Вздохнувъ). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный,

что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ я вамъ скажу, вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій. Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. — Смотрите, по своей части я коекакія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, пріѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Артемій Филипповичъ. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надъ каждой кроватью надписать по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если-бъ ихъ было меньше; тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. О! насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше — лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было-бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву и и нѣсколько на е.

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему-жъ сторожу и не завесть его? только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позбывалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ А вотъ- же я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите—приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода,—это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ издаетъ тотъ же звукъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, кото-

рый бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что-жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ—рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ — все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ (дѣлаетъ гримасу), и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду.

Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить, но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Что-жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще надняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій. То же я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова— это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: „Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу“.

Городничій. Да, таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ — или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Не приведи Богъ служитъ по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: „А, вы здѣсь, голубчики! А кто“,

скажетъ, „здѣсь судья?" — „Ляпкинъ-Тяпкинъ".— „А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?" — „Земляника". — „А подать сюда Земляникуъ!" Вотъ что худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Объявите, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій. А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? — война съ турками будетъ.

Аммосъ Федоровичъ. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій. Какая война съ турками! Просто, вамъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ. А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ. Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ.

Городничій. Да что я! Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко... Купечство да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я, вотъ ей Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденьемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“!

Городничій. Ну, что-жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: „Жизнь моя, милый другъ, течетъ“, говоритъ, „въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...“ съ большимъ, большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите? прочту.

Городничій. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется

жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничій. Ничего, ничего. Другое дѣло, если-бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачонкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того и у другого.

Городничій. Батюшки, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь—и шасть...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же Добчинскій и Бобчинскій (оба входятъ запыхавшись)

Бобчинскій. Чрезвыкайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что, что такое?

Добчинскій. Непревидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу...

Бобчинскій (перебивая). Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добчинскій (перебивая). Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій. А вы собьетесь и не припоните всего.

Бобчинскій. Припомню, ей Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ! (Всѣ усаживаются вокругъ Петровъ Ивановичей). Ну, что, что такое?

Бобчинскій. Позвольте, позвольте; я все по порядку. Какъ только я имѣлъ удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ—такъ я тогда же забѣжалъ... ужъ пожалуйста не перебивайте Петръ Ивановичъ! Я уже все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій (перебивая). Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали вы о новости-та, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужъ услыхали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій. (перебивая). За боченкомъ для французской водки.

Бобчинскій. (отводя его руки). За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ-то

Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ... энтого... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!.. Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: „Зайдемъ", говоритъ, „въ трактиръ". Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе..." да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... „А въ трактиръ", говоритъ, „привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ". Только-что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій (перебивая). Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ.

Бобчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки, и здѣсь (вертитъ рукою около лба) много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: „Здѣсь что-нибудь не спроста-съ". Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ,—трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: „Кто", говоритъ, „этотъ молодой человѣкъ?" а Власъ и отвѣчаетъ на это: „Это", говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйства, не перебивайте, вы не разскажете, ей Богу, не разскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... „Это", говоритъ, „молодой человѣкъ, чиновникъ", да-съ, „ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи", говоритъ, „Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ", говоритъ, „въ Саратовскую губернію и", говоритъ, „престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить". Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня вотъ тутъ свыше и вразумило. „Э!" говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: „э!“

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. „Э!“ сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. „А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?“ — Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Городничій. Кто, какой чиновникъ?

Бобчинскій. Чиновникъ-та, о которомъ изволили получить нотицію,—ревизоръ.

Городничій. (въ страхѣ). Что вы, Господь съ вами! это не онъ.

Добчинскій. Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же-бъ быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей-Богу, онъ... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу,—больше потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своего желудка... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Городничій. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій. Въ пятомъ номерѣ, подъ лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ здѣсь?

Добчинскій. А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій. Двѣ недѣли! (Въ сторону). Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье! (Хватается за голову).

Артемій Филипповичъ. Что-жъ, Антонъ Антоновичъ?—ѣхать парадомъ въ гостиницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, нѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ „Дѣянія Іоанна Масона"...

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому. Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. (Обращаясь къ Бобчинскому). Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Тѣмъ лучше: молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ, а молодой—весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь самъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ: или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. (Квартальный бѣжитъ впопыхахъ).

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ. Какое колпаки! Больнымъ велѣно габеръ-супъ давать, а у меня по всѣмъ коридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ

стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку — а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда, и что неправда. (Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій. Что, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный. Стоятъ.

Городничій. Ступай на улицу... или, нѣтъ, постой! Ступай, принеси... Да другіе-то гдѣ? неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Квартальный. Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій. Какъ такъ?

Квартальный. Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій (хватаясь за голову). Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ—бѣги прежде въ комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобчинскій. И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ.

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожкахъ не помѣстимся.

Бобчинскій. Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ,

цѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-та, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки...

Городничій (принимая шпагу, къ квартальному). Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой. О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ—по метлѣ! и вымели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты! я знаю тебя: ты тамъ кумаешься, да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки,—смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ — а? онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Смотри! не по чину берешь!! Ступай!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій. А, Степанъ Ильичъ! Скажите ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный приставъ. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ. Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій. А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ. Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій. А Прохоровъ пьянъ?

Частный приставъ. Пьянъ.

Городничій. Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ. Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка—поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій. Послушайте же, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный Пуговицынъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать на-скоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ловки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градо-правителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ или, просто, заборъ — чортъ ихъ знаетъ, откудова, и нанесутъ всякой дряни! (Вздыхаетъ). Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: довольны ли?—чтобы говорили: „Всѣмъ довольны, ваше благородіе", а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, охъ, хо, хо, хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ.. (Беретъ вмѣсто шляпы футляръ). Дай только, Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! (Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ).

Частный приставъ. Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

Городничій. (бросая коробку). Коробка, такъ коробка. Чортъ съ ней! Да если спросятъ: отчего не выстро-

ена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами—и правому, и виноватому. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! (Уходитъ и возвращается). Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего; эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. (Всѣ уходятъ.).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбѣгаютъ на сцену.

Анна Андреевна. Гдѣ-жъ, гдѣ-жъ она? Ахъ, Боже мой!.. (Отворяя дверь). Мужъ! Антоша! Антонъ! (Говоритъ скоро). А все ты, а все за тобой. И пошла копаться: „Я булавочку, я косынку“. (Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ). Антонъ, куда, куда? Что, пріѣхалъ? ревизоръ? съ усами! съ какими усами?

Голосъ городничаго. Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна. Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ, полковникъ? А? (Съ пренебреженіемъ). Уѣхалъ! Я тебѣ вспомню это! А все эта: „Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчасъ“. Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Вообра-

жаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ, просто, тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что жъ дѣлать, маменька? Все равно, чрезъ два часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна. Чрезъ два часа! покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать, что чрезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать! (Свѣшивается въ окно). Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, тамъ пріѣхалъ кто-то?... Не слышала? Глупая какая! Машетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разпросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ. А? скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай, сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали; да разспроси хорошенько: что за пріѣзжій, каковъ онъ,—слышишь? Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе: черные или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! (Кричитъ до тѣхъ поръ, пока не опускается занавѣсъ. Такъ занавѣсъ и закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНІЕ I.

Осипъ лежитъ на барской постели.

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! (Дразнитъ его). „Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу есть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ". Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки—вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше, возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну, кто-жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь

тонкая и политичная: кеятры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ; пойдешь на Щукинъ—купцы тебѣ кричатъ: „Почтенный!", на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ—ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха-офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! (Усмѣхается и трясетъ головою).

Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говоритъ вы. Наскучило итти—берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему—изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать—и куды!.. пошелъ кутить: ѣздитъ на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь—и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка... Ей Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего—ни по чемъ идутъ. А отчего?—оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, если-бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашенку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня-бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не за-

платите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? (Со вздохомъ). Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится; вѣрно, это онъ идетъ (Поспѣшно схватывается съ постели).

ЯВЛЕНІЕ II.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлестаковъ. На, прими это (отдаетъ фуражку и тросточку). А, опять валялся на кровати?

Осипъ. Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?

Хлестаковъ. Врешь, валялся; видишь, вся склочена!

Осипъ. Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ гаша кровать?

Хлестаковъ (ходитъ по комнатѣ). Посмотри, тамъ, въ картузѣ, табаку нѣтъ?

Осипъ. Да гдѣ-жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

Хлестаковъ (ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ). Послушай... эй, Осипъ!

Осипъ. Чего изволите?

Хлестаковъ (громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ). Ты ступай туда.

Осипъ. Куда?

Хлестаковъ (голосомъ вовсе не рѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ). Внизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

Осипъ. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ; все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ. Еще, говоритъ, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ деньги не платитъ. Вы-де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой—плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ шаромыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлестаковъ. А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Осипъ. Говоритъ: „Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя". Я, говоритъ, „шутить не буду, а прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму".

Хлестаковъ. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осипъ. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ. На что жъ хозяина? ты поди самъ скажи.

Осипъ. Да, право, сударь...

Хлестаковъ. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина. (Осипъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ (одинъ).

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся, думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ—нѣтъ, чортъ возьми, не

проходитъ. Да, если-бъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ—и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привелъ. Какой скверный городишка! Въ овощенныхъ лавкахъ ничего не даютъ въ долгъ. Это ужъ, просто, подло. (Насвистываетъ сначала изъ „Роберта", потомъ „Не шей ты мнѣ, матушка", а наконецъ—ни се ни то). Никто не хочетъ итти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Слуга. Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно.

Хлестаковъ. Здравствуй, братецъ? Ну, что ты, здоровъ?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаковъ. Ну, что, какъ у васъ въ гостиницѣ? хорошо ли все идетъ?

Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаковъ. Много проѣзжающихъ?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаковъ. Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ пожалуйста поторопи, чтобъ поскорѣе—видишь мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Слуга. Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ, никакъ, хотѣлъ итти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаковъ. Да что-жъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? вѣдь мнѣ нужно ѣсть .Этакъ могу я совсѣмъ отощать. Мнѣ очень ѣсть хочется: я не шутя это говорю.

Слуга. Такъ-съ. Онъ говорилъ: „Я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее". Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлестаковъ. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что-жъ ему такое говорить?

Хлестаковъ. Ты растолкуй ему серьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою... Онъ думаетъ, что, какъ ему, мужику, ничего, если не поѣсть день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ (одинъ).

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось! Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что ли, продать? Нѣтъ, ужъ лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади одѣть къ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились! „Кто такой, что такое?" А лакей входитъ (вытягиваясь и представляя лакея). „Иванъ Александровичъ изъ Петербурга, прикажете принять?" Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значитъ „прикажете принять". Къ

нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь-помѣщикъ, такъ и валитъ, медвѣдь, прямо въ гостинную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: „Сударыня, какъ я...“ (потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой). Тьфу! (плюетъ) даже тошнитъ, такъ ѣсть хочется.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ слуга.

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Несутъ обѣдъ.

Хлестаковъ (прихлопываетъ въ ладоши и слегка подпрыгиваетъ на стулѣ). Несутъ! несутъ! несутъ!

Слуга (съ тарелками и салфеткой). Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлестаковъ. Ну, хозяинъ, хозяинъ... Я плевать на твоего хозяина! Что тамъ такое?

Слуга. Супъ и жаркое.

Хлестаковъ. Какъ, только два блюда?

Слуга. Только-съ.

Хлестаковъ. Вотъ вздоръ какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это въ самомъ дѣлѣ такое!.. Этого мало.

Слуга. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлестаковъ. А соуса почему нѣтъ?

Слуга. Соуса нѣтъ.

Хлестаковъ. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ-то коротенькихъ человѣка ѣли семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлестаковъ. Какъ нѣтъ?

Слуга. Да ужъ нѣтъ.

Хлестаковъ. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлестаковъ. Ахъ, ты, дуракъ!

Слуга. Да-съ.

Хлестаковъ. Поросенокъ ты скверный... Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отчего же я, чортъ возьми, не могу также? Развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлестаковъ. Какіе же?

Слуга. Обнакновенно какіе! они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлестаковъ. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. (Наливаетъ супъ и ѣстъ). Что это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкусу нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другого.

Слуга. Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаковъ. (защищая рукою кушанье). Ну, ну, ну.. оставь дуракъ! Ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... (Ѣстъ). Боже мой, какой супъ! (Продолжаетъ ѣсть). Я думаю, еще не одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу: какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. (Рѣжетъ курицу). Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. (Рѣжетъ жаркое). Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что-жъ такое?

Хлестаковъ. Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. (Ѣстъ). Мошенники, канальи! чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ. (Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ). Подлецы! Совершенно, какъ деревян-

ная кора—ничѣмъ вытащить нельзя; и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ. Мошенники! (Вытираетъ ротъ салфеткой). Больше ничего нѣтъ?

Слуга. Нѣтъ.

Хлестаковъ. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проѣзжающихъ.

Слуга. убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ.

ЯВЛЕНІ VII.

Хлестаковъ, потомъ Осипъ.

Хлестаковъ. Право, какъ будто и не ѣлъ; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку.

Осипъ (входитъ). Тамъ зачѣмъ-то гордничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ.

Хлестаковъ (испугавшись). Вотъ тебѣ на! Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что, если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что-жъ? Если благороднымъ образомъ я пожалуй... нѣтъ, не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону и перемигнулся съ одной купеческой дочкой... Нѣтъ, не хочу... Да что онъ? какъ онъ смѣетъ въ самомъ дѣлѣ? Что я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? (Бодрится и выпрямляется). Да я ему прямо скажу: „Какъ вы смѣете? Какъ вы...“ (У дверей веритится ручка. Хлестаковъ блѣднѣетъ и съеживается).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ, городничій и Добчинскій.

(Городничій, вошелъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза).

Городничій. (Немного оправившись и протянувъ руки по швамъ). Желаю здравствовать!

Хлестаковъ (кланяется). Мое почтеніе!..

Городничій. Извините.

Хлестаковъ. Ничего...

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ (сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко). Да что-жъ дѣлать?.. Я не виноватъ... Я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. (Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей). Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно, а супъ—онъ, чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня моритъ голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что-жъ я... Вотъ новость!

Городничій (робѣя). Извините, я право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы. люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что значитъ на другую квартиру: то-есть—въ тюрьму. Да какое вы имѣ-

ете право? Да какъ вы смѣете?... Да вотъ я... Я служу въ Петербургѣ. (Бодрится). Я, я, я...

Городничій (въ сторону). О, Господи Ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!

Хлестаковъ (храбрясь). Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой—не пойду. Я прямо къ министру. (Стучитъ кулакомъ по столу). Что вы? что вы?

Городничій (вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ). Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму, вотъ прекрасно! (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется). Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій (дрожа). По неопытности, ей Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія... Сами извольте посудить: казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если-жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ. Да что? мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ... (Въ размышленіи). Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! смотри ты такой!... Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копѣйки.

Городничій (въ сторону). О, тонкая штука! Экъ

куда метнулъ! какого туману напустилъ! разбери кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробовать, не куды пошло! Что будетъ, то будетъ, попробовать на авось. (Вслухъ). Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ. Дайте, дайте мнѣ взаймы! Я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти, или хоть даже и меньше.

Городничій (поднося бумажки). Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ (принимая деньги). Покорнѣйше благодарю. Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни... у меня это вдругъ... Я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

Городничій. (въ сторону). Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! (Осипъ входитъ). Позови сюда трактирнаго слугу! (Къ городничему и Добчинскому). А что-жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. (Добчинскому). Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе, а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... (Добчинскому). Садитесь! (Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается).

Городничій (въ сторону). Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ, хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. (Вслухъ). Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ

Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ—и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

Хлестаковъ. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій (въ сторону). Да, разсказывай! не зналъ чѣмъ заплатить! (Вслухъ). Осмѣлюсь ли спросить: куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій (въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе). Въ Саратовскую губернію! А? и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо востро! (Вслухъ). Благое дѣло изволили предпринять. Вѣдь, вотъ относительно дороги: говорятъ, съ одной стороны непріятности насчетъ задержки лошадей, а вѣдь съ другой стороны развлеченье для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

Хлестаковъ. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

Городничій (въ сторону). Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика-отца приплелъ! (Вслухъ). И на долгое время изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Право, не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнъ, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ погубить жизнь съ мужиками?

Теперь не тѣ потребности; душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Городничій (въ сторону). Славно завязалъ узелокъ! Вретъ, вретъ — и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя ужъ заставлю побольше разсказать! (Вслухъ). Справедливо изволили замѣтить. Что можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хоть бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда, неизвѣстно еще, когда будетъ. (Окидываетъ глазами комнату). Кажется, эта комната нѣсколько сыра?

Хлестаковъ. Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки кусаютъ.

Городничій. Скажите! такой просвѣщенный гость, и терпитъ, отъ кого же?—отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Никакъ даже темно въ этой комнатѣ?

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или придетъ фантазія сочинить что-нибудь — не могу: темно, темно.

Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я недостоинъ.

Хлестаковъ. А что?

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ! недостоинъ, недостоинъ.

Хлестаковъ. Да что-жъ такое?

Городничій. Я бы дерзнулъ... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... Но нѣтъ, чувствую самъ, это ужъ слишкомъ большая честь... Не разсердитесь—ей Богу, отъ простоты души предложилъ.

Хлестаковъ. Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

Городничій. А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ

жена обрадуется! У меня ужъ такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства, особливо, если гость просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести, нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ. Покорно благодарю. Я самъ тоже— я не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженье, уваженье и преданность.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипомъ. (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь).

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаковъ. Да; подай счетъ.

Слуга. Я ужъ давича подалъ вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ. Я ужъ не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори: сколько тамъ?

Слуга. Вы изволили въ первый день спросить обѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлестаковъ. Дуракъ! еще началъ высчитывать.— Всего сколько слѣдуетъ?

Городничій. Да вы не извольте безпокоиться: онъ подождетъ. (Слугѣ). Пошелъ вонъ, тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. (Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій).

ЯВЛЕНІЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то— богоугодныя и другія?

Хлестаковъ. А что тамъ такое.

Городничій. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой...

Хлестаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. (Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь).

Городничій. Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы—разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій (Добчинскому). Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій. Ничего, я такъ.

Городничій (тихо Добчинскому). Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе Земляникѣ, а другую женѣ. (Хлестакову). Осмѣлюсь ли я попросить позволенія напи-

сать въ вашемъ присутствіи одну строку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же?.. А впрочемъ тутъ и чернила, только бумаги — не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?

Городничій. Я здѣсь напишу. (Пишетъ и въ то же время говоритъ про-себя). А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера: не казиста на видъ, а слона повалитъ съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. (Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается).

Хлестаковъ. Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь!

Бобчинскій. Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая нашлепка! Я забѣгу къ Христіану Ивановичу: у него-съ есть пластырь такой, такъ вотъ оно и пройдетъ.

Городничій (дѣлая Бобчинскому укорительный знакъ, Хлестакову). Это-съ ничего. Прошу покорнѣйше, пожалуйте! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. (Осипу). Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему — тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! (Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому). Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! И растянулся, какъ, чортъ знаетъ, что такое. (Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Андреевна, Марья Антоновна (стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).

Анна Андреевна. Ну, вотъ, ужъ цѣлый часъ дожидаемся, а все ты съ своимъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ! еще нужно копаться... Не слушать бы ея вовсе. Экая досада! какъ нарочно, ни души! какъ будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да право, маменька, минуты черезъ двѣ все узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна притти. (Всматривается въ окно и вскрикиваетъ). Ахъ, маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ въ концѣ улицы.

Анна Андреевна. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идетъ. Кто-жъ это идетъ? Небольшого роста... во фракѣ... Кто-жъ это? А? Это однакожъ досадно! Кто-жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна. Это Добчинскій, маменька!

Анна Адреевна. Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... Совсѣмъ не Добчинскій. (Машетъ платкомъ). Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ—не Добчинскій.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу,—изъ чего же ты споришь? (Кричитъ въ окно). Скорѣй, скорѣй! вы тихо идете. Ну, что, гдѣ они? А? Да говорите же оттуда, все равно. Что? Очень строгій? А? А мужъ, мужъ? (Немного отступая отъ окна, съ досадою). Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда-жъ за ними! и я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

Добчинскій. Ей Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ.

Анна Андреевна. Ну, что? Ну, разсказывайте: что и какъ тамъ?

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто онъ такой? генералъ?

Добчинскій. Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу: такое образованіе и важные поступки-съ.

Анна Андреевна. А! такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу.

Добчинскій. Настоящій. Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна. Ну, разскажите: что и какъ?

Добчинскій. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, да-съ; сердился и говорилъ, что и въ гостинницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна. Да вамъ-то чего бояться? вѣдь вы не служите.

Добчинскій. Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна. Ну, что-жъ... это все, однакожъ, вздоръ. Разскажите: каковъ онъ собою? что, старъ или молодъ?

Добчинскій. Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ. „Извольте", говоритъ, „я поѣду и туда, и туда..." (размахиваетъ руками) такъ это все славно. „Я", говоритъ, „и написать, и почитать, люблю; но мѣшаетъ, что въ комнатѣ", говоритъ, „немножко темно".

Анна Андреевна. А собой каковъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинскій. Нѣтъ, больше шантретъ, и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущенье даже приводятъ.

Анна Андреевна. Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? (Читаетъ). „Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать пять копѣекъ...“ (Останавливается). Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добчинскій. А, это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ, по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна. А, да, точно. (Продолжаетъ читать). „Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то, я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій...“ Ахъ, Боже мой! Это, однакожъ, нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій (бѣжитъ и кричитъ въ дверь). Мишка! Мишка! Мишка! (Мишка входитъ).

Анна Андреевна. Послушай: бѣги къ купцу Абдулину... постой я дамъ тебѣ записочку (садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ:) эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы онъ побѣжалъ съ нею къ купцу Абдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, рукомойникъ и прочее.

Добчинскій. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! я не держу васъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андреевна. Цвѣтное!.. Право, говоришь— лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

Анна Андреевна. Мнѣ палевое нейдетъ?

Марья Антоновна. Нейдетъ; я, что угодно, даю, нейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андреевна. Вотъ хорошо! а у меня глаза развѣ не темные? самые темные. Какой вздоръ говоритъ! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки. Я никгода не была червонная дама. (Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценою). Этакое вдругъ вообразится! червонная дама! Богъ знаетъ, что такое! (По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мишка и Осипъ.

Осипъ. Куда тутъ?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда!

Осипъ. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ ты горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будетъ генералъ?

Осипъ. Какой генералъ?

Мишка. Да баринъ вашъ.

Осипъ. Баринъ? да какой онъ генералъ?

Мишка. А развѣ не генералъ?

Осипъ. Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка. Что-жъ это, больше, или меньше настоящаго генерала?

Осипъ. Больше.

Мишка. Вишь ты какъ! то-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ. Послушай, малый: ты, я вижу проворный парень; приготовь-ка тамъ что-нибудь поѣсть!

Мишка. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не гото-

во. Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ, какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Осипъ. Ну, а простого-то что у васъ есть?

Мишка. Щи, каша, да пироги.

Осипъ. Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что тамъ другой выходъ есть?

Мишка. Есть. (Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату).

ЯВЛЕНІЕ V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ; за нимъ городничій, далѣе попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій, съ пластыремъ на носу. Городничій указываетъ квартальнымъ на полу бумажку—они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга впопыхахъ.

Хлестаковъ. Хорошія заведенія. Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то-есть, пользѣ, а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ. Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ объѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

Городничій. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ. Я люблю поѣсть. Вѣдь на то живешь,

чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Артемій Филипповичъ (подбѣгая). Лабарданъ съ.

Хлестаковъ. Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, что ли?

Артемій Филипповичъ. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ. Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, не много.

Артемій Филипповичъ. Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство,—можетъ-быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ,—всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

Городничій. Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки поправки... словомъ, наиумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: „Господи Боже Ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?..“ Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего-жъ мнѣ больше? Ей, ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ (въ сторону). Эка

бездѣльникъ, какъ расписываетъ! Далъ же Богъ такой даръ!

Хлестаковъ. Это правда. Я, признаюсь, самъ люблю иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишки выкинутся.

Бобчинскій (Добчинскому). Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ. Скажите пожалуйста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

Городничій (въ сторону). Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! (Вслухъ). Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ эти карты. Смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля или что нибудь другое, то такое омерзѣніе нападаетъ, что, просто, плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ?

Лука Лукичъ (въ сторону). А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Городничій. Лучше-жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ. Ну, нѣтъ, вы напрасно однакоже... Все зависитъ отъ той стороны, съ которой кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ... ну, тогда кончено... Нѣтъ, не говорите: иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ (раскланиваясь). Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ (рисуясь). Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна. Привыкши жить, comprenez vous, въ свѣтѣ и вдругъ очутиться въ дорогѣ: грязные трактиры, мракъ невѣжества.. Если бъ, признаюсь, не такой случай, который меня... (посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется передъ ней) такъ вознаградилъ за все...

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ.

Хлестаковъ. Да, деревня, впрочемъ, тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнитъ съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! что за жизнь, право! Вы, можетъ-быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: „Приходи, братецъ, обѣдать!“ Я только на двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только—тр, тр... пошелъ писать. Хотѣли было даже меня коллежскимъ асессоромъ сдѣлать, да думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: „Позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ“, говоритъ, „сапоги почищу“. (Городничему). Что вы, господа, стоите? Пожалуйста садитесь!

Вмѣстѣ.

Городничій. Чинъ такой, что еще можно постоять.

Артемій Филипповичъ. Мы постоимъ.

Лука Лукичъ. Не извольте безпокоиться.

Хлестаковъ. Безъ чиновъ, прошу садиться. (Городничій и всѣ садятся). Я не люблю церемоніи. Напротивъ, я даже стараюсь проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только пойду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: „Вонъ“, говорятъ, „Иванъ Александровичъ идетъ“. А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго: солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: „Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго“.

Анна Андреевна. Скажите, какъ!

Хлестаковъ. Съ хорошенькими актрисами зна-

комъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: „Ну, что, братъ Пушкинъ?“ — „Да такъ, братъ“, отвѣчаетъ бывало: „такъ какъ-то все...“ Большой оригиналъ.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма. Ужъ и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ: „Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь“. Думаю себѣ: „Пожалуй, изволь, братецъ“. И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это, что было подъ именемъ барона Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій Телеграфъ... все это я написалъ.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ. Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю статьи. Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андреевна. Такъ, вѣрно, и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна. Ну, вотъ: я и знала, что даже здѣсь будешь спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано.

Хлестаковъ. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. (Обращаясь ко всѣмъ). Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы?

Хлестаковъ. Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ—въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кастрюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку—паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься, играя, что, просто ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ — скажешь только кухаркѣ: „На, Мавруша, шинель“... Что-жъ я вру—я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоитъ... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ тамъ, какъ шмели, только и слышно ж... ж... ж... Иной разъ и министры. (Городничій и прочіе съ робостью встаютъ съ своихъ стульевъ). Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И старино: директоръ уѣхалъ — куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало—нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ, а разсмотришь—просто, чортъ возьми! Послѣ видятъ, нечего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете пердставить себѣ, тридцать пять

тысячъ однихъ курьеровъ. Каково положеніе, я спрашиваю? „Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!“ Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ; хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... „Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю“, говорю: „такъ и быть“, говорю: „я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! ужъ я...“ И точно: бывало, какъ прохожу черезъ департаментъ—просто землетрясеніе, все дрожитъ и трясется, какъ листъ. (Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлостаковъ горячится сильнѣе). О! я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задалъ острастку. Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ: „я самъ себя знаю, самъ я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш... (Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками).

Городничій (подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить). А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ. (быстрымъ отрывистымъ голосомъ) Что такое?

Городничій. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ (такимъ же голосомъ). Не разберу ничего, все вздоръ.

Городничій. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вотъ и комната, и все, что нужно.

Хлестаковъ. Вздоръ — отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ... Я доволенъ, я доволенъ. (Съ декламаціей). Лабарданъ! лабарданъ! (Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій (Добчинскому). Вотъ это, Петръ, Ивановичъ, человѣкъ-то! Вотъ оно, что значитъ человѣкъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добчинскій. Я думаю чуть ли не генералъ.

Бобчинскій. А я такъ думаю, что генералъ-то ему и въ подметки не станетъ; а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ? Пойдемъ, разскажемъ поскорѣе Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна.

Добчинскій. Прощайте, кумушка! (Оба уходятъ).

Артемій Филипповичъ (Лукѣ Лукичу). Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ. Ну, что, какъ проспится, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе? (Уходитъ въ задумчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училищъ, произнеся): Прощайте сударыня!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штучку. Пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однакожъ,

ему очень понравилась: я замѣтила—все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну, вотъ, Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна. Ну, можетъ-быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. „А", говоритъ себѣ: „дай ужъ посмотрю на нее!"

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и городничій.

Городничій (входитъ на цыпочкахъ). Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничій. И не радъ, что напоилъ. Ну, что если хоть одна половина изъ того, что онъ говорилъ, правда? (Задумывается). Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши, человѣкъ все несетъ наружу: что на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь, не прилгнувши, не говорится никакая рѣчь. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается

въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій. Ну, жъ вы—женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все—финтирлюшки! Вдругъ брякнуть ни изъ того, ни изъ другого словцо. Васъ посѣкутъ, да и только, а мужа и поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... (посматриваетъ на дочь).

Городничій (одинъ). Ну, ужъ съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. (Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь). Мишка! позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. (Послѣ небольшого молчанія). Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хоть бы народъ-то ужъ былъ видный, а то худенькій, тоненькій—какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя, а какъ надѣнетъ фрачишку—ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давеча въ трактирѣ, заламливалъ такія аллегоріи и екивоки, что, кажись, вѣкъ бы не добился толку.

А вотъ, накнецъ, и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человѣкъ молодой.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Осипъ. Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу, кивая пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда любезный!

Городничій. Чш!.. что? что? спитъ?

Осипъ. Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ. Осипъ, сударыня.

Городничій (женѣ и дочери). Полно, полно вамъ! (Осипу). Ну, что, другъ, тебя накормили хорошо?

Осипъ. Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну, что, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Осипъ (въ сторону). А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ. (Вслухъ). Да, бываютъ и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осипъ, какой твой баринъ хоршенькій!

Анна Андреевна. А что, скажи пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

Городничій. Да перестаньте пожалуйства! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну, что, другъ?...

Анна Андреевна. А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

Осипъ. Чинъ обыкновенно какой.

Городничій. Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми разспросами! не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что, другъ, какъ твой баринъ?.. строгъ? любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Осипъ. Да, порядокъ любитъ. Ужъ ему чтобы все было въ исправности.

Городничій. А мнѣ очень нравится твое лицо. Другъ, ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходитъ?

Городничій. Полно вамъ, право, трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человѣка... (Къ Осипу). Ну, что, другъ, право, мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ,—оно теперь холодновато,—такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай.

Осипъ (принимая деньги). А покорнѣйше благодарю, сударь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что другъ...

Анна Андреевена. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осипъ, душенька! какой миленькій носикъ у твоего барина!

Городничій. Да постойте, дайте мнѣ!.. (Къ Осипу). А что, другъ, скажи пожалуйства: на что больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то-есть, что ему въ дорогѣ больше нравится?

Осипъ. Любитъ онъ, по разсмотрѣнію, что какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

Городничій. Хорошее?

Осипъ. Да, хорошее. — Вотъ ужъ на что я, крѣпостной человѣкъ, но и то сомтритъ, чтобы и мнѣ было хорошо. Ей Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: „Что, Осипъ, хорошо тебя угостили?“—„Плохо, ваше высокоблагородіе!“ —„Э“, говоритъ, „это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты“,

говоритъ, „напомни мнѣ, какъ пріѣду“.—„А“, думаю себѣ, (махнувъ рукою) „Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой“.

Городничій. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

Осипъ. Зачто жалуете, ваше высокоблагородіе? (Прячетъ деньги). Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! (Слышенъ изъ другой комнаты кашель Хлестакова).

Городничій. Чш! (поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса). Боже васъ сохрани шумѣть! Идите себѣ! полно ужъ вамъ...

Анна Андреевна. Пойдемъ, Машенька! я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

Городничій. О, ужъ тамъ наговорятъ! Я думаю, поди только, да послушай—и уши потомъ заткнешь. (Обращаясь къ Осипу). Ну, другъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Держиморда и Свистуновъ.

Городничій. Чш! экіе косолапые медвѣди стучатъ сапогами! Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держиморда. Былъ по приказанію...

Городничій. Чш! (закрываетъ ему ротъ). Экъ

какъ каркнула ворона! (Дразнитъ его). Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ! (Къ Осипу). Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что нужно для барина. Все, что ни есть въ домѣ, требуй. Осипъ уходитъ). А вы—стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, въ-зашей такъ прямо и толкайте! такъ его! хорошенько! (Показываетъ ногою). Слышите? Чш... чш... (Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комна въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ: Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій и Бобчинскій, въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполголоса.

Аммосъ Ѳедоровичъ (строитъ всѣхъ полукружіемъ). Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздитъ, и государственный совѣтъ распекаетъ! Стройтесь на военную ногу, непремѣнно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. (Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ).

Артемій Филипповичъ. Воля ваша, Аммосъ Ѳедоровичъ, намъ нужно бы кое—что предпринять.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А что именно?

Артемій Филипповичъ. Ну извѣстно что.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Подсунуть?

Артемій Филипповичъ. Ну, да, хоть и подсунуть?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Опасно, чортъ возьми! раскричится: государственный человѣкъ. А развѣ въ видѣ

приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятникъ?

Почтмейстеръ. Или же: „вотъ, молъ, пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія“.

Артемій Филипповичъ. Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отправилъ куда-нибудь подальше. Слушайте: эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ? Представиться нужно поодиночкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ—чтобы и уши не слыхали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается! Ну, вотъ вы, Аммосъ Ѳедоровичъ, первый и начните.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Такъ лучше-жъ вы: въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусилъ хлѣба.

Артемій Филипповичъ. Такъ ужъ лучше Лукѣ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

Лука Лукичъ. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что, заговори со мною однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня, просто, и души нѣтъ, и языкъ какъ въ грязь, завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте!

Артемій Филипповичъ. Да, Аммосъ Ѳедоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что вы! что вы: Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней ссорѣ или гончей ищейкѣ...

Всѣ (пристаютъ къ нему). Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи... Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Отвяжитесь, господа! (Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпят-

ся и стараются выйти, что происхдитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія):

Голосъ Бобчинскаго. Ой! Петръ Ивановичъ, наступили на ногу!

Голосъ Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе—совсѣмъ прижали!

(Выхватываются нѣсколько восклицаній: ай! ай! наконецъ, всѣ выпираются, и комната остается пуста).

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ (одинъ выходитъ съ заспанными глазами).

Я, кажется, всхрапнулъ порядомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностью проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень не дурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и судья.

Судья (входя и останавливаясь, про-себя). Боже, Боже! вынеси благополучно; такъ вотъ колѣнки и ломаетъ.

(Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу). Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій асессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. А выгодно, однако-же, быть судьею?

Судья. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства. (Въ сторону). А деньги въ кулакѣ, да кулакъ-то весь въ огнѣ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени уже не такъ.

Судья (высовывая по немногу впередъ сжатый кулакъ. Въ сторону). Господи Боже! не знаю, гдѣ сижу. Точно горячіе угли подъ тобою.

Хлестаковъ. Что это у васъ въ рукѣ?

Аммосъ Ѳедоровичъ (потерявшись и роняя на полъ ассигнаціи). Ничего-съ.

Хлестаковъ. Какъ ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммосъ Ѳедоровичъ (дрожа всѣмъ тѣломъ). Никакъ нѣтъ-съ! (въ сторону). О, Боже! вотъ ужъ я и подъ судомъ! и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ (подымая). Да, это деньги.

Аммосъ Ѳедоровичъ (въ сторону). Ну, все кончено — пропалъ! пропалъ!

Хлестаковъ. Знате ли что? дайте ихъ мнѣ взаймы.

Аммосъ Ѳедоровичъ (поспѣшно). Какъ же-съ, какъ же-съ... съ большимъ удовольствіемъ. (Въ сторону). Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ. Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да се... Впрочемъ, я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришлю.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Помилуйте, какъ можно;

и безъ того это такая честь... Кнечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усердіемъ къ начальству... постараюсь заслужить... (Приподымается со стула. Вытянувшись и руки по швамъ). Не смѣю болѣе безпокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанія?

Хлестаковъ. Какого приказанья?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я разумѣю, не дадите ли какого приказанья здѣшнему уѣздному суду?

Хлестаковъ. Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ, ничего. Покорнѣйше благодарю.

Аммосъ Ѳедоровичъ (раскланиваясь и уходя въ сторону). Ну, городъ нашъ!

Хлестаковъ (по уходѣ его). Судья—хорошій человѣкъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ и почтмейстеръ (входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу).

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно—ну, что-жъ? Вѣдь это не столица. Не превда ли, вѣдь это не столица.

Почтмейстеръ. Совершенная правда.

Хлестаковъ. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-

тонъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ (въ сторону). А онъ, однако-жъ, ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ. А вѣдь, однако-жъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. По моему мнѣнію, что нужно? только, чтобы тебя уважали, любили искренно—не правда ли?

Почтмейстеръ. Совершенно справедливо.

Хлестаковъ. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. (Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя). А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. (Вслухъ). Какой странный со мной случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Почтмейстеръ. Почему же? почту за величайшее счастіе. Вотъ-съ, извольте. Отъ души готовъ служить.

Хлестаковъ. Очень благодаренъ. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогѣ, да и къ чему? Не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. (встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу). Не смѣю долѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ. Нѣтъ, ничего! (Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ).

Хлестаковъ (раскуривая сигарку). Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ; по крайней мѣрѣ услужливъ. Я люблю такихъ людей.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ и Лука Лукичъ, который почти выталкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: „Чего робѣешь?“

Лука Лукичъ (вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу). Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? (Подаетъ ему сигару).

Лука Лукичъ (про себя, въ нерѣшимости). Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка — прсто ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. (Подаетъ ему свѣчу).

Лука Лукичъ (пробуетъ закурить и весь дрожитъ).

Хлестаковъ. Да не съ того конца!

Лука Лукичъ (отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и, махнувъ рукою, про себя). Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаковъ. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго пола, никакъ не могу быть равнодушнымъ. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся—брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ находится въ совершенномъ недоумѣніи, что сказать.

Хлестаковъ. Нѣтъ, скажите откровенно! брюнетки или блондинки.

Лука Лукичъ. Не смѣю знать.

Хлестаковъ. Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь! Мнѣ хочется узнать непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ. Осмѣлюсь доложить... (Въ сторону). Ну, и самъ не знаю, что говорю.

Хлестаковъ. А! а! не хотите сказать. Вѣрно, ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ молчитъ.

Хлестаковъ. А! а! покраснѣли! Видите! видите! Отчего-жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ. Оробѣлъ, ваше бла... преос... сіят... (Въ сторону). Продалъ, проклятый языкъ, продалъ!

Хлестаковъ. Оробѣли? А въ моихъ глазахъ, точно, есть что-то такое, что внушаетъ робость. По крайней мѣрѣ, я знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

Лука Лукичъ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Вотъ со мной престранный случай: въ дорогѣ совсѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Лука Лукичъ (Хватаясь за карманы, про себя). Вотъ-те штука, если нѣтъ! Есть, есть! (Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи).

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю.

Лука Лукичъ (вытягиваясь и придерживая шпагу). Не смѣю долѣе безпокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ. Прощайте.

Лука Лукичъ. (Летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону). Ну, слава Богу! авось не заглянетъ въ классы!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ и Артемій Филипповичъ, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Земляника.

Хлестаковъ. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемій Филипповичъ. Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлестаковъ. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

Артемій Филипповичъ. Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ. Я,—признаюсь, это моя слабость,—люблю хорошую кухню. — Скажите, пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

Артемій Филипповичъ. Очень можетъ быть. (Помолчавъ). Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу. (Придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ вполголоса). Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи: посылки задерживаются... извольте сами нарочно розыскать. Судья тоже, который только-что былъ предъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ и поведенія, если признаться предъ вами,—конечно, для пользы отечества, я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель,— поведенія самаго предосудительнаго. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ

Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ. И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ. Скажите пожалуйста! а я никакъ этого не думалъ.

Артемій Филипповичъ. Вотъ и смотритель здѣшняго училища... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

Хлестаковъ. Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ, люблю въ скучное время прочесть что-нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? я все позабываю.

Артемій Филипповичъ. Земляника.

Хлестаковъ. А, да! Земляника. И что-жъ, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

Артемій Филипповичъ. Какъ же-съ! пятеро; двое уже взрослыхъ.

Хлестаковъ. Скажите, взрослыхъ! а какъ они... какъ они того?..

Артемій Филипповичъ. То-есть, не изволите ли вы спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

Хлестаковъ. Да, какъ ихъ зовутъ.

Артемій Филипповичъ. Николай, Иванъ, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестакоъ. Это хорошо.

Артемій Филипповичъ. Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности... (Раскланивается съ тѣмъ, чтобы уйти).

Хлестаковъ (провожая). Нѣтъ, ничего. Это все очень смѣшно, что вы говорили. Пожалуйста и въ другое то же время... Я это очень люблю. (Возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему). Эй, вы! какъ васъ? я все позабываю, какъ ваше имя и отчество.

Артемій Филипповичъ. Артемій Филипповичъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ взаймы — рублей четыреста?

Артемій Филипповичъ. Есть.

Хлестаковъ. Скажите, какъ кстати. Покорнѣйше васъ благодарю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

Добчинскій. Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

Хлестаковъ. А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали? Что, какъ вашъ носъ?

Бобчинскій. Слава Богу! не извольте безпокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ. Хорошо, что присохъ. Я радъ... (Вдругъ и отрывисто). Денегъ нѣтъ у васъ?

Добчинскій, Денегъ? какъ денегъ?

Хлестаковъ. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій. Такой суммы, ей Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ. Да, ну, если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

Бобчинскій (шаря въ карманахъ). У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

Добчинскій (смотря въ бумажникъ). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинскій. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то, вѣрно, какъ-нибудь запали.

Добчинскій. Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ.

Хлестаковъ. Ну, все равно. Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей... это все равно. (Принимаетъ деньги).

Добчинскій. Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлестаковъ. А что это?

Добчинскій. Дѣло очень тонкаго свойства-съ; старшій-то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака...

Хлестаковъ. Да?

Добчинскій. То-есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ, то-есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ.

Хлестаковъ. Хорошо, пусть называется, это можно.

Добчинскій. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль насчетъ способностей. Мальчишка-то этакой... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные разскажетъ и, если гдѣ попадется ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій. Да, большія способности имѣетъ.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... я надѣюсь... все это будетъ сдѣлано, да, да... (Обращаясь къ Бобчинскому). Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій. Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлестаковъ. А что, о чемъ?

Бобчинскій. Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ: сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Бобчинскій. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ, молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Бобчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Добчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлестаковъ. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. (Выпроваживаетъ ихъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ (одинъ).

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, однакожъ, они меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину; онъ-пописываетъ статейки—пусть-ка онъ ихъ общелкаетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ! (Осипъ выглянулъ изъ дверей, произнесши: „сейчасъ"). А ужъ Тряпичкину, точно, если кто попадетъ на зубокъ,—берегись: отца родного не пощадитъ для словца, и деньгу тоже любитъ. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ... Какая замасленная буамжка! Восемьсотъ, девятьсотъ... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь! посмотримъ, кто кого!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ и Осипъ (съ чернилами и бумагою).

Хлестаковъ. Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ? (Начинаетъ писать).

Осипъ. Да, слава Богу! Только знаете что, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Уѣзжайте отсюда! Ей Богу, уже пора.

Хлестаковъ. (пишетъ). Вотъ и вздоръ! Зачѣмъ?

Осипъ. Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька,—ну и довольно Что съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ! не ровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ... ей Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славныя—такъ бы закатили!..

Хлестаковъ (пишетъ). Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ. Да что завтра! Ей Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе; вѣдь васъ, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались. Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ (пишетъ). Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй, вмѣстѣ и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошія были. Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря, катили и пѣсни бы пѣли!... (Продолжаетъ писать). Воображаю, Тряпичкинъ умретъ со смѣху...

Осипъ. Я, сударь отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобъ не прошло понапрасну время.

Хлестаковъ (пишетъ). Хорошо, принеси только свѣчу.

Осипъ (выходитъ и говоритъ за сценой). Эй, послушай, братъ! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не платитъ; прогонъ, молъ, скажи, казенный. Да чтобъ все живѣе, а не то, молъ, баринъ сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаковъ (продолжаетъ писать). Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ—въ Почтамской или Гороховой? Онъ, вѣдь, тоже любитъ часто переѣзжать съ кварти-

ры и не доплачивать. Напишу наудалую въ Почтамскую. (Сверстываетъ и надписываетъ).

Осипъ хриноситъ свѣчу. Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды: Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не велѣно пускать.

Хлестаковъ (даетъ Осипу письмо). На, отнеси.

Голоса купцовъ. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды. Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, спитъ. (Шумъ увеличивается).

Хлестаковъ. Что тамъ такое, Осипъ? Посмотри, что за шумъ.

Осипъ (глядя въ окно). Купцы какіе-то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ (подходя къ окну). А что вы, любезные?

Голоса купцовъ. Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ. Впустите ихъ, впустите! пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ: пусть идутъ. (Осипъ уходитъ).

Хлестаковъ принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ. „Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову отъ купца Абдулина...“ Чортъ знаетъ, что: и чина такого нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и купцы (съ кузовомъ вина и сахарными головами).

Хлестаковъ. А что вы, любезные?

Купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ. А что вамъ угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлестаковъ. Отъ кого?

Одинъ изъ купцовъ. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватитъ за бороду, говоритъ: „Ахъ ты татаринъ!“ Ей Богу! Если бы, то-есть, чѣмъ нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ—мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало—ей, ей! Придетъ въ лавку и, что ни попадется, все беретъ. Купца увидитъ штуку, говоритъ: „Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мнѣ“. Ну, и несешь, а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы. Ей Богу! такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То-есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь.

Хлестаковъ. Да это просто, разбойникъ.

Купцы. Ей, ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велитъ запереть двери. „Я тебя“, говоритъ, „не буду“, говоритъ,

„подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать— это“, говоритъ, „запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!“

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это, просто, въ Сибирь.

Купцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его—все будетъ хорошо, лишь бы, то-есть, отъ насъ подальше. Не побрезгай, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцомъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ. Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ. Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей триста,—ну, тогда совсѣмъ другое дѣло: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отецъ нашъ! (Вынимаютъ деньги). Да что триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ. Извольте: взаймы—я ни слова, я возьму.

Купцы (подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги). Ужъ, пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ. Ну и подносикъ можно.

Купцы (кланяясь). Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

Хлестаковъ. О, нѣтъ, я взятокъ никакихъ...

Осипъ. Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите! въ дорогѣ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ! Подавай все! все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка въ дорогѣ пригодится: телѣжка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то-есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ какъ и быть: просто хоть въ петлю полѣзай.

Хлестаковъ Непремѣнно! Я постараюсь. (Купцы

уходятъ). Слышенъ голосъ женщины: Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить мея! Я на тебя пожалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

Хлестаковъ. Кто тамъ? (Подходитъ къ окну). А что ты, матушка?

Голоса двухъ женщинъ. Милости твоей, отецъ, прошу! Повели, государь, выслушать.

Хлестаковъ (въ окно). Пропустить ее.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша.

Слесарша (кланяясь въ ноги). Милости прошу...

Унтеръ-офицерша. Милости прошу...

Хлестаковъ. Да что вы за женщины?

Унтеръ-офицерша. Унтеръ-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петровна Пошлепкина, отецъ мой...

Хлестаковъ. Стой, говори прежде одна. Что тебѣ нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло! Чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлестаковъ. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлестаковъ. Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слесарша. Сдѣлалъ мошенникъ, сдѣлалъ — побей Богъ его и на томъ, и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся навѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже послала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. „На что", говоритъ, „тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится". Да я то знаю—годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! „Онъ", говоритъ, „воръ: хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно", говоритъ, „онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты". Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго! А если есть теща, точтобъ и тещѣ...

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (Выпроваживаетъ старуху).

Слесарша (уходя). Не позабудь, отецъ нашъ! будь милостивъ!

Унтеръ-офицерша. На городничаго, батюшка, пришла...

Хлестаковъ. Ну, да что, зачѣмъ? говори въ короткихъ словахъ.

Унтеръ-офицерша. Высѣкъ, батюшка!

Хлестаковъ. Какъ?

Унтеръ-офицерша. По ошибкѣ, отецъ мой! Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція не подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отратортовали: два дня сидѣть не могла.

Хлестаковъ. Такъ что-жъ теперь дѣлать?

Унтеръ-офицерша. Да дѣлать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафтъ. Мнѣ

отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Ступайте! ступайте! я распоряжусь. (Въ окно высовываются руки съ просьбами). Да кто тамъ еще? (Подходитъ къ окну). Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! (Отходя). Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!

Осипъ (кричитъ въ окно). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! (Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, съ небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою: за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ).

Осипъ. Пошелъ, пошелъ! чего лѣзешь? (Упирается первому руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую захлопнувъ за собою дверь).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ахъ!

Хлестаковъ. Отчего вы такъ испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нѣтъ, я не испугалась.

Хлестаковъ. (рисуется). Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ: куда вы намѣрены были итти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаковъ. Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здѣсь ли маменька...

Хлестаковъ. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами.

Хлестаковъ. (рисуется). А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принесть удовольствіе.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаковъ. Для такой прекрасной особы, какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было итти. (Сѣла).

Хлестаковъ. Какой у васъ прекрасный платочекъ!

Марья Антоновна. Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ. Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какой-то платочекъ... Сегодня какая странная погода.

Хлестаковъ. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы все этакое говорите... Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлестаковъ. Для васъ, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

Марья Антоновна. Какіе-нибудь этакіе—хорошіе, новые.

Хлестаковъ. Да что стихи! я много ихъ знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

Хлестаковъ. Да къ чему же говорить? я и безъ того ихъ знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ. Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: „О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!..“ ну и другіе... теперь не могу припомнить; впрочемъ, это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... (Придвигая стулъ).

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любви... я никогда и не знала, что за любовь... (Отодвигаетъ стулъ).

Хлестаковъ. Отчего-жъ вы отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Марья Антоновна (отодвигаясь). Для чего-жъ близко? все равно и далеко.

Хлестаковъ (придвигаясь). Отчего-жъ далеко? все равно и близко.

Марья Антоновна (отодвигается). Да къ чему-жъ это?

Хлестаковъ (придвигаясь). Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко. Какъ бы я былъ, счастливъ, сударыня, если-бъ могъ прижать васъ въ свои объятія.

Марья Антоновна (смотритъ въ окно). Что это, такъ, какъ будто бы полетѣло? Сорока или какая другая птица?

Хлестаковъ (цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно). Это сорока.

Марья Антоновна (встаетъ въ негодованіи). Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!...

Хлестаковъ (удерживая ее). Простите, сударыня: я это сдѣлалъ отъ любви, точно, отъ любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинціалку... (Силится уйти).

Хлестаковъ (продолжая удерживать ее). Изъ любви, право, изъ любви. Я такъ только пошутилъ: Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣнкахъ у васъ просить прощенія. (Падаетъ на колѣни). Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (увидя Хлестакова на колѣняхъ). Ахъ, какой пассажъ!

Хлестаковъ (вставая). А, чортъ возьми!

Анна Андреевна (дочери). Это что значитъ, сударыня? Это что за поступки такіе!

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь! И не смѣй показываться на глаза. (Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ). Извините, я, признаюсь, приведена въ такое изумленіе...

Хлестаковъ (въ сторону). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (Бросается на колѣни). Сударыня, вы видите, я сгораю отъ любви.

Анна Андреевна. Какъ! вы на колѣняхъ? Ахъ, встаньте, встаньте! здѣсь полъ совсѣмъ нечистъ.

Хлестаковъ. Нѣтъ, на колѣняхъ, непремѣнно на

колѣняхъ, я хочу знать, что такое мнѣ суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполнѣ значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію насчетъ моей дочери.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я влюбленъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я недостоинъ земного существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ.

Хлестаковъ. Это ничего! Для любви нѣтъ различія; и Карамзинъ сказалъ: „Законы осуждаютъ". Мы удалимся подъ тѣнь струй... Руки вашей, руки прошу.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Марья Антоновна (вдругъ вбѣгаетъ).

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказалъ, чтобы вы... (Увидя Хлестакова на колѣняхъ, вскрикиваетъ). Ахъ, какой пассажъ!

Анна Андреевна. Ну, что ты? къ чему? зачѣмъ? Что за вѣтреность такая! Вдругъ вбѣжала, какъ угорѣлая кошка. Ну, что ты нашла такого удивительнаго? Ну, что тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, когда ты будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ.

Марья Антоновна (сквозь слезы). Я право маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебѣ глядѣть на нихъ! не нужно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе—передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать.

Хлестаковъ (схватывая за руку дочь). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (съ изумленіемъ). Такъ вы въ нее?..

Хлестаковъ. Рѣшите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну, вотъ видишь, дура, ну, вотъ видишь: изъ-за тебя, этакой дряни, гость изволилъ стоять на колѣняхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну, вотъ, право, стоитъ, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастія.

Марья Антоновна. Не буду, маменька: право, впередъ не буду.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и городничій (впопыхахъ).

Городничій. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаковъ. Что съ вами?

Городничій. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣряю, и на половину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣри-

ваютъ народъ. Унтеръ-офицерша налгала вамъ, будто бы я ее высѣкъ; она вретъ, ей Богу, вретъ. Она сама себя высѣкла.

Хлестаковъ. Провались унтеръ-офицерша — мнѣ не до нея!

Городничій. Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ васъ Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

Городничій. Куда! Куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство: она немного съ придурью, такова же была и мать ея.

Хлестаковъ. Да, я, точно, прошу руки. Я влюбленъ.

Городничій. Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорятъ тебѣ!

Хлестаковъ. Я не шутя вамъ говорю... Я могу отъ любви свихнуть съ ума.

Городничій. Не смѣю вѣрить, недостоинъ такой чести.

Хлестаковъ. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ, что готовъ...

Городничій. Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ахъ, какой чурбанъ въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ?

Городничій. Не могу вѣрить.

Хлестаковъ. Отдайте, отдайте! Я отчаянный чело-

вѣкъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отдадутъ.

Городничій. Ахъ, Боже мой! Я, ей, ей, не виноватъ ни душою, ни тѣломъ! Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ головѣ теперь... я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаковъ подходитъ съ Марьей Антоновной.

Городничій. Да благословитъ васъ Богъ! а я не виноватъ. (Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной. Городничій смотритъ на нихъ). Что за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! (Протираетъ глаза). Цѣлуются! Ахъ, батюшки, цѣлуются! Точный женихъ. (Вскрикиваетъ, подпрыгивая отъ радости). Ай, Антонъ! Ай, Антонъ! Ай, городничій! Вона, какъ дѣло-то пошло!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Осипъ. Лошади готовы.

Хлестаковъ. А, хорошо, я сейчасъ.

Городничій. Какъ-съ? Изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Да, ѣду.

Городничій. А когда же, то-есть... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?

Хлестаковъ. А это... На одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ — богатый старикъ; а завтра же и назадъ.

Городничій. Не смѣемъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

Хлестаковъ. Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте, любовь моя... нѣтъ, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! (Цѣлуетъ ея ручку).

Городничій. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ. О, нѣтъ, къ чему это? (Немного подумавъ). А впрочемъ, пожалуй.

Городничій. Сколько угодно вамъ?

Хлестаковъ. Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то-есть не двѣсти, а четыреста,—я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, — такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничій. Сейчасъ. (Вынимаетъ изъ бумажника). Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ. А, да! (Беретъ и разсматриваетъ ассигнаціи). Это хорошо. Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничій. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Прощайте, Антонъ Антоновичъ. Очень обязанъ за ваше гостепріимство! Я признаюсь отъ всего сердца: мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго пріема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна! (Выходитъ).

ЗА СЦЕНОЙ.

Голосъ Хлестакова. Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна!

Голосъ городничаго. Какъ же это вы? прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлестакова. Да я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болитъ отъ рессоръ.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы коврикомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлестакова. Нѣтъ, зачѣмъ? это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ городничаго. Эй, Авдотья! ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучшій,—что по голубому полю, персидскій, скорѣй!

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлестакова. Завтра или послѣ завтра.

Голосъ Осипа. А, это коверъ? давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ Осипа. Вотъ съ этой стороны! сюда! еще! хорошо! Славно будетъ! (Бьетъ рукою по ковру). Теперь садитесь, ваше благородіе.

Голосъ Хлестакова. Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

Голосъ городничаго. Прощайте, ваше превосходительство!

Женскіе голоса. Прощайте, Иванъ Александровичъ!

Голосъ Хлестакова. Прщайте, маменька!

Голосъ ямщика. Эй, вы, залетные! (Коколокольчикъ звенитъ; занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось —просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ... фу, ты, канальство!.. съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ,никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Городничій. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однакожъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? (Входитъ квартальный). А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ! Постой-же, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на

меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобъ знали: что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою—не то, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество. (Квартальный уходитъ). Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничій. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за-панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ, такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничій. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужъ конечно голубую лучше.

Городничій. Э? вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ?—потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь—фельдегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: „лошадей!“ И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титуляр-

ные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ—стой городничій! Хе, хе, хе! (заливается и помираетъ со смѣху). Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника: напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городничій. Что-жъ? вѣдь слово не вредитъ.

Анна Андреевна. Да, хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій. Да; тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ конматѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. (Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ). Ахъ, какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и купцы.

Городничій. А! здорово, соколики!

Купцы. (кланяясь). Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій. Что, голубчики, какъ поживаете?

какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе! жаловаться? Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничій (съ неудовольствіемъ). А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я васъ!.. Обманываете народъ... Сдѣлаешь подрядъ съ казною—на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да еслибъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь. „Мы", говоритъ, „и дворянамъ не уступимъ". Да дворянинъ... ахъ ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А, ты что?—начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, „Отче нашъ" не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ! Фу, ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (кланяясь). Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты забылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь.—Что скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Ан-

тоновичъ! Лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

Городничій. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего?—оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы (кланяются въ ноги). Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. „Не погуби!“ Теперь: „не погуби!“ а прежде что? Я бы васъ... (махнувъ рукой). Ну, да Богъ проститъ! полно! Я не памятозлобенъ; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтобъ поздравленіе было... понимаешь? не то, чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару... Ну, ступай съ Богомъ! (Купцы уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ Растаковскій.

Аммосъ Ѳедоровичъ (еще въ дверяхъ). Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастіе?

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ. (Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны). Анна Андреевна! (Подходя къ ручкѣ Марьи Антоновны). Марья Антоновна!

Растаковскій (входитъ). Антона Антоновича поздравляю. Да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы,

и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! (Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны). Марья Антоновна! (Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.

Коробкинъ. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны). Марья Антоновна! (Подходитъ къ ея ручкѣ).

Жена Коробкина. Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ. Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! (Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства). Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить! (Подходитъ къ ея ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Аны Андреевны, говоря: „Анна Андреевна!“ потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: „Марья Антоновна!“

Бобчинскій и Добчинскій (проталкиваются).

Бобчинскій. Имѣю честь поздравить!

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

Бобчинскій. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій. Анна Андреевна!

Бобчинскій. Анна Андреевна! (Оба подходятъ въ одно время и сталкиваются лбами).

Добчинскій. Марья Антоновна! (Подходитъ къ ручкѣ). Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинскій (перебивая). Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакого маленькаго, вонъ энтакого-съ! (показываетъ рукою) чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! Все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Еще нѣсколько гостей, подходящихъ къ ручкамъ, Лука Лукичъ съ женою.

Лука Лукичъ. Имѣю честь...

Жена Лука Лукича (бѣжитъ впередъ). Поздравляю васъ, Анна Андреевна! (Цѣлуются). А я такъ, право, обрадовалась. Говорятъ мнѣ: „Анна Андреевна выдаетъ дочку“.—„Ахъ, Боже мой!“ думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: „Послушай, Луканчикъ; вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ!“ „Ну“, думаю себѣ, „слава Богу?“ И говорю ему: „Я такъ восхищена, что сгораю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ“... „Ахъ, Боже мой!“ думаю себѣ: „Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла“, и такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу,

вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: „Отчего ты, Настенька, рыдаешь?“ — „Луканчикъ“, говорю, „я и сама не знаю“, слезы такъ вотъ рѣкой и льются“.

Городничій. Покорнѣйше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ! (Гости садятся).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ. Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта.

Городничій. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа! (Гости усаживаются).

Аммосъ Ѳедоровичъ. Но скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепенный ходъ всего, то-есть, дѣла.

Городничій. Ходъ дѣла чрезвычайный изволилъ собственнолично сдѣлать предложеніе.

Анна Андревна. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все черзвычайно хорошо говорилъ. Говоритъ: „Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ“. И такой прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ!—„Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь—копѣйка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества“.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся!—„Я, Анна Андреевна,

изумляюсь". Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... И когда я хотѣла сказать: „Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь", онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: „Анна Андреевна! не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то, я смертью окончу жизнь свою".

Марья Антоновна. Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андреевна. Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

Городничій. И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится. „Застрѣлюсь, застрѣлюсь!" говоритъ.

Многіе изъ гостей. Скажите пожалуйства!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Экая штука!

Лука Лукичъ. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела.

Артемій Филипповичъ. Не судьба, батюшка, судьба—индѣйка: заслуги привели къ тому. (Въ сторону). Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастье!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію! вы не можете себѣ представить.

Коробкинъ. Гдѣ-жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ зачѣмъ-то.

Городничій. Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

Анна Андреевна. Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословенія.

Городничій. Испросить благословенія; но завтра

же... (Чихаетъ, поздравленія сливаются въ одинъ гулъ). Много благодаренъ! Но завтра же и назадъ... (Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса):

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго. Продли Богъ на сорокъ-сороковъ!

Артемія Филипповича. Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина. Чортъ тебя побери!

Городничій. Покорнѣйше благодарю! И вамъ того-жъ желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ!.. признаюсь, большая непріятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій. Да, признаюсь, господа, я чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ. И дай Богъ получить!

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Большому кораблю — большое плаванье.

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и честь.

Аммосъ Ѳедоровичъ (въ сторону). Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Ну, нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ. (въ сторону). Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ! Чего добраго, можетъ, и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. (Обращаясь къ нему). Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Аммосъ Ѳедоровичъ. И если что случится, на-

примѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ!

Коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

Городничій. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять этакими обѣщаніями?

Городничій. Почему-жъ, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, какъ она трактуетъ насъ?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и почтмейстеръ (впопыхахъ съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ).

Почтмейстеръ. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ?

Всѣ. Какъ, не ревизоръ?

Почтмейстеръ. Совсѣмъ не ревизоръ,—я узналъ это изъ письма.

Городничій. Что вы, что вы? изъ какого письма?

Почтмейстеръ. Да изъ собственнаго его письма.

Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ— вижу: „въ Почтамскую улицу". Я такъ и обомлѣлъ. „Ну", думаю себѣ, „вѣрно, нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство". Взялъ, да и распечаталъ.

Городничій. Какъ же вы?...

Почтмейстеръ. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эштафетой; но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: „Эй, не распечатывай! пропадешь, какъ курица;" а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: „Распечатай, распечатай, распечатай!" И какъ придавилъ сургучъ—по жиламъ огонь, а распечаталъ—морозъ, ей Богу, морозъ. И руки дрожтъ, и все помутилось.

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій. Что-жъ онъ по-вашему такое!

Почтмейстеръ. Ни се, ни то; чортъ знаетъ, что такое!

Городничій. (запальчиво). Какъ ни се, ни то? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почтмейстеръ. Кто? вы?

Городничій. Да, я!

Почтмейстеръ. Коротки руки!

Городничій. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу?

Почтмейстеръ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь? далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтмейстеръ (читаетъ). „Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не рѣшился только, съ которой начать—думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на шерамыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ аглицкаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ. Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные: отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій—глупъ, какъ сивый меринъ...“

Городничій. Не можетъ быть! Тамъ нѣтъ этого.

Почтмейстеръ (показываетъ письмо). Читайте сами.

Городничій (читаетъ). „Какъ сивый меринъ“. Не можетъ быть! вы это сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте.

Почтмейстеръ (продолжая читать). „Городничій—глупъ, какъ сивый меринъ...“

Городничій. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ (продолжая читать). Хм... хм... хм.. хм... „сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый че-

ловѣкъ...“ (Оставляя читать). Ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему-жъ?

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ. Позвольте я прочитаю. (Надѣваетъ очки и читаетъ). „Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, также подлецъ, пьетъ горькую“.

Почтмейстеръ (къ зрителямъ). Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Артемій Филипповичъ (продолжая читать). „Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... и... и... и...“ (заикается)

Коробкинъ. А что-жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (Беретъ письмо).

Артемій Филипповичъ (не давая письма). Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ. Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ. Прочитать, я и самъ прочитаю: далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, все читайте! Вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! (Коробкину). Читайте.

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. (Отдаетъ письмо). Вотъ позвольте... (закрываетъ пальцемъ). Вотъ отсюда читайте. (Всѣ приступаютъ къ нему).

Почтмейстеръ. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Коробкинъ (читая). „Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ Земляника—совершенная свинья въ ермолкѣ“.

Артемій Филипповичъ (къ зрителямъ). И неостроумно! Свинья въ ермолкѣ. Гдѣ же свинья въ ермолкѣ!

Коробкинъ (продолжая читать). „Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ“.

Лука Лукичъ (къ зрителямъ). Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммосъ Ѳедоровичъ (въ сторону). Слава Богу хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

Коробкинъ (читаетъ). „Судья...“

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ тебѣ на!.. (Вслухъ). Господа, я думаю, что письмо длинно! Да и чортъ ли въ немъ: дрянь этакую читать!

Лука Лукичъ. Нѣтъ!

Почтмейстеръ. Нѣтъ, читайте!

Артемій Филипповичъ. Нѣтъ, ужъ читайте!

Коробкинъ (продолжаетъ). „Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ...“ (Останавливается). Должно быть, французское слово.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А чортъ его знаетъ, что оно значитъ. Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть, и того еще хуже.

Коробкинъ (продолжая читать). „А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу точно, нужно чѣмъ-нибудь высокимъ заняться: Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. (Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ). Его Благородію, милостивому государю, Ивану Ва-

сильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамскую улицу, въ домѣ подъ нумеромъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо".

Одна изъ дамъ. Какой репримандъ неожиданный!

Городничій. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свиныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! (Машетъ рукою).

Почтмейстеръ. Куды воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ (вздыхаетъ). Охъ! и у меня триста рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Аммосъ Ѳедоровичъ (въ недоумѣніи разставляетъ руки). Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

Городничій (бьетъ себя по лбу). Какъ я—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!... Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обоворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ!... Что губернаторовъ! (махнувъ рукой) нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андреевна. Но это не можетъ-быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой...

Городничій (въ сердцахъ). Обручился! Кукишъ съ масломъ—вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. (Въ изступленіи). Вотъ, смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (Грозитъ самому себѣ кулакомъ). Эхъ ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ, Разнесетъ по всему свѣту исторію. Мало того, что пойдешь въ посмѣшище—найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! Чина, знанія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!.. Эхъ вы!.. (Стучитъ со злости ногами объ полъ. Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!.. (Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ.

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

До сихъ поръ не могу притти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго—и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Артемій Филипповичъ (разставляя руки). Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туамнъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да кто выпустилъ,—вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго).

Бобчинскій. Ей, ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумасшедшіе, изъ трактира: „Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не платитъ...“ Нашли важную птицу!

Городничій. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городничій. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхіе! (Всѣ обступаютъ ихъ).

Бобчинскій. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобчинскій. А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга, чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостиницѣ.

(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи).

НѢМАЯ СЦЕНА.

Городничій посерединѣ въ видѣ столба съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь, съ устремившимся къ нему движеньемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ; за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гостьи, прислонившіяся одна къ другой съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго: Земляника, наклонившій голову нѣсколько на-бокъ, какъ будто къ чему-то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движенье губами, какъ бы хотѣлъ посвистать или произнесть: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ и ѣдкимъ намекомъ на городничаго; за нимъ, у самаго края, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеніемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочіе гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе. Занавѣсъ опускается.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ КОМЕДІИ „РЕВИЗОРЪ“.

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА.

(1841).

писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору.

...Ревизоръ сыгранъ—и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альнаскарова, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался, просто, обыкновеннымъ вралемъ,—блѣдное лицо, въ продолженіе двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы

мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни, и намека въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ: видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по тому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершено откровенно и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину;—и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, если бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ и сказалъ бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкій, совершенный comme il faut, умный и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально: онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни—почти родъ вдохновенія. И хоть бы что-нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е физіономіи — рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицмундирахъ съ потертыми воротниками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга—дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничѣмъ не отли-

чается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, черствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать, въ самомъ дѣлѣ Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрятся вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни, — дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы не онъ.

Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ—просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ столькихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся,—и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожъ, не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшного. Я даже кое-что записалъ: но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирилъ „Ревизора“ городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде, ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, о немъ уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. Зато оба наши пріятеля, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны,

ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ-нибудь вынесетъ и не такъ обкарикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно карикатура. Уже передъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично-приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и карикатурна. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали не много, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе пьесы, дотолѣ плавное здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я, однакоже, не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано: „стало-быть“,—сказалъ я самъ въ себѣ,—„я плохо выполнилъ эту сцену“. И точно, теперь, во время представленія, я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носитъ признакъ какой-то усталости.

Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ пьесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и клапяться, то Богъ съ нимъ,—пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи „Ревизора".

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, какъ будто не кончена. Но я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты не долженъ опускаться занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ называемыя живыя картины. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группы нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унизительно для актера, и пр., и пр. и пр. Много еще другихъ прочихъ увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Несмотря на всѣ эти прочія, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: „нѣтъ, это не свяжетъ нимало, это не унизительно". Пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положніе всякаго лица. Таланта не остановятъ указанныя ему границы, какъ не остановятъ рѣку гранитные берега; напротивъ, вошедши въ нихъ, она быстрѣе и полнѣе движетъ свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна группировка; лицо его свободно выразить всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣніи для него бездна разнообразія. Испугъ каж-

даго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другой, какъ не похожи ихъ характеры и степень боязни и страха, вслѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій, инымъ образомъ поражена жена и дочь его. Особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ, и пр., и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившіе себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолбенѣть одинакимъ образомъ: но они даль въ картинѣ, которая очерчивается однимъ взмахомъ кисти и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжитъ свою роль и, несмотря на то, что повидимому показалъ себя балтмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня недостаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними, со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь, Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія, далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо...

1836 г., мая 25.

С.-Петербургъ.

II.

ДВѢ СЦЕНЫ, ВЫКЛЮЧЕННЫЯ И ПРИ ПЕРВОМЪ ИЗДАНІИ, КАКЪ ЗАМЕДЛЯВШІЯ ТЕЧЕНІЕ ПЬЕСЫ.

I.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Но я не знаю, маменька, отчего вамъ кажется, что у васъ лучше всего глаза...

Анна Андреевна. Вздоръ тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала все платье изъ Москвы,—бывало мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: „Сдѣлайте милость, Анна Андреевна. откройте мнѣ эту тайну, отчего ваши глаза, просто, говорятъ...“ У всѣ бывало въ одинъ голосъ: „Съ вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ обстоятельства“. А стоявшій въ это время штабъ-ротмистръ Старокопытовъ? Онъ, не помню, проживалъ за ремонтомъ, что ли? Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ, какъ я не знаю что; глаза черные-черные, а воротнички рубашки его—это батистъ такой, какого никогда еще купцы наши не подносили намъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: „Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, не начитывалъ даже такихъ глазъ; я не знаю, что со нмою дѣлается, когда гляжу на васъ...“ На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями и колосьями и вся обложенная блондочкою, тонкою, не больше какъ въ палецъ—это, просто, было обвороженіе!

Такъ говоритъ бывало: „Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствіе, когда гляжу на васъ, что мое сердце“, говоритъ.. Я ужъ не могу теперь припомнить, что онъ мнѣ говорилъ. Куда-жъ! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непремѣнно застрѣлиться, да какъ-то пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свѣтѣ.

Марья Антоновна. Я не знаю, маменька,—мнѣ однакожъ кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна. Никогда, никогда! вотъ этого ужъ нельзя сказать. Что вздоръ, то вздоръ.

Марья Антоновна. Нѣтъ, право, маменька; когда вы этакъ говорите, или сидите въ профили, у васъ губы все...

Анна Андреевна. Пожалуйста не толкуй пустяковъ! Такая, право, несносная! Чтобы она какъ-нибудь не поспорила... Боже сохрани! Вотъ, что у матери ея хорошіе глаза, такъ ужъ ей и завидно.—За этими спорами, за вздорами, я заболталась съ тобой. А тутъ, того и гляди, что онъ пріѣдетъ и застанетъ насъ одѣтыми, Богъ знаетъ, какъ. (Поспѣшно уходитъ; за ней Марья Антоновна).

II.

Хлестаковъ и Растаковскій (въ екатерининскомъ мундирѣ съ эксельбантомъ).

Растаковскій. Имѣю честь рекомендоваться — житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной секундъ-маіоръ Растаковскій.

Хлестаковъ. А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

Растаковскій (сѣлъ). А, такъ вы изволили знать Задунайскаго?

Хлестаковъ. Какого Задунайскаго.

Растаковскій. Графа Румянцова - Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

Хлестаковъ. Да... такъ вы служили давно?..

Растаковскій. Находился во время осады подъ Силистріей, въ 773 году. Очень жаркое было дѣло. Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоръ былъ въ нашемъ полку—не изволите ли вы знать: Гвоздевъ, Петръ Васильевичъ?

Хлестаковъ. Гвоздевъ? Какой это?

Растаковскій. Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по высочайшему повелѣнію покойной императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не знаю.

Растаковскій. Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому что ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь не далеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаковъ. За Рогатку? Скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

Растаковскій. Да-съ, Рогатка, Иванъ Васильевичъ. — Такъ турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ Фиктель-Кнабе, нѣмецъ. Звали его Зихфридъ Ивановичъ, но генералъ-аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: „Ты", говоритъ, „не Сихфридъ, а Супъ, — такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ". И съ той поры такъ и осталось ему имя Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ-

маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражемъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартермистръ, если изволите знать, Трепакинъ, Автономъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать пять, какъ умеръ.

Хлестаковъ. Трепакинъ? нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы попросить у васъ...

Растаковскій (не слушая). Видный мужчина: русый волосъ, золотой эксельбантъ. Ловко танцовалъ польскій. Хлопнетъ, бывало, рукою и отобьетъ пару у самаго полковника, и какъ только дѣвушки... хе, хе, хе... У насъ бывали тогда палатки; и какъ только взглянешь къ нему въ палатку... хе, хе, хе... тамъ ужъ сидитъ, и на утро деньщикъ выводитъ, какъ будто драгуна, въ треугольной шляпѣ... хе, хе, хе... и портупея виситъ, хе, хе, хе...

Хлестаковъ. Да это подобная исторія съ моимъ знакомымъ, однимъ чиновникомъ, который очень выгодно служитъ. Сидитъ онъ въ халатѣ, закурилъ трубку, вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой тоже пріятель, гвардеецъ, кавлергадскаго полка, и говоритъ... (Останавливается и смотритъ между тѣмъ пристально въ глаза Растаковскому). Послушайте, однакожъ, не можете ли вы мнѣ дать сколько нибудь взаймы денегъ? Я въ дорогѣ истратился.

Растаковскій. Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у гвардейца или гвардеецъ у чиновника?

Хлестаковъ. Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ-нибудь не позабыть, такъ лучше теперь.

Растаковскій. Такъ это вамъ нужны деньги? Какъ странно! Я думалъ, что гвардеецъ при анекдотѣ-то попросилъ. Какъ въ разговорѣ-то иногда случается! Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны пришелъ безпокоить преубѣдительнѣйшею просьбою.

Хлестаковъ. А что, о чемъ?

Растаковскій. Долженъ получить прибавочнаго

пенсіона, такъ я просибъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ, или кому другому.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Растаковскій. Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

Хлестаковъ. А какъ давно вы подавали просьбу?

Растаковскій. Да если сказать правду, не такъ и давно,—въ 1801 году; да вотъ ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ чрезъ Сосулькина Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человѣкъ. Такъ статься можетъ, что просьбу отнесъ-то не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

Хлестаковъ. Да, натурально, теперь рѣшатъ скоро; а впрочемъ, я тоже съ своей стороны... хорошо, хорошо.

III.

Сцена, невнесенная авторомъ въ печатныя изданія „Ревизора“.

1835.

ЯВЛЕНІЕ VIII (четвертаго дѣйствія).

Хлестаковъ и Гибнеръ.

Гибнеръ. Ich habe die Ehre mich zu rekomandiren... Doctor der armen Anstalten Hiebner.

Хлестаковъ. Прошу покорнѣйше садиться.

Гибнеръ. Es freuet mich sehr die Ehre zu haben, einen so wurdigen Mann zu sehen, den die hohe Obrigkeit bevollmachtigt hat...

Хлестаковъ. Нѣтъ, я по-нѣмецки... Лучше по-русски. Скажите пожалуйста; теперь вообще чиновникамъ назначено хорошее жалованье. Не обзавелись ли вы деньгами?

Гибнеръ. Деньгъ?.. и што деньги?...

Хлестаковъ. Да. Если вы обзавелись, то я бы попросилъ у васъ взаймы... взаймы... То-есть, это вотъ что значитъ: вы мнѣ giebt теперь, а я вамъ послѣ назадъ отгибаю.

Гибнеръ. Денегъ... нетъ деньги... (вынимаетъ бумажникъ и вытряхиваетъ). Sehen Sie! нетъ... одна сигаръ... большъ нетъ...

Хлестаковъ. Ну, нечего дѣлать! на нѣтъ и суда нѣтъ.

Гибнеръ (прячетъ бумажникъ, потомъ опять берется за карманъ). Wollen Sie eine Cigarre rauchen? (вынимаетъ и подаетъ сигару).

Хлестаковъ. А, хорошо, gut! Дайте сюда giebt (беретъ и раскуриваетъ).Хорошая сигарка. Это, вѣрно, изъ Петербурга (пускаетъ дымъ).

Гибнеръ. Нѣтъ... изъ Рига...

Хлестаковъ. Изъ Риги? Да, я такъ и думалъ.

Гибнеръ (вставая со стула и кланяясь). Ich darf Sie nicht mehr beunruhigen (sic!) und Ihnen die theure Zeit rauben, die Sie den Staatsgeschaften widmen (откланивается).

Хлестаковъ. Прощайте. Радъ познакомиться.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ (одинъ). Хорошо и сигарку выкурить. Какъ много здѣсь чиновниковъ, и проч.

ЖЕНИТЬБА.

Совершенно невѣроятное событіе.

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Писано въ 1833 г.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Агаѳья Тихоновна, купеческая дочь, невѣста.
Арина Пантелеймоновна, тетка.
Ѳекла Ивановна, сваха.
Подколесинъ, служащій надворный совѣтникъ.
Кочкаревъ, другъ его.
Яичница, экзекуторъ.
Анучкинъ, отставной пѣхотный офицеръ.
Жевакинъ, морякъ.
Дуняшка, дѣвочка въ домѣ.
Стариковъ, гостинодворецъ.
Степанъ, слуга Подколесина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната холостяка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Подколесинъ (одинъ, лежитъ на диванѣ съ трубкой).

Вотъ, какъ начнешь этакъ одинъ на досугѣ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно нужно жениться. Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, все готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходитъ. Право, самому какъ-то становится совѣстно. Эй Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. Не приходила сваха?
Степанъ. Никакъ нѣтъ.
Подколесинъ. А у портного былъ?
Степанъ. Былъ.
Подколесинъ. Что-жъ онъ, шьетъ фракъ?
Степанъ. Шьетъ.
Подколесинъ. И много уже нашилъ?

Степанъ. Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. Что ты говоришь?

Степанъ. Говорю: началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. А не спрашивалъ онъ, на что, молъ, нуженъ барину фракъ?

Степанъ. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Подколесинъ. Можетъ-быть, онъ говорилъ: не хочетъ ли баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ты видѣлъ, однакожъ, у него и другіе фраки? Вѣдь онъ и для другихъ тоже шьетъ?

Степанъ. Да, фраковъ у него много виситъ.

Подколесинъ. Однакожъ, вѣдь сукно-то на нихъ будетъ чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

Степанъ. Да, это будетъ поприглядистѣе, что на вашемъ.

Подколесинъ. Что ты говоришь?

Степанъ. Говорю это поприглядистѣе, что на вашемъ.

Подколесинъ. Хорошо, Ну, а не спрашивалъ, для чего, молъ, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дескать, жениться?

Степанъ. Нѣтъ объ этомъ не заговаривалъ.

Подколесинъ. Ты, однакоже, сказалъ, какой на мнѣ чинъ, и гдѣ служу?

Степанъ. Сказывалъ.

Подколесинъ. Что-жъ онъ на это?

Степанъ. Говоритъ: буду стараться.

Подколесинъ. Хорошо. Теперь ступай.

(Степанъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Подколесинъ (одинъ).

Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титулярнымъ и прочей мелюзгѣ,—молокососно что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны больше наблюдать, какъ говорится, этого... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ. Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ себѣ ни переворачивай, а надворный совѣтникъ тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. А ваксу купилъ?

Степанъ. Купилъ.

Подколесинъ. Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, что на Вознесенскомъ проспектѣ?

Степанъ. Да-съ, въ той самой.

Подколесинъ. Что-жъ, хороша вакса?

Степанъ. Хороша.

Подколесинъ. Ты пробовалъ чистить ею сапоги?

Степанъ. Пробовалъ.

Подколесинъ. Что-жъ, блеститъ?

Степанъ. Блестѣть-то она блеститъ хорошо.

Подколесинъ. А когда онъ отпускалъ тебѣ ваксу, не спрашивалъ для чего, молъ, барину нужна такая вакса?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Можетъ-быть, не говорилъ ли: не затѣваетъ ли, дескать, баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ну, хорошо, ступай себѣ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Подколесинъ (одинъ).

Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь, однакоже, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія. Все какъ-то не того... Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпѣть, Богъ знаетъ что, только бы не мозоли. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Подколесинъ, Степанъ.

Степанъ. Чего изволите?

Подколесинъ. Ты говорилъ сапожнику, чтобъ не было мозолей?

Степанъ. Говорилъ.

Подколесинъ. Что-жъ онъ говоритъ?

Степанъ. Говоритъ: хорошо.

(Степанъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Подколесинъ, потомъ Степанъ.

Подколесинъ. А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вещь — женитьба! То, да се, да это. Чтобы то, да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побери, это не такъ легко, какъ говорятъ. Эй, Степанъ! (Степанъ входитъ). Я хотѣлъ тебѣ еще сказать...

Степанъ. Старуха пришла.

Подколесинъ. А, пришла; зови ее сюда. (Степанъ уходитъ). Да, это вещь... вещь, не того... трудная вещь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Подколесинъ и Ѳекла.

Подколесинъ. А, здравствуй, здравствуй, Ѳекла Ивановна! Ну, что? какъ? Возьми стулъ, садись, да и разсказывай. Ну, такъ, какъ же, какъ? Какъ бишь ее: Меланья.

Ѳекла. Агаѳья Тихоновна.

Подколесинъ. Да, да, Агаѳья Тихоновна. И вѣрно какая-нибудь сорокалѣтная дѣва?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ, такъ нѣтъ; то-есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить.

Подколесинъ. Да ты врешь, Ѳекла Ивановна!

Ѳекла. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песъ вретъ.

Подколесинъ. А приданое-то, приданое? Разскажи-ка вновь.

Ѳекла. А приданое: каменный домъ въ Московской

части, о двухъ ѣлтажахъ, ужъ такой прибыльной, что, истинно, удовольствіе: одинъ лабазникъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигеря—одинъ хлигерь совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по 400 приноситъ доходу. Огородъ есть еще на выборгской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмѣльного въ ротъ, и трехъ сыновей имѣетъ: двухъ ужъ поженилъ, „а третій", говоритъ, „еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ, говоритъ, старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торгля шла полегче".

Подколесинъ. Да собой-то ,какова собой?

Ѳекла. Какъ рефинатъ! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ... Сладость такая, что и разсказать нельзя. Ужъ будете вотъ по этихъ поръ довольны (показывая на горло), то-есть и пріятелю и непріятелю скажете: „Ай да Ѳекла Ивановна, спасибо!"

Подколесинъ. Да, вѣдь она, однакожъ, не штабъ-офицерша?

Ѳекла. Купца третьей гильдіи дочь. Да ужъ такая что и генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ. „Мнѣ", говоритъ, „какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то невзраченъ, да былъ-бы дворянинъ". Да, такой великатесъ! А къ воскресному-то какъ надѣнетъ шелковое платье—такъ, вотъ те Христосъ, такъ и шумитъ. Княгиня просто!

Подколесинъ. Да вѣдь я-то потому тебя спрашивалъ, что я надворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?

Ѳекла. Да ужъ обыкновенно, какъ не понимать? Былъ у насъ надворный совѣтникъ, да отказали: не понравился. Такой ужъ у него нравъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совретъ, а такой на взглядъ видный.

Что-жъ дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ; онъ-то и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть — такая ужъ на то воля Божія.

Подколесникъ. Ну, а кромѣ этой, другихъ тамъ нѣтъ никакихъ?

Ѳекла. Да какой же тебѣ еще? Ужъ это что ни есть лучшая.

Подколесинъ. Будто ужъ самая лучшая?

Ѳекла. Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подколесникъ. Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка послѣ-завтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ; я полежу, а ты разскажешь...

Ѳекла. Да помилуй, отецъ! ужъ вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку-то ни на сколько: все сидитъ въ халатѣ, да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

Подколесинъ. А ты думаешь, небось, что женитьба все равно, что: „эй, Степанъ, подай сапоги!“ натянулъ на ноги, да и пошелъ? Нужно поразсудить, поразсмотрѣть.

Ѳекла. Ну, такъ что-жъ? Коли смотрѣть, такъ и смотри. На то товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо утренне время, и поѣзжай.

Подколесинъ. Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватитъ дождемъ.

Ѳекла. А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ сѣдой волосъ ужъ глядитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидаль, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ прибеpемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подколесинъ. Что за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебя сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ-жъ сѣдой волосъ? (Щупаетъ свои волосы).

Ѳекла. Какъ не быть сѣдому волосу,—на то живетъ

человѣкъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтѣ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говоритъ-то, какъ труба, въ алгалантьерствѣ служитъ.

Подколесинъ. Да врешь, я посмотрю въ зеркало,—гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ. Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ, постой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже чѣмъ оспа. (Уходитъ въ другую комнату).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ѳекла и Кочкаровъ (вбѣгая).

Кочкаревъ. Что Подколесинъ?.. (Увидавъ Ѳеклу). Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!.. Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

Ѳекла. А что-жъ дурного? Законъ исполнилъ.

Кочкаревъ. Законъ исполнилъ! Экъ невидаль—жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

Ѳекла. Да вѣдь ты жъ самъ присталъ: жени, бабушка, да и только.

Кочкаревъ. Ахъ, ты крыса старая! Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подколесинъ хочетъ?..

Ѳекла. А что-жъ? Богъ благодать послалъ.

Кочкаревъ. Нѣтъ? Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ этомъ. Каковъ? Прошу покорно: исподтишка, а?

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Подколесинъ (съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно).

Кочкаревъ (подкрадываясь сзади, пугаетъ его). Пуфъ!

Подколесинъ (вскрикнувъ и роняя зеркало). Сумасшедшій! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ... Ну, что за глупости! Перепугалъ, право, такъ, что душа не на мѣстѣ.

Кочкаревъ. Ну, ничего, пошутилъ.

Подколесинъ. Что за штуки вздумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться отъ испуга. И зеркало вонъ разбилъ; вѣдь это вещь не даровая: въ англійскомъ магазинѣ куплено.

Кочкаревъ. Но, полно: я сыщу тебѣ другое зеркало.

Подколесинъ. Да, сыщешь. Знаю я эти другія зеркала: цѣлымъ десяткомъ кажетъ старѣе, и рожа выходитъ косякомъ.

Кочкаревъ. Послушай, вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вѣдь вздумалъ?

Подколесинъ. Вотъ вздоръ, совсѣмъ и не думалъ!

Кочкаревъ. Да вѣдь улика на-лицо. (Указываетъ на Ѳеклу). Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица. Ну, что-жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла. (Къ Ѳеклѣ). Ну, говори: какъ, что и прочее.—Дворянка, чиновница или въ купечествѣ, что ли, и какъ зовутъ?

Ѳекла. Агаѳья Тихоновна.

Кочкревъ. Агаѳья Тихоновна Брандахлыстова?

Ѳекла. Анъ нѣтъ—Купердягина.

Кочкаревъ. Въ Шестилавочной, что ли, живетъ?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

Кочкаревъ. Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочкой—деревянный домъ?

Ѳекла. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочкаревъ. Какъ же за пивнымъ, — вотъ тутъ-я не знаю.

Ѳекла. А вотъ какъ поворотишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка; и какъ будку минешь, свороти налѣво, и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то-есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза, то-есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ, гдѣ живетъ швея, что жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секлехтаремъ. Ты къ швеѣ-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный— вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то-есть, она живетъ, Агаѳья Тихоновна-то, невѣста.

Кочкаревъ. Хорошо, хорошо. Теперь я все то обдѣлаю; а ты ступай — въ тебѣ больше нѣтъ нужды.

Ѳекла. Какъ такъ? Неужто ты самъ свадьбу хочешь заправить?

Кочкаревъ. Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшайся только.

Ѳекла. Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступись, батюшка, право!

Кочкаревъ. Пойди, пойди! Не смыслишь ничего, не мѣшайся. Знай сверчокъ свой шестокъ,—убирайся!

Ѳекла. У людей только чтобы хлѣбъ отымать, безбожникъ такой! Въ такую дрянь вмѣшался. Кабы знала, ничего бы не сказывала. (Уходитъ съ досадой).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать—ѣдемъ.

Подколесинъ. Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только подумалъ.

Кочкаревъ. Пустяки, пустяки! Только не конфузься: я тебя женю, такъ, что и не услышишь. Мы сейчасъ же ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ все вдругъ.

Подколесинъ. Вотъ еще! Сейчасъ бы и ѣхать!

Кочкаревъ. Да зачѣмъ же, помилуй, за чѣмъ дѣло?.. Ну, разсмотри самъ: ну, что изъ того, что ты не женатый? Посмотри на свою комнату: ну, что въ ней? Вонъ не вычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лоханка для умыванія, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ бабйбакъ, весь день на боку.

Подколесинъ. Это правда. Порядка-то у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

Кочкаревъ. Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты просто, ни себя, ни чего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чижикъ какой-нибудь въ клѣткѣ, рукодѣлье... И вообрази, ты сидишь на диванѣ—и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка, хорошенькая этакая, и ручкой тебя...

Подколесинъ. А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія въ самомъ дѣлѣ бываютъ ручки, вѣдь просто, братъ, какъ молоко.

Кочкаревъ. Куда тебѣ! Будто у нихъ, только что ручки!.. У нихъ, братъ... Ну, да что и говорить; у нихъ братъ, просто, чортъ знаетъ чего нѣтъ.

Подколесинъ. А вѣдь, сказать тебѣ правду, я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

Кочкаревъ. Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только нужно распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее—это все ужъ я... Шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя, ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непремѣнно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ—

эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ—чортъ съ нимъ, не правда ли? а? А что же касается до обѣда—у меня,, братъ, есть на примѣтѣ придворный офиціантъ: такъ, собака, накормитъ, что просто не встанешь.

Подколесинъ. Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ и свадьба.

Кочкаревъ. А почему-же нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

Подколесинъ. Я? Ну, нѣтъ... я еще не совсѣмъ согласенъ!..

Кочкаревъ. Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подколесинъ. Я говорилъ только, что не худо бы.

Кочкаревъ. Какъ, помилуй! да мы ужъ совсѣмъ было все дѣло... Да что, развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?

Подколесинъ. Нѣтъ, нравится.

Кочкаревъ. Ну, такъ что-жъ? Зачѣмъ дѣло стало?

Подколесинъ. Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только странно...

Кочкаревъ. Что-жъ странно?

Подколесинъ. Какъ же не странно: все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочкаревъ. Ну, ну, ну, не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой нужно говорить серьезно: я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, что ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало—что ты тамъ видишь. Глупое лицо—больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребятишки, вѣдь не то, что двое или трое, а, можетъ-быть, цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ надворный совѣтникъ, экспедиторъ,

или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторченки, маленькіе этакіе канальченки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протянувки ручонки, будетъ теребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: авъ, авъ, ау! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подколесникъ. Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбросаютъ бумаги.

Кочкаревъ. Пусть шалятъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи—вотъ штука.

Подколесинъ. А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери: этакой какой-нибудь пышка, щенокъ этакой, и ужъ на тебя похожъ.

Кочкаревъ. Какъ не смѣшно — конечно, смѣшно. Ну, такъ поѣдемъ.

Подколесинъ. Пожалуй, поѣдемъ.

Кочкаревъ. Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ (одѣваясь передъ зеркаломъ). Я думаю однакожъ, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

Кочкаревъ. Пустяки, все равно.

Подколесинъ (надѣвая воротнички). Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички—никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найму другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводитъ время, а не гладитъ.

Кочкаревъ. Да ну, братъ, поскорѣе! Какъ ты копаешься!

Подколесинъ. Сейчасъ, сейчасъ. (Надѣваетъ фракъ и садится). Послушай, Илья Ѳомичъ, знаешь ли что? Поѣзжай-ка ты самъ.

Кочкаревъ. Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ ѣхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подколесинъ. Право, что то не хочется: пусть лучше завтра.

Кочкаревъ. Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно—и вдругъ не нужно! Ну, скажи, пожалуйста, не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ этого?

Подколесинъ. Ну, что-жъ ты бранишься? съ какой стати? что я тебѣ сдѣлалъ?

Кочкаревъ. Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ. Вѣдь о чемъ стараюсь?—О твоей пользѣ; вѣдь изо рта выманятъ кусъ. Лежитъ, проклятый холостякъ! Ну, скажи, пожалуйста, ну, на что ты похожъ?—Ну, ну, дрянь, колпакъ, сказалъ бы такое слово... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

Подколесинъ. И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. (Вполголоса). Въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ браниться, да еще такими словами; не нашелъ другого мѣста.

Кочкаревъ. Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человѣкъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ—просто съ дуру, бѣлены объѣлся, деревянный чурбанъ...

Подколесинъ. Ѣ Ну, полно, я ѣду—чего-жъ ты раскричался?

Кочкаревъ. Ѣду! Конечно, что-жъ другое дѣлать, какъ не ѣхать! (Степану). Давай ему шляпу и шинель.

Подколесинъ (въ дверяхъ). Такой, право, странный человѣкъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбранитъ вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочкаревъ. Да ужъ кончено, теперь не браню. (Оба уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Комна въ домѣ Агаѳьи Тихоновны.

Агаѳья Тихоновна раскладываетъ на картахъ, изъ-за руки глядитъ тетка Арина Пантелеймоновна.

Агаѳья Тихоновна. Опять, тетушка, дорога! Интересуется какой-то бубновый король... слезы... любовное письмо; съ лѣвой стороны трефовый изъявляетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

Арина Пантелеймоновна. А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

Агаѳья Тихоновна. Не знаю.

Арина Пантелеймоновна. А я знаю, кто.

Агаѳья Тихоновна. А кто?

Арина Пантелеймоновна. А хорошій торговецъ, что по суконной линіи, Алексѣй Димтріевичъ Стариковъ.

Агаѳья Тихоновна. Вотъ ужъ вѣрно не онъ, я хоть что ставлю, не онъ.

Арина Пантелеймоновна. Не спорь, Агаѳья Тихоновна, волосъ ужъ такой русый. Нѣтъ другого трефоваго короля.

Агаѳья Тихоновна. А вотъ же нѣтъ: трефовый король значитъ здѣсь дворянинъ—купцу далеко до трефоваго короля.

Арина Пантелеймоновна. Эхъ, Агаѳья Тихоновна, а вѣдь не то бы ты сказала, какъ бы покойникъ-то Тихонъ, твой батюшка, Пантелеймоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударить всей пятерней по столу, да вскрикнетъ: „Плевать я“, говоритъ, „на того, который стыдится быть купцомъ: да не выдамъ же“, говоритъ, „дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! А и сына“, говоритъ,

„не отдамъ на службу. Что, говоритъ, „развѣ купецъ не служитъ государю такъ же, какъ и всякій другой?“ Да всей пятерней-то такъ по столу и хватитъ. А рука-то ведро величиною—такія страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолѣе.

Агаѳья Тихоновна. Ну, вотъ чтобы и у меня еще былъ такой злой мужъ! Да ни за что не выйду за купца.

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь Алексѣй-то Двитріевичъ не такой.

Агаѳья Тихоновна. Не хочу, не хочу! У него борода: станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь гдѣ же достать хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

Агаѳья Тихоновна. Ѳекла Ивановна сыщетъ; она обѣщалась сыскать самаго лучшаго.

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Ѳекла.

Ѳекла. Ахъ нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, это Ѳекла Ивановна! Ну, что, говори, разсказывай! Есть?

Ѳекла. Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться — такъ ухлопоталася. По твоей комиссіи всѣ дома исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь

меня чуть было не прибили, ей-Богу: старуха-то, что женила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: „Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталъ“, говоритъ.—„Да что-жъ“, сказала я напрямикъ: „я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить“. Зато ужъ какихъ жениховъ тебѣ припасла! То-есть, и стоялъ свѣтъ, и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и прибудутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

Агаѳья Тихоновна. Какъ же сегодня? Душа моя, Ѳекла Ивановна, я боюсь.

Ѳекла. И, не пугайся, мать моя! дѣло житейское. Пріѣдутъ, посмотрятъ, больше ничего. И ты посмотришь ихъ: не понравятся,—ну, и уѣдутъ.

Арина Пантелеймоновна. Ну, ужъ, чай, хорошихъ приманила!

Агаѳья Тихоновна. А сколько ихъ? много?

Ѳекла. Да человѣкъ шесть есть.

Агаѳья Тихоновна (вскрикивая). Ухъ!

Ѳекла. Ну, что-жъ ты, мать моя, такъ вспорхнулась! Лучше выбирать: одинъ не придется, другой придется.

Агаѳья Тихоновна. Что-жъ они дворяне?

Ѳекла. Всѣ, какъ на подборъ; ужъ такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

Агаѳья Тихоновна. Ну, какіе же, какіе?

Ѳекла. А славные, всѣ такіе хорошіе, аккуратные. Первый Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный, во флотѣ служилъ—какъ-разъ по тебѣ придется. Говоритъ, что ему нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любитъ. А Иванъ Павловичъ, что служитъ езекухторомъ, такой важный, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричитъ на меня: „Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?—„Столько-то и столько-то, отецъ мой!“—„Ты врешь

собачья дочь!“ Да еще, мать моя, вклеилъ такое слово, что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ вмигъ и спознала: э, да это долженъ быть важный господинъ.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Ѳекла. А еще Никаноръ Ивановичъ Анучкинъ. Это ужъ такой великатный, а губы, мать моя,—малина, совсѣмъ малина—такой славный. „Мнѣ“, говоритъ, „нужно, чтобы невѣста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по-французскому умѣла говорить“. Да, тонкаго поведенья человѣкъ, нѣмецкая штука; а самъ-то такой субтильный, и ножки узенькія, тоненькія.

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, мнѣ эти субтильные, какъ-то не того... не знаю... Я ничего не вижу въ нихъ.

Ѳекла. А коли хочешь поплотнѣе, такъ возьми Ивана Павловича. Ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, неча сказать, баринъ—такъ баринъ; мало въ эти двери не войдетъ—такой славный.

Агаѳья Тихоновна. А сколько лѣтъ ему?

Ѳекла. А человѣкъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ.

Агаѳья Тихоновна. А фамилія какъ?

Ѳекла. А фамилія: Иванъ Павловичъ Яичница.

Агаѳья Тихоновна. Это такая фамилія?

Ѳекла. Фамилія.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Ѳеклушка, какъ же это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаѳья Тихоновна Яичница? Богъ знаетъ, что такое!

Ѳекла. И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина—славный женихъ.

Агаѳья Тихоновна. А какіе у него волосы?

Ѳекла. Хорошіе волосы.

Агаѳья Тихоновна. А носъ?

Ѳекла. Э... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужь на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ—никакой мебели.

Агаѳья Тихоновна. А еще кто?

Ѳекла. Акинфъ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко заикается, зато ужъ такой скромный.

Арина Пантелеймоновна. Ну, что ты все: чиновникъ, чиновникъ; а не любитъ ли онъ выпить, вотъ, молъ, что скажи.

Ѳекла. А пьетъ; не прекословлю, пьетъ. Что-жъ дѣлать,—ужъ онъ титулярный совѣтникъ! зато такой тихій, какъ шелкъ.

Агаѳья Тихоновна. Ну, нѣтъ, я не хочу, чтобы мужъ у меня былъ пьяница.

Ѳекла. Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми другого. Впрочемъ, что-жъ такого, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ: иной день выберется и трезвый.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Ѳекла. Да есть еще одинъ, да тотъ только такой... Богъ съ нимъ! Эти будутъ почище.

Агаѳья Тихоновна. Ну, да кто же онъ?

Ѳекла. А не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ-то, пожалуй, надворный совѣтникъ и петлицу носитъ, да ужъ на подъемъ куды тяжелъ, не выманишь изъ дому.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть.

Ѳекла. Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ поразобрало; а вѣдь давеча было испугалась.

Арина Пантелеймоновна. Да что съ нихъ,

съ дворянъ-то твоихъ? Хоть ихъ у тебя и шестеро, а, право, купецъ одинъ станетъ за всѣхъ.

Ѳекла. А нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, дворянинъ будетъ почтеннѣй.

Арина Пантелеймоновна. Да что въ почтеньи-то. А вотъ Алексѣй Дмитріевичъ, да въ собольей шапкѣ, въ санкахъ-то какъ прокатится...

Ѳекла. А дворянинъ-то съ аполетой пройдетъ навстрѣчу, скажетъ: „Что ты, купчишка? свороти съ дороги!“ или: „покажи, купчишка, бархату самого лучшаго!“ а купецъ: „Извольте, батюшка!“—„А сними-ка, невѣжа, шляпу!“ вотъ что скажетъ дворянинъ.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ-то и голенькій, и не въ чемъ ходить дворянину.

Ѳекла. А дворянинъ зарубитъ купца.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

Ѳекла. А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенахтору.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ къ губернахтору.

Ѳекла. А дворянинъ...

Арина Пантелеймоновна. Врешь, врешь, дворянинъ! Губернаторъ больше сенахтора! Разносилась съ дворяниномъ! А дворянинъ при случаѣ также гнетъ шапку... (Въ дверяхъ слышенъ знонокъ). Никакъ, звонитъ кто-то.

Ѳекла. Ахти, это они?

Арина Пантелеймоновна. Кто они?

Ѳекла. Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

Агаѳья Тихоновна (вскрикиваетъ). Ухъ!

Арина Пантелеймоновна. Святые, помилуйте насъ грѣшныхъ! Въ комнатѣ совсѣмъ не прибрано. (Схватываетъ все, что ни есть на столѣ, и бѣгаетъ по комнатѣ). Да салфетка-то, салфетка на столѣ совсѣмъ чер-

ная. Дуняшка, Дуняшка! (Дуняшка является). Скорѣе чистую салфетку! (Стаскиваетъ салфетку и мечется по комнатѣ).

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, тетушка, какъ мнѣ быть? я чуть не въ рубашкѣ.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, мать моя бѣги скорѣй одѣваться! (Мечется по комнатѣ. Дуняшка приноситъ салфетку; въ дверяхъ звонятъ) Бѣги, скажи: „сейчасъ!“ (Дуняшка кричитъ изъ далека: „сейчасъ!“).

Агаѳья Тихоновна. Тетушка! да вѣдь платье не выглажено.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, Господи милосердый, не погуби! Надѣнь другое.

Ѳекла (вбѣгая). Что-жъ вы нейдете? Агаѳья Тихоновна, поскорѣй, мать моя! (Слышенъ звонокъ). Ахти! а вѣдь онъ все дожидается.

Арина Пантелеймоновна. Дуняшка, введи его и проси обождать. (Дуняшка бѣжитъ въ сѣни и отворяетъ дверь. Слышны голоса: Дома?—Дома, пожалуйте въ комнату. Всѣ съ любопытствомъ стараются разсмотрѣть въ замочную скважину).

Агаѳья Тихоновна (вскрикиваетъ). Ахъ, какой толстый!

Ѳекла. Идетъ, идетъ! (Всѣ бѣгутъ опрометью).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Уванъ Павловичъ Яичница и Дуняшка.

Дуняшка. Погодите здѣсь. (Уходитъ).

Яичница. Пожалуй, пождать — пождемъ, какъ бы только не замѣшкаться: отлучился вѣдь только на минуту

изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генералъ: „А гдѣ экзекуторъ?“ „Невѣсту пошелъ выглядывать“... Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты... А однакожъ разсмотрѣть еще разъ роспись. (Читаетъ). „Каменный двухъэтажный домъ“... (подымаетъ глаза вверхъ и осматриваетъ комнату) есть! (Продолжаетъ читать). „Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный...“ Ну, деревянный плоховать. „Дрожки, сани парныя съ рѣзьбой подъ большой коверъ и подъ малый“. Можетъ-быть, такія, что въ ломъ годятся. Старуха, однакожъ, увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. „Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ...““ Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. „Двѣ лисьихъ шубы...“ Гм. „Четыре большихъ пуховика и два малыхъ“ (значительно сжимаетъ губы). „Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцевыхъ платьевъ, два ночныхъ капота, два...“ Ну, это статья пустая! „Бѣлье, салфетки...“ Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь, пожалуй, обѣщаютъ и домъ, и экипажи, а какъ женишься—только и найдешь, что пуховики да перины. (Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ впопыхахъ черзъ комнату отворять дверь. Слышны голоса: Дома?—Дома).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Иванъ Павловичъ и Анучкинъ.

Дуняшка. Погодите тутъ. Они выйдутъ. (Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей).

Яичница. Мое почтеніе!

Анучкинъ. Не съ папенькой ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

Яичница. Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей.

Анучкинъ. Ахъ, извините, извините!

Яичница (въ сторону). Физіогномія этого человѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть ли онъ не за тѣмъ же сюда пришелъ, за чѣмъ и я. (Вслухъ). Вы, вѣрно, имѣете какую-нибудь надобность къ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ. Нѣтъ, что-жъ... надобности никакой нѣтъ, а такъ зашелъ съ прогулки.

Яичница. (въ сторону). Вретъ, вретъ, съ прогулки! Жениться, подлецъ, хочетъ! (Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату отворять двери. Въ сѣняхъ голоса: Дома?—Дома).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

(Тѣ же и Жевакинъ въ сопровожденіи дѣвчонки).

Жевакинъ (Дуняшкѣ). Пожалуйста, душенька, почисть меня... Пыли-то, знаешь, на улицѣ попристало не мало. Вонъ тамъ пожалуйста сними пушинку. (Поворачивается). Такъ! Спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри: такъ какъ будто паучокъ лазитъ! А на подборахъ-то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родимая! Вонъ тутъ еще, кажется. (Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича). Суконцо-то вѣдь аглицкое! Вѣдь какъ носится! Въ 95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801, при Павлѣ Петровичѣ, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ—сукно было совсѣмъ новешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только перелице-

валъ: ужъ десять лѣтъ ношу, до сихъ поръ почти-что новый. Благодарю, душенька, м... раскрасоточка! (Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка изъерошиваетъ волосы).

Анучкинъ. А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы изволили сказать — Сицилія, хорошая это земля, Сицилія?

Жевакинъ. А прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли; видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Этакія горы, этакъ деревцо какое-нибудь гранатное, и вездѣ итальяночки, такіе розанчики, такъ вотъ и хочется поцѣловать.

Анучкинъ. И хорошо образованы?

Жевакинъ. Превосходнымъ образомъ! такъ образованы, какъ вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало, пойдешь по улицѣ — ну, русскій лейтенантъ, натурально, здѣсь эполеты (показываетъ на плеча), золотое шитье, и этакъ красоточки черномазенькія—у нихъ вѣдь возлѣ каждаго дома балкончики и крыши вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно плоски,—бывало этакъ смотришь и сидитъ этакой розанчикъ... Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь... (Кланяется и размахиваетъ рукою) и она этакъ только. (Дѣлаетъ рукою движеніе). Натурально, одѣта: здѣсь у ней какя-нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя сережки... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ...

Анучкинъ. А какъ,—позвольте еще вамъ сдѣлать вопросъ,—на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

Жевакинъ. А натурально, всѣ на французскомъ.

Анучкинъ. И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по французски?

Жевакинъ. Всѣ-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ-быть, не повѣрите тому, что я вамъ доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время они одного слова я не слыхалъ отъ нихъ по-русски.

Анучкинъ. Ни одного слова?

Жевакинъ. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то-есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго простого мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: „Дай, братецъ, хлѣба"—не пойметъ, ей Богу не пойметъ; а скажи по-французски: „Dateci del pane" или: „portate vino!"—пойметъ, и побѣжитъ, и точно принесетъ.

Иванъ Павловичъ. А любопытная однакожъ, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали—мужикъ: что мужикъ? какъ онъ? такъ-ли совершенно, какъ и русскій мужикъ—широкъ въ плечахъ и землю пашетъ, или нѣтъ?

Жевакинъ. Не могу вамъ сказать: не замѣтилъ, пашутъ или нѣтъ; а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губусь кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и вездѣ гондолы... Натурально, сидитъ этакая итальяночка, такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!... Съ нами были и аглицкіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши: моряки... и сначала, точно, было очень странно: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обознакомились, начали свободно понимать. Покажешь бывало этакъ на бутылку или стаканъ,—ну, тотчасъ и знаешь, что это значитъ выпить; приставишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ—знаешь: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій,—наши матросы въ три дня какихъ нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

Иванъ Павловичъ. А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ человѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Жевакинъ. Жевакинъ-съ, лейтенантъ въ отставкѣ. Позвольте съ своей стороны тоже спросить, съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъясняться?

Иванъ Павловичъ. Въ должности экзекутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

Жевакинъ (не дослышавъ). Да, я тоже перекусилъ. Дороги-то, знаю, впереди будетъ довольно, а время холодновато: селедочку съѣлъ съ хлѣбцемъ.

Иванъ Павловичъ. Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя—Яичница.

Жевакинъ (кланяясь). Ахъ, извините! я немножко туговатъ на ухо. Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

Иванъ Павловичъ. Да что дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ называться мнѣ Яичницынъ, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на „собачій сынъ".

Жевакинъ. А это однакожъ бываетъ. У насъ вся третья эскадра, всѣ офицеры и матросы,—всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣевъ лейтенантъ; а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало: „Эй, ты, Дырка, поди сюда!" и бывало, надъ нимъ всегда пошутитъ: „эхъ ты дырка этакой!" говоритъ, бывало, ему. (Слышенъ въ сѣняхъ звонокъ; Ѳекла бѣжитъ черезъ комнату отворять).

Яичница. А, здравствуй, матушка!

Жевакинъ. Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

Анучкинъ. Здарвствуйте, матушка, Ѳекла Ивановна!

Ѳекла (бѣжитъ впопыхахъ). Спасибо, отцы мои, здорова, здорова! (Отворяетъ дверь; въ сѣняхъ раздаются голоса: Дома?—Дома. Потомъ нѣсколько почти неслышныхъ

словъ, на которыя Ѳекла отвѣчаетъ съ досадою: смотри ты какой!).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, Кочкаревъ, Подколесинъ и Ѳекла.

Кочкаревъ (Подколесину). Ты помни только: куражъ и больше ничего. (Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ; про себя). Фу, ты, какая куча народу! Это что значитъ? Ужъ не женихи ли? (Толкаетъ Ѳеклу и говоритъ ей тихо). Съ которыхъ сторонъ понабрала воронъ—а?

Ѳекла (вполголоса). Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, все честные люди.

Кочкаревъ (ей). Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Ѳекла. Гляди налетъ на свой полетъ, а и похвастаться нечѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

Кочкаревъ. Небось, твои разживные, по дырѣ въ карманѣ. (Вслухъ). Да что она дѣлаетъ теперь? Вѣдь эта дверь, вѣрно, къ ней въ спальню? (Подходитъ къ двери).

Ѳекла. Безстыдникъ! Говорятъ тебѣ, еще одѣвается.

Кочкаревъ. Эка бѣда! Что-жъ тутъ такого? Вѣдь только посмотрю и больше ничего. (Смотритъ въ замочную скважину).

Жевакинъ. А позвольте мнѣ полюбопытствовать тоже.

Яичница. Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

Кочкаревъ (пордолжая смотрѣть). Да ничего не

видно, господа! И распознать нельзя, что такое бѣлѣетъ, женщина или подушка. (Всѣ однакожъ обступили дверь и продираются взглянуть).

Кочкаревъ. Чш... кто то идетъ. (Всѣ отскакиваютъ прочь).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Арина Пантелеймоновна и Агаѳья Тихоновна. (Всѣ раскланиваются).

Арина Пантелеймоновна. А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

Яичница. А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды насчетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора при казенномъ мѣстѣ, я пришелъ узнать, какого роду лѣсъ, въ какомъ количествѣ и къ какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеймоновна. Хоть подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

Яичница. Коллежскій асессоръ, Иванъ Павловичъ Яичница.

Арина Пантелеймоновна. Прошу покорнѣйше садиться. (Обращается къ Жевакину и смотритъ на него). А позвольте узнать...

Жевакинъ. Я тоже, въ газетахъ вижу объявленіе о чемъ-то. Дай-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показалась хорошею, по дорогѣ вездѣ травка...

Арина Пантелеймоновна. А какъ-съ по фамиліи?

Жевакинъ. А лейтенантъ морской службы въ отставкѣ, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у насъ

еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде моего вышелъ въ отставку: былъ раненъ, матушка, подъ колѣнкомъ, и пуля такъ странно прошла, что колѣнка-то самаго не тронула, а по жилѣ прохватила—какъ иголкой сшило, такъ что, когда, бывало, стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колѣнкомъ сзади ударить.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. (Обращаясь къ Анучкину). А позвольте узнать, по какой причинѣ?

Анучкинъ. По сосѣдству-съ. Находясь довольно въ близкомъ сосѣдствѣ...

Арина Пантелеймоновна. Не въ домѣ ли купеческой жены Тулубовой, что насупротивъ, изволите жить?

Анучкинъ. Нѣтъ, я покамѣстъ живу еще на Пескахъ, но имѣю однакоже намѣреніе со временемъ перебраться сюда-съ въ сосѣдство, въ эту часть города.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. (Обращаясь къ Анучкину). А позвольте узнать...

Кочкаревъ. Да неужели вы меня не узнаете? (Обращаясь къ Агаѳьѣ Тихоновнѣ). И вы также, сударыня?

Агаѳья Тихоновна. Сколько мнѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

Кочкаревъ. Однакожъ припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаѳья Тихоновна. Право, не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкиныхъ-ли?

Кочкаревъ. Именно у Бирюшкиныхъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, вы не знаете; съ ней вѣдь исторія случилась.

Кочкаревъ. Какъ же, вышла замужъ.

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. И сильно перело-

мила. Возвращалась довольно поздно домой на дрожкахъ, а кучеръ-то былъ пьянъ и вывалилъ съ дрожекъ.

Кочкаревъ. Да того-то, я помню, что-то было: или вышла замужъ, или переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Какъ же, — Илья Ѳомичъ Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говоритъ о томъ... Позвольте, позвольте (беретъ за руку Подколесина и подводитъ его): пріятель мой Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, надворный совѣтникъ, служитъ экспедиторомъ, одинъ всѣ дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, Подколесинъ. Директоръ такъ только, для чина, поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

Арина Пантелеймоновна. Такъ-съ. Прошу покорнѣйше садиться.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же и Стариковъ.

Стариковъ (кланяясь живо и скоро, по-купечески, и слегка берясь за бока). Здравствуйте, матушка Арина Пантелеевна! Ребята на Гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть, матушка!

Агаѳья Тихоновна (отворачиваясь съ пренебреженіемъ, вполголоса, но такъ что онъ слышитъ). Здѣсь не купеческая лавка.

Стариковъ. Вона! Аль невпопадъ пришли? аль и безъ насъ дѣло сварили?

Арина Пантелеймоновна. Прошу, прошу Алексѣй Дмитріевичъ; хоть шерсти не продаемъ, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(Всѣ усѣлись. Молчаніе).

Яичница. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь какъ будто и прошло.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ, ужъ эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая непріятность.

Жевакинъ. Вотъ въ Сициліи, матушка, мы были съ эскадрой въ весеннее время,—если пригонять, такъ выйдетъ къ нашему февралю: выйдешь, бывало, изъ дому — день солнечный, а потомъ этакъ дождикъ, и смотришь, точно какъ будто дождикъ.

Яичница. Непріятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому человѣку совсѣмъ другое дѣло —не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ это просто...

Жевакинъ. О, смерть, совершенная смерть!

Анучкинъ. Да-съ, это можно сказать...

Кочкаревъ. Какое?—просто терзаніе! жизни не будешь радъ! Не приведи Богъ испытать такое положеніе.

Яичница. А какъ, сударыня, если бы пришлось вамъ избрать предметъ? Позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы палагаете быть приличнѣе мужу?

Жевакинъ. Хотѣли ли бы вы, сударыня, имѣть мужемъ человѣка, —знакомаго съ морскими бурями?

Кочкаревъ. Нѣтъ, нѣтъ! Лучшій, по моему мнѣнію, мужъ есть человѣкъ, который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ.

Анучкинъ. Почему же предубѣжденіе? Зачѣмъ вы

хотите оказать пренебреженіе къ человѣку, который хотя, конечно, служилъ въ пѣхотной службѣ, но умѣетъ, однакожъ, цѣнить обхожденіе высшаго общества.

Яичница. Сударыня разрѣшите вы!

Агаѳья Тихоновна молчитъ.

Ѳекла. Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

Яичница. Какъ же, матушка?

Кочкаревъ. Какъ же ваше мнѣніе, Агаѳья Тихоновна?

Ѳекла (тихо ей). Скажи же, скажи: „Благодарствую", молъ, „съ моимъ удовольствіемъ..." Не хорошо же такъ сидѣть.

Агаѳья Тихоновна (тихо). Мнѣ стыдно, право стыдно, я уйду, право уйду. Тетушка, посидите за меня.

Ѳекла. Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; совсѣмъ осрамишься. Они ни вѣсть что подумаютъ.

Агаѳья Тихоновна (такъ же). Нѣтъ, право уйду, уйду! (Убѣгаетъ. Ѳекла и Арина Пантелеймоновна уходятъ вслѣдъ за нею).

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же, кромѣ ушедшихъ.

Яичница. Вотъ тебѣ на, и ушли всѣ! это что значитъ?

Кочкаревъ. Что-нибудь, вѣрно случилось.

Жевакинъ. Какъ-нибудь насчетъ дамскаго туалетпа... Этакъ поправить что-нибудь... манишечку... пришпилить... (Ѳекла входитъ Всѣ къ ней навстрѣчу съ вопросами: что, что такое?)

Кочкаревъ. Что-нибудь случилось?

Ѳекла. Какъ можно, чтобы случилось! Ей Богу, ничего не случилось.

Кочкаревъ. Да зачѣмъ же она вышла?

Ѳекла. Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ исконфузили, такъ что не высидѣла на мѣстѣ, Проситъ извинить: ввечеру де на чашку чаю чтобы пожаловали. (Уходитъ).

Яичница. (въ сторону). Охъ, ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ за то не люблю сватаній, пойдетъ возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послѣзавтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянь, ничуть не головоломное! Чортъ побери, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда.

Кочкаревъ (Подколесину). А вѣдь хозяйка недурна—а?

Подколесинъ. Да, недурна.

Жевакинъ. А вѣдь хозяечка-то хороша?

Кочкаревъ (въ сторону). Вотъ чортъ побери! Этотъ дуракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй! (Вслухъ). Совсѣмъ нехороша, совсѣмъ нехороша.

Яичница. Носъ великъ.

Жевакинъ. Ну, нѣтъ, носа я не замѣтилъ. Она этакой розанчикъ.

Анучкинъ. Я самъ того же мнѣнія. Нѣтъ, не то, не то... Я даже думаю, что врядъ ли она знакома съ обхожденіемъ высшаго общества. Да и знаетъ ли она еще по-фарнцузски?

Жевакинъ. Да что-жъ вы, смѣю спросить, не попробовали, не поговорили съ ней по-французски? Можетъ-быть, и знаетъ.

Анучкинъ. Вы думаете, я говорю по-французски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастія воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина. Онъ и не ду-

малъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было пріучить, стоило только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непремѣнно зналъ.

Жевакинъ. Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что жъ вамъ за прибыль, если она...

Анучкинъ. А нѣтъ, нѣтъ. Женщина совсѣмъ другое дѣло: нужно, чтобы она непремѣнно знала, а безъ того, у ней и то, и это... (показываетъ жестами) все ужъ будетъ не то.

Яичница (въ сторону). Ну, объ этомъ заботься кто другой. А я пойду да осмотрю со двора домъ и флигеля: если только все, какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добьюсь дѣла. Эти женишки мнѣ не опасны—народъ что-то больно жиденькій. Такихъ невѣсты не любятъ.

Жевакинъ. Пойти выкурить трубочку. А что, не по дорогѣ ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

Анучкинъ. А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

Жевакинъ. Да-съ, будетъ кругъ: я на острову, въ 18-й линіи; а впрочемъ все-таки я васъ провожу.

Стариковъ. Нѣтъ, тутъ что-то спѣсьевато. Ай припомните потомъ, Агаѳья Тихоновна, и насъ! Съ моимъ почтеніемъ, господа! (Кланяется и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Подколесинъ. А чего ждемъ и мы?

Кочкаревъ. Ну, что, вѣдь правда, хозяйка мила?

Подколесинъ. Да что! Мнѣ, признаюсь, она не нравится.

Кочкаревъ. Вотъ на! Это что? Да вѣдь ты самъ согласился, что она хороша.

Подколесинъ. Да такъ, какъ-то не того: и носъ длинный, и по-французски не знаетъ.

Кочкаревъ. Это еще что? тебѣ на что по-французски?

Подколесинъ. Ну, все-таки невѣста должна знать по-французски.

Кочкаревъ. Почему-жъ?

Подколесинъ. Да потому, что... ужъ я не знаю почему, а все ужъ будетъ у ней не то.

Кочкаревъ. Ну, вотъ; дуракъ сейчасъ одинъ сказалъ, а онъ и уши развѣсилъ. Она—красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

Подколесинъ. Да мнѣ самому сначала она было приглянулась, да послѣ, какъ начали говорить: длинный носъ, длинный носъ, — ну я и разсмотрѣлъ, и вижу самъ, что длинный носъ.

Кочкаревъ. Эхъ, ты пирей, не нашелъ дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить: и я тоже не хвалилъ, — такъ ужъ дѣлается. Это, братъ, такая дѣвица! Ты разсмотри только глаза ея: вѣдь это, чортъ знаетъ, что за глаза: говорятъ, дышатъ. А носъ? я не знаю, что за носъ! бѣлизна—алебастръ? Да и алебастръ не всякій сравнится. Ты разсмотри самъ хорошенько.

Подколесинъ (улыбаясь). Да теперь-то я опять вижу, что она какъ будто хороша.

Кочкаревъ. Разумѣется, хороша. Послушай, теперь, такъ какъ они всѣ ушли, пойдемъ къ ней, изъяснимся и все кончимъ.

Подколесинъ. Ну, этого я не сдѣлаю.

Кочкаревъ. Отчего-жъ?

Подколесинъ. Да что-жъ за нахальство? Насъ много; пусть она сама выберетъ.

Кочкаревъ. Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ: боишься соперничества, что ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ одну минуту спроважу.

Подколесинъ. Да какъ же ты ихъ спровадишь?

Кочкаревъ. Ну, ужъ это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, что потомъ не будешь отнѣкиваться.

Подколесинъ. Почему-жъ не дать? изволь, я не отпираюсь: я хочу жениться.

Кочкаревъ. Руку!

Подколесинъ (подавая). Возьми!

Кочкаревъ. Ну, этого только мнѣ и нужно. (Оба уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Агаѳьи Тихоновны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агаѳья Тихоновна одна, потомъ Кочкаревъ.

Агаѳья Тихоновна. Право, такое затрудненіе— выборъ! Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четыре — какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недуренъ, хотя конечно худощавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже недуренъ. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича—я бы тогда точасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай просто, голова даже стала болѣть. Я думаю лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божію: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, что будетъ. (Подходитъ къ столику, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скаты-

ваетъ, продолжая говорить). Такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной. Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже, просто, не хотятъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ въ ридикюль, зажмуривъ глаза, да и пусть будетъ, что будетъ. (Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою). Страшно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! Нѣтъ, отчего же онъ? лучше-жъ Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе?.. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... какой выберется, такой пусть и будетъ. (Шаритъ рукою въ ридикюлѣ и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ). Ухъ, всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного! непремѣнно одного! (Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ. Въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади). Ахъ, еслибы вынуть Балтазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣтъ, не хочу, не хочу! Кого прикажетъ судьба.

Кочкаревъ. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ! (вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшась взглянуть назадъ).

Кочкаревъ. Да чего-жъ вы испугались. Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочкаревъ. Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться: откройте же ваше личико.

Агаѳья Тихоновна (вполвину открывая лицо). Мнѣ, право, стыдно.

Кочкаревъ. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ! (вскрикиваетъ и закрывается вновь руками).

Кочкаревъ. Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... просто удивительный человѣкъ!

Агаѳья Тихоновна (понемногу открываетъ лицо). Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ—вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Кочкаревъ. Помилуйте, это дрянь противъ Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Отчего же?

Кочкаревъ. Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человѣкъ... ну, просто, человѣкъ... человѣкъ, какихъ не сыщешь.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а Иванъ Павловичъ?

Кочкаревъ. И Иванъ Павловичъ — дрянь, всѣ они—дрянь.

Агаѳья Тихоновна. Будто бы ужъ всѣ?

Кочкаревъ. Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было,—Иванъ Кузьмичъ! а вѣдь то, что ни попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ что такое!

Агаѳья Тихоновна. А вѣдь, право, они очень... скромные.

Кочкаревъ. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, Боже мой! Ужъ это, точно, такое несчастіе, хуже котораго не можетъ быть.

Кочкаревъ. Еще бы! хуже этого и не выдумаешь ничего.

Агаѳья Тихоновна. Такъ, по вашему совѣту, лучше взять Ивана Кузьмича.

Кочкаревъ. Ивана Кузьмича; натурально, Ивана Кузьмича. (Въ сторону). Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Подколесинъ сидитъ въ кондитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

Агаѳья Тихоновна. Такъ вы думаете—Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Непремѣнно Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. А тѣмъ другимъ развѣ отказать?

Кочкаревъ. Конечно, отказать.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь какъ же это сдѣлать? какъ-то стыдно.

Кочкаревъ. Почему-жъ стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите замужъ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь они не повѣрятъ, станутъ спрашивать; да почему, да какъ?

Кочкаревъ. Ну, такъ, если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: „Пошли вонъ, дураки!"

Агаѳья Тихоновна. Какъ же можно такъ сказать?

Кочкаревъ. Ну, да ужъ попробуйте! я васъ увѣряю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь это выйдетъ ужъ какъ-то бранно.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все ли равно?

Агаѳья Тихоновна. Да все какъ-то не хорошо... они вѣдь разсердятся.

Кочкаревъ. Какая же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большее, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза,—вотъ и все.

Агаѳья Тихоновна. Ну, вотъ, видите!

Кочкаревъ. Да что-жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ—плюнулъ въ самое лицо, ей Богу! „Вотъ тебѣ", говоритъ, „твоя прибавка, отвяжись, сатана!" А жалованья однакоже все-таки приба-

билъ. Такъ что-жъ изъ того, что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ—взялъ, да и вытеръ. (Въ сѣняхъ звонятъ). Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ, вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ-ли у васъ тамъ другого выхода?

Агаѳья Тихоновна. Какъ же, по черной лѣстницѣ. Но, право, я вся дрожу.

Кочкаревъ. Ничего, только присутствіе духа. Прощайте! (Въ сторону). Поскорѣй приведу Подколесина.

ЯВЛЕНІЕ II.

Агаѳья Тихоновна и Яичница.

Яичница. Я нарочно, сударыня, пришелъ пораньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на досугѣ. Ну, сударыня, насчетъ чина, я уже полагаю, вамъ извѣстно: служу коллежскимъ асессоромъ, любимъ начальниками, подчиненные слушаются... недостаетъ только одного: подруги жизни.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ.

Яичница. Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта—вы. Скажите напрямикъ: да или нѣтъ? (Смотритъ ей въ плечо, въ сторону). О, она не то, что, какъ бываютъ, худенькія нѣмки—кое-что есть.

Агаѳья Тихоновна. Я еще очень молода-съ... не расположена еще замужъ.

Яичница. Поимлуйте, а сваха зачѣмъ хлопочетъ? Но, можетъ-быть, вы хотите что-нибудь другое сказать—изъяснитесь... (Слышенъ колокольчикъ). Чортъ побери! никакъ не дадутъ дѣломъ заняться.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Жевакинъ.

Жевакинъ. Извините, сударыня, что я, можетъ-быть, слишкомъ рано. (Оборачивается и видитъ Яичницу). Ахъ, ужъ есть... Ивану Павловичу мое почтеніе!

Яичница (въ сторону). Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ! (Вслухъ). Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно слово: да или нѣтъ?.. (Слышенъ колокольчикъ; Яичница плюетъ съ сердцемъ). Опять колокольчикъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Анучкинъ.

Анучкинъ. Можетъ-быть, я, сударыня, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ и повелѣваетъ долгъ приличія... (Видя прочихъ, испускаетъ восклицаніе и рсакланивается). Мое почтеніе!

Яичница (въ сторону). Возьми себѣ свое почтеніе. Нелегкая тебя принесла, подломились бы тебѣ твои поджарыя ноги! (Вслухъ). Такъ какъ же, сударыня, рѣшите,— я человѣкъ должностной, времени у меня немного—да, или нѣтъ?

Агаѳья Тихоновна (въ смущеніи). Не нужно-съ, не нужно-съ... (Въ сторону). Ничего не понимаю, что говорю.

Яичница. Какъ не нужно? Въ какомъ отношеніи не нужно?

Агаѳья Тихоновна. Ничего-съ, ничего... Я не того-съ... (Собираясь съ духомъ). Пошли вонъ!... (Въ сто-

рону, всплеснувши руками). Ахъ, Боже мой! что я такое сказала?

Яичница. Какъ „пошли вонъ?“ Что это такое значитъ: „пошли вонъ?“ Позвольте узнать, что вы разумѣете подъ этимъ? (Подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно).

Агаѳья Тихоновна (взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ). Ухъ, прибьетъ, прибьетъ! (Убѣгаетъ. Яичница стоитъ, разинувши ротъ. Вбѣгаетъ на крикъ Арина Пантелеймоновна и, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже: ухъ, прибьетъ! и убѣгаетъ).

Яичница. Что за притча такая! Вотъ, право, исторія! (Въ дверяхъ звенитъ звонокъ, и слышны голоса).

Голосъ Кочкарева. Да входи, входи, что-жъ ты остановился?

Голосъ Подколесина. Да ступай ты впередъ. Я только на минуту: оправлюсь, разстегнулась стремешка.

Голосъ Кочкарева. Да ты улизнешь опять.

Голосъ Подколесина. Нѣтъ, не улизну! Ей Богу, не улизну!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну, вотъ, очень нужно поправлять стремешку.

Яичница (обращаясь къ нему).. Скажите, пожалуйста, невѣста дура, что ли?

Кочкаревъ. А что? случилось развѣ что?

Яичница. Да непонятные поступки! выбѣжала, стала кричать: „прибьетъ, прибьетъ!“ Чортъ знаетъ что такое.

Кочкаревъ. Ну да, это за ней водится: она дура.

Яичница. Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

Кочкаревъ. Какъ же, родственникъ.

Яичница. А какъ родственникъ? позвольте узнать.

Кочкаревъ. Право, не знаю; какъ-то тетка моей матери что-то такое ея отцу, или отецъ ея что-то такое моей теткѣ; объ этомъ знаетъ жена моя,—это ихъ дѣло.

Яичница. И давно за ней водится дурь?

Кочкаревъ. А еще съ самаго съ-измала.

Яичница. Да, конечно, лучше если бы она была умнѣй; а впрочемъ и дура тоже хорошо: были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ.

Кочкаревъ. Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

Яичница. Какъ такъ, а каменный домъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь только слава, что каменный, а знали бы вы, какъ онъ выстроенъ: стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ серединѣ всякая дрянь—мусоръ, щепки, стружки.

Яичница. Что вы?

Кочкаревъ. Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строятъ дома? лишь бы только въ ломбардъ заложить.

Яичница. Однакожъ, вѣдь домъ не заложенъ?

Кочкаревъ. А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, не только заложенъ, да за два года еще проценты не выплачены. Да въ сенатѣ есть еще братъ, который тоже запускаетъ глаза на домъ—сутяги такого свѣтъ не производилъ: съ родной матери послѣднюю юбку снялъ бы, безбожникъ.

Яичница. Какъ же мнѣ старуха-сваха... Ахъ она, бестія этакая, извергъ рода человѣ... (Въ сторону). Однакожъ онъ, можетъ быть, и вретъ. Подъ строжайшій допросъ старуху! и если только правда... ну... я заставлю запѣть ее не такъ, какъ другіе поютъ.

Анучкинъ. Позвольте васъ побезпокоить тоже воп-

росомъ. Признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ ли женщина по-французски, или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ?..

Кочкаревъ. Ни бельмеса.

Анучкинъ. Что вы?

Кочкаревъ. Какъ же? я это очень хорошо знаю. Она училась вмѣстѣ съ женой въ пансіонѣ, извѣстная была лѣнивица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидитъ. А французскій учитель, просто, билъ ее палкой.

Анучкинъ. Представьте же, что у меня съ перваго раза, какъ только ее увидѣлъ, было какое-то предчувствіе, что она не знаетъ по-французски.

Яичница. Ну, чортъ съ французскимъ! Но какъ сваха-то проклятая... Ахъ ты, бестія этакая, вѣдьма! Вѣдь если бы вы знали, какими словами она расписала—живописецъ, вотъ совершенный живописецъ! „Домъ, флигель", говоритъ, „на фундаментахъ, серебряныя ложки, сани—вотъ садись, да и катайся" словомъ, въ романѣ рѣдко выберется такая страница. Ахъ ты, подошла ты старая! попадись только ты мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Ѳекла. (Всѣ, увидѣвъ ее, обращаются къ ней съ слѣдующими словами).

Яичница. А! вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣховница! а подойди-ка сюда!

Анучкинъ. Такъ-то вы обманули меня, Ѳекла Ивановна?

Кочкаревъ. Ну-ка, ступай, Варвара, на расправу.

Ѳекла. И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ.

Яичница. Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая подошва, а ты наврала: и съ мезонинами, и чортъ знаетъ съ чѣмъ.

Θекла. А не знаю, не я строила. Можетъ-быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

Яичница. Да и въ ломбардъ еще заложенъ! Черти-бъ тебя съѣли, вѣдьма ты проклятая! (притопывая ногой).

Θекла. Смотри ты какой! Еще и бранится. Иной бы благодарить сталъ за удовольствіе, что хлопотала о немъ.

Анучкинъ. Да, Θекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже насказали, что она знаетъ по-французски.

Θекла. Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому, и по-всякому; какіе хочешь манеры—все знаетъ.

Анучкинъ. Ну, нѣтъ; кажется, она только по-русски и говоритъ.

Θекла. Что-жъ тутъ худого? Понятливѣе по-русски, потому и говоритъ по-русски. А кабы умѣла по-басурмански, то тебѣ же хуже, и самъ бы не понялъ ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь,—рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по-русски.

Яичница. А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ!

Θекла (пятясь ближе къ дверямъ). И не подойду, я знаю тебя: ты человѣкъ тяжелый, ни за что прибьешь.

Яичница. Ну, сомтри, голоубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣстѣ скажи, что она подлецъ! Слышишь, непремѣнно скажи. (Уходитъ).

Θекла. Смотри ты какой! разсердился какъ! Что толстъ, такъ думаетъ, ему и равнаго никого нѣтъ. А я скажу, что ты самъ подлецъ—вотъ что!

Анучкинъ. Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не

думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованіемъ, да я... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ! (Уходитъ).

Ѳекла. Бѣлены объѣлись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе! Свела съ ума глупая грамота!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ѳекла, Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкревъ (хохочетъ во все горло, смотря на Ѳеклу и указывая на нее пальцемъ).

Ѳекла (съ досадою). Ты что горло дерешь?

Кочкаревъ продолжаетъ хохотать.

Ѳекла. Экъ какъ разобрало его!

Кочкаревъ. Сваха-то! сваха-то! Мастерица женить, знаетъ, какъ повести дѣло! (Продлжаетъ хохотать).

Ѳекла. Экъ его заливается! Знать, покойница свихнула съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала. (Уходитъ съ досадою).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ (продолжая хохотать). Охъ не могу; право, не могу! силы не выдержатъ, чувствую, что тресну отъ смѣха! (Продолжаетъ хохотать).

Жевакинъ глядя на него, начинаетъ тоже смѣяться.

Кочкаревъ (въ усталости валится на стулъ). Охъ,

право, выбился изъ силъ! Чувствую, что если засмѣюсь еще, порву послѣднія силы.

Жевакинъ. Мнѣ нравится веселость вашего нрава. У насъ въ эскадрѣ капитана Болдырева былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ—вдругъ засмѣется, ей Богу, и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь, наконецъ, и самъ точно, этакъ, смѣешься.

Кочкаревъ (переводя дыханье). Охъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Ну, что она вздумала, дура? Ну, куда-жъ ей женить? ей ли женить? Вотъ я женю, такъ женю!

Жевакинъ. Нѣтъ? Какъ вы можете не въ шутку женить?

Кочкаревъ. Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно.

Жевакинъ. Если такъ, жените меня на здѣшней хозяйкѣ.

Кочкаревъ. Васъ? да зачѣмъ вамъ жениться?

Жевакинъ. Какъ зачѣмъ? Вотъ, позвольте замѣтить, странный немного вопросъ! а извѣстное дѣло зачѣмъ.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы слышали, у ней приданаго ничего нѣтъ.

Жевакинъ. На нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, это дурно, а впрочемъ съ этакою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденьями, можно прожить и безъ приданаго. Небольшая комната (размѣриваетъ примѣрно руками), этакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь въ родѣ этакой перегородки...

Кочкаревъ. Да что вамъ въ ней такъ понравилось?

Жевакинъ. А сказать правду, мнѣ понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматеръ со стороны женской полноты.

Кочкаревъ. (Поглядывая на него искоса говоритъ въ сторону). А вѣдь самъ ужъ куды не пощеголяетъ; точно

кисетъ, изъ котораго вытрясли табакъ. (Вслухъ). Нѣтъ, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

Жевакинъ. Какъ таки?

Кочкаревъ. Да такъ. Ну, что у васъ за фигура, между нами будь сказано? нога пѣтушья...

Жевакинъ. Пѣтушья?

Кочкаревъ. Конечно, что у васъ за видъ!

Жевакинъ. То-есть, какъ, однакоже, пѣтушья нога?

Кочкаревъ. Да просто—пѣтушья.

Жевакинъ. Мнѣ, кажется, это, однакожъ, касается насчетъ личности...

Кочкаревъ. Да вѣдь я говорю потому, что, знаю, вы разсудительный человѣкъ; другому я не скажу. Я васъ женю, извольте, только на другой.

Жевакинъ. Нѣтъ ужъ я бы просилъ, чтобы на другой меня не женили. Ужъ будьте этакъ благодѣтельны, чтобы на этой.

Кочкаревъ. Извольте, женю, только съ условіемъ: вы не мѣшайтесь ни во что и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ,—я все сдѣлаю безъ васъ.

Жевакинъ. Да какъ, однакоже, все безъ меня? Все-таки мнѣ хоть на глаза нужно будетъ показаться.

Кочкаревъ. Совсѣмъ не нужно. Идите домой и ждите: сего же вечера все будетъ сдѣлано.

Жевакинъ (потираетъ руки). А вотъ это и ужъ куда бы хорошо! Да не нужно ли аттестатъ, послужной списокъ? Можетъ-быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ минуту.

Кочкаревъ. Ничего не нужно, отправляйтесь только домой; я вамъ сегодня же дамъ знать. (Выпровожаетъ его). Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Что-жъ это? Что-жъ это, Подколесинъ не идетъ? Это, однакожъ, странно. Неужли онъ до сихъ поръ поправляетъ свою стремешку? Ужъ не побѣжать ли за нимъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кочкаревъ, Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна (осматриваясь). Что ушли? никого нѣтъ ?

Кочкаревъ. Ушли, ушли, никого.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, если бы вы знали, какъ я вся дрожала! Этакого, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этотъ Яичница; какой онъ долженъ быть тиранъ для жены. Мнѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

Кочкаревъ. О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ свой здѣсь.

Агаѳья Тихоновна. А третій?

Кочкаревъ. Какой третій?

Жевакинъ, (высовывая голову въ двери). Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ... розанчикъ этакой.

Агаѳья Тихоновна. А Балтазаръ Балтазаровичъ?

Жевакинъ. А, вотъ оно, вотъ оно! (Протираетъ руки).

Кочкаревъ. Фу, ты пропасть! Я думалъ, о комъ вы говорите, Да вѣдь это, просто, чортъ знаетъ что, набитый дуракъ.

Жевакинъ. Это что такое ?Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

Агаѳья Тихоновна. А онъ, однакоже, на видъ показался очень хорошимъ человѣкомъ.

Кочкаревъ. Пьяница!

Жевакинъ. Ей Богу, не понимаю!

Агаѳья Тихоновна. Неужели и пьяница еще?

Кочкаревъ. Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

Жевакинъ (громко). Нѣтъ, позвольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что-нибудь замолвить въ мой профитъ, похвалить—другое дѣло; а чтобы этакимъ образомъ, этакими словами, ужъ извольте развѣ кого-нибудь другого, а ужъ я слуга покорный.

Кочкаревъ (въ сторону). Какъ это угораздило его подвернуться? (Агаѳьѣ Тихоновнѣ вполголоса). Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Этакое мыслете онъ всякій день пишетъ. Прогоните его, да и концы въ воду! (Въ сторону). А Подколесина нѣтъ, какъ нѣтъ. Экой мерзавецъ! Ужъ я-жъ вымещу на немъ (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Агаѳья Тихоновна и Жевакинъ.

Жевакинъ (въ сторону). Обѣщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! Престранный человѣкъ! (Вслухъ). Вы, сударыня, не вѣрьте...

Агаѳья Тихоновна. Извините, мнѣ нездоровится... болитъ-съ голова. (Хочетъ уйти).

Жевакинъ. Но, можетъ быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится? (Указывая на голову). Вы не глядите на то, что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это ничего, это отъ лихорадки; волоса сейчасъ вырастутъ.

Агаѳья Тихоновна. Мнѣ все равно-съ, что бы у васъ тамъ ни было.

Жевакинъ. У меня, сударыня... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ побѣлѣе.

Агаоья Тихоновна. Для васъ лучше. Прощайте! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Жевакинъ (одинъ, говоритъ вслѣдъ ей).

Сударыня, позвольте, скажите причину, зачѣмъ? почему? Или во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что-ли?... Ушла! Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ образомъ: кажется, этакъ сначала все хорошо, а какъ дойдетъ дѣло до развязки—смотришь, и откажутъ. (Ходитъ по комнатѣ въ размышленіи). Да... Вотъ эта ужъ будетъ никакъ семнадцатая невѣста! И чего же ей, однакожъ, хочется? Чего бы ей, напримѣръ, этакъ... съ какой стати... (Подумавъ). Темно, чрезвычайно темно! Добро бы нехорошъ чѣмъ. (Осматривается). Кажется, нельзя сказать этого: все, слава Богу, натура не обидѣла. Непонятно! Развѣ не пойти ли домой да порыться въ сундучкѣ? Тамъ у меня были стишки, противъ которыхъ, точно, ни одна не устоитъ... Ей Богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло... Видно, приходится поворотить назадъ оглобли. А жаль, право жаль. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Подколесинъ и Кочкаревъ (входятъ и оба оглядываются назадъ).

Кочкаревъ. Онъ не замѣтилъ насъ. Видѣлъ, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?

Подколесинъ. Неужели и ему также отказано, какъ и тѣмъ?

Кочкаревъ. Наотрѣзъ.

Подколесинъ (съ самодовольной улыбкой). А преконфузно, однакоже, должно быть, если откажутъ.

Кочкаревъ. Еще бы!

Подколесинъ. Я все еще не вѣрю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

Кочкаревъ. Какое—предпочитаетъ! Она отъ тебя, просто, безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть,—такъ, просто, и кипитъ.

Подколесинъ (самодовольно усмѣхается). А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, женщина, если захочетъ, какихъ словъ не наскажетъ! вѣкъ бы не выдумалъ: мордашечка, таракашечка, чернушка...

Кочкаревъ. Что еще эти слова! Вотъ какъ женишься, такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца, какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну, вотъ такъ и таешь.

Подколесинъ (усмѣхаясь). Будто?

Кочкаревъ. Какой честный человѣкъ! Послушай, теперь, однакожъ, скорѣе къ дѣлу. Изъясни ей и открой сію же минуту сердце и требуй руки.

Подколесинъ. Но какъ же сію минуту? Что ты!

Кочкаревъ. Непремѣнно сію же винуту... а вотъ и она сама.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Агаѳья Тихоновна.

Кочкаревъ. Я привелъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, котораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюб-

леннаго, просто не приведи Богъ — и непріятелю не пожелаю...

Подколесинъ (толкая его подъ руку, тихо). Ну, ужъ ты, братъ, кажется, слишкомъ.

Кочкаревъ (ему). Ничего, ничего! (Ей тихо). Будьте посмѣлѣе, онъ очень смиренъ, старайтесь быть какъ можно развязнѣе. Этакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, потупивши глаза, такъ вдругъ и срѣзать его, злодѣя, или выставьте ему какъ-нибудь плечо, и пусть его, мерзавецъ, смотритъ!—Напрасно, впрочемъ, вы не надѣли платья съ короткими рукавами; да впрочемъ и это хорошо. (Вслухъ) Ну, я оставлю васъ въ пріятномъ обществѣ! Я на минуточку загляну только къ вамъ въ столовую и на кухню: нужно распорядиться—сейчасъ придетъ офиціантъ, которому заказанъ ужинъ; можетъ-быть, и вина принесены... До свиданья! (Подколесину). Смѣлѣе! Смѣлѣе!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Подколесинъ и Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна. Прошу покорнѣйше садиться. (Садятся и молчатъ).

Подколесинъ. Вы, сударня, любите кататься?

Агаѳья Тихоновна. Какъ-съ кататься?

Подколесинъ. На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подколесинъ. Какое-то лѣто будетъ—неизвѣстно.

Агаѳья Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчатъ).

Подколесинъ. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Агаѳья Тихоновна. Который покрѣпче пахнетъ-съ—гвоздику-съ.

Подколесинъ. Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Агаѳья Тихоновна. Да, пріятное занятіе. (Молчаніе). Въ которой церкви вы были прошлое воскресенье?

Подколесинъ. Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. Въ той только украшеніе лучше. (Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по столу). Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Агаѳья Тихоновна. Да, черезъ мѣсяцъ, кажется.

Подколесинъ. Даже и мѣсяца и не будетъ.

Агаѳья Тихоновна. Должно-быть, веселое будетъ гулянье.

Подколесинъ. Сегодня восьмое число (считаетъ по пальцамъ); девятое, десятое, одиннадцатое... чрезъ двадцать два дня.

Агаѳья Тихоновна. Представьте, какъ скоро!

Подколесинъ. Я сегодняшняго дня даже не считаю. (Молчаніе). Какой это смѣлый русскій народъ!

Агаѳья Тихоновна. Какъ?

Подколесинъ. А работники. Стоятъ на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатуритъ и не боится ничего.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подколесинъ. А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность. (Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ ба-

рабанить пальцами, наконецъ берется за шляпу и раскланивается).

Агаѳья Тихоновна. А вы уже хотите?..

Подколесинъ. Да-съ. Извините, что, можетъ-быть, наскучилъ вамъ.

Агаѳья Тихоновна. Какъ-съ можно! Напротивъ я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подколесинъ (улыбаясь). А мнѣ, такъ, право, кажется, что я наскучилъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, право нѣтъ!

Подколесинъ. Ну, такъ, если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда-нибудь...

Агаѳья Тихоновна. Очень пріятно-съ. (Раскланивается. Подколесинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Агаѳья Тихновона (одна).

Какой достойный человѣкъ! Я теперь только узнала его хорошенько; право нельзя не полюбить: и скромный, и разсудительный. Да, пріятель его давеча справедливо сказалъ; жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, а я бы еще его хотѣла послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! И вѣдь главное то хорошо, что совсѣмъ не пустословитъ. Я было хотѣла ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробѣла, сердце такъ стало биться... Какой превосходный человѣкъ! Пойду, разскажу тетушкѣ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Подколесинъ и Кочкаревъ (входятъ).

Кочкаревъ. Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что слѣдуетъ.

Кочкаревъ. Стало-быть, сердце ей ты ужъ открылъ?

Подколесинъ. Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

Кочкаревъ. Вотъ-те исторія! Зачѣмъ же не открылъ?

Подколесинъ. Ну, да какъ же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чемъ, вдругъ сказать съ боку-припеку: „Сударыня, дайте я на васъ женюсь!“

Кочкаревъ. Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздорѣ толковали битыхъ полчаса?

Подколесинъ. Ну, мы переговорили обо всемъ и, признаюсь, я очень доволенъ: съ большимъ удовольствіемъ провелъ время.

Кочкаревъ. Да послушай, посуди ты самъ: когда же все это успѣемъ? вѣдь черезъ часъ нужно ѣхать въ церковь, подъ вѣнецъ.

Подколесинъ. Что ты, съ ума сошелъ. Сегодня подъ вѣнецъ!..

Кочкаревъ. Почему-жъ нѣтъ?

Подколесинъ. Сегодня подъ вѣнецъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь ты-жъ самъ далъ слово, сказалъ, что какъ только женихи будутъ прогнаны—сейчасъ готовъ жениться.

Подколесинъ. Ну, я и теперь не прочь отъ слова,

только не сейчасъ же; мѣсяцъ по крайней мѣрѣ нужно дать роздыху.

Кочкаревъ. Мѣсяцъ!

Подколесинъ. Да, конечно.

Кочкаревъ. Да ты съ ума сошелъ, что ли?

Подколесинъ. Да меньше мѣсяца нельзя.

Кочкаревъ. Да вѣдь я офиціанту заказалъ ужинъ, бревно ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямься, душенька, женись теперь.

Подколесинъ. Помилуй, братъ, что ты говоришь? какъ же теперь?

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня по крайней мѣрѣ.

Подколесинъ. Да, право, нельзя.

Кочкаревъ. Можно, душа, все можно; ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

Подколесинъ. Да, право, нѣтъ! неловко, совсѣмъ неловко.

Кочкаревъ. Да что неловко? кто тебѣ сказалъ это? Ты посуди самъ, вѣдь ты человѣкъ умный; я говорю тебѣ это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ подольститься, не потому, что ты экспедиторъ, а просто говорю изъ любви... Ну, полно же, душенька, рѣшись, взгляни окомъ благоразумнаго человѣка.

Подколесинъ. Да если бы было можно, такъ я бы...

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну, хочешь ли, я стану на колѣни передъ тобой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же?..

Кочкаревъ (становясь на колѣни). Ну, вотъ я и на колѣняхъ! Ну, видишь самъ, прошу тебя. Вѣкъ не позабуду твоей услуги, не упрямься, душенька!

Подколесинъ. Ну, нельзя, братъ, право нельзя.

Кочкаревъ (вставая, въ-сердцахъ). Свинья!

Подколесинъ. Пожалуй, бранись себѣ.

Кочкаревъ. Глупый человѣкъ! Еще никогда не было такого.

Подколесинъ. Бранись, бранись.

Кочкаревъ. Я для кого же старался? изъ чего бился? Все для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что мнѣ? я сейчасъ брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

Подколесинъ. Да кто-жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Кочкаревъ. Да вѣдь ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

Подколесинъ. Тебѣ что до того?

Кочкаревъ. О тебѣ, деревянная башка, стараюсь.

Подколесинъ. Я не хочу твоихъ стараній.

Кочкаревъ. Ну, такъ ступай же къ чорту!

Подколесинъ. Ну, и пойду.

Кочкаревъ. Туда тебѣ и дорога!

Подколесинъ. Что-жъ, и пойду.

Кочкаревъ. Ступай, ступай и чтобы ты себѣ сейчасъ же переломилъ тамъ ногу. Вотъ отъ души посылаю тебѣ желаніе, чтобы тебѣ пьяный извозчикъ въѣхалъ дышломъ въ самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ не показывайся!

Подколесинъ. И не покажусь. (Уходитъ).

Кочкаревъ. Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю! (Отворяя дверь, кричитъ ему вслѣдъ). Дуракъ!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Кочкаревъ (одинъ, ходитъ, въ сильномъ движеніи, взадъ и впередъ).

Ну, былъ ли когда виденъ на свѣтѣ подобный чело-

вѣкъ? Этакой дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите пожалуйста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ родня что ли? И что я ему такое — нянька, тетка, свекруха, кума что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не даю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто чортъ знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ! Этакой мерзавецъ! Какая противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы—во всякое мѣсто! (Въ-сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ). Вѣдь вотъ что досадно: вышелъ себѣ — ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода—вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь этакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ же, пойду, нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду, приведу подлеца! (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Агаѳья Тихоновна (входитъ).

Ужъ такъ право бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куда ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча совершенно хотѣла было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь,—пробовала сматывать нитки, шила ридикюль,—а Иванъ Кузьмичъ все такъ вотъ и лѣзетъ въ

руку. (Помолчавъ). И такъ, вотъ, наконецъ ожидаетъ меня перемѣна состоянія! Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мужчиною—уфъ! дрожь такъ меня и пробираетъ. Прощай, прежняя моя дѣвичья жизнь. (Плачетъ). Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ. Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подрастутъ—выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что готовъ сегодня же поставить на карточку все, что ни есть на немъ. (Начинаетъ мало-помалу опять рыдать). Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ... (Перемѣняя голосъ). Да что-же Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣшкается?

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Агаѳья Тихоновна и Подколесинъ (выталкивается на сцену изъ дверей двумя руками Кочкарева).

Подколесинъ (запинаясь). Я пришелъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльцо... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ.

Агаѳья Тихоновна (потупляя глаза). Что же такое.

Подколесинъ. Нѣтъ, сударныя, вы скажите напередъ: не покажется ли вамъ странно?

Агаѳья Тихоновна (такъ же). Не могу знать, что такое.

Подколесинъ. Но признайтесь: вѣрно вамъ пожется страннымъ то, что я вамъ скажу?

Агаѳья Тихоновна. Помилуѣте, какъ можно, чтобы было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

Подколесинъ. Но этого вы еще никогда не слыхали. (Агаѳья Тихоновна потупляетъ еще болѣе глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится у него за плечами). Это вотъ въ чемъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда нибудь послѣ.

Агаѳья Тихоновна. А что же это такое?

Подколесинъ. А это... я хотѣлъ было, признаюсь, теперь объявить вамъ, да все еще какъ-то сомнѣваюсь.

Кочкаревъ (про себя, складывая руки). Господи Ты Боже мой, что это за человѣкъ. Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка!

Агаѳья Тихоновна. Отчего же вы сомнѣваетесь?

Подколесинъ. Да все какъ-то беретъ сомнѣніе.

Кочкаревъ (вслухъ). Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите, онъ проситъ руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

Подколесинъ (почти испугавшись, толкаетъ его, произнося живо). Помилуй, что ты!

Кочкаревъ. Такъ что-жъ, сударыня, рѣшаетесь вы сему смертному доставить счастіе?

Агаѳья Тихоновна. Я никакъ не смѣю думать, чтобъ я могла составить счастіе... а, впрочемъ, я согласна.

Кочкаревъ. Натурально, натурально, такъ бы давно! Давайте ваши руки!

Подколесинъ. Сейчасъ. (Хочетъ сказать что-то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и хмуритъ брови; онъ даетъ руку).

Кочкаревъ (соединяя руки). Ну, Богъ васъ благословитъ! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это

есть такое дѣло... Это не то, что взялъ извозчика, да и поѣхалъ куда-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я разскажу тебѣ, что это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать. (Агаѳья Тихоновна потупляетъ глаза). Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно; пусть поцѣлуетъ!

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. (Цѣлуетъ ее и беретъ за руку). Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка?.. Да позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непремѣнно сей же часъ.

Агаѳья Тихоновна. Какъ сейчасъ? Ужъ это, можетъ-быть, очень скоро.

Подколесинъ. И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтобъ сію же минуту было вѣнчанье.

Кочкаревъ. Браво! хорошо! Благородный человѣкъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ. Вы, сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они всѣ теперь поѣхали прямо въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

Агаѳья Тихоновна. Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Кочкаревъ и Подколесинъ.

Подколесинъ. Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ

бы того, что ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. (Тронутый). Будущей весною навѣщу непремѣнно могилу твоего отца.

Кочкаревъ. Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, подойди, я тебя поцѣлую. (Цѣлуетъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую). Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно (цѣлуются), въ довольствѣ и достаткѣ; дѣтей бы нажили кучу...

Подколесинъ. Благодарю, братъ! Именно, наконецъ, теперь только узналъ, что такое жизнь; теперь предо нмою открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ, чувствуетъ, этакъ какъ-то испаряется, какъ-то этакъ, не знаешь даже самъ, что дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то-есть просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія человѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой человѣкъ живетъ.

Кочкаревъ. Радъ, радъ! Теперь я пойду, посмотрю только, какъ убрали столъ: въ минуту ворочусь. (Въ сторону). А шляпу все лучше на всякій случай припрятать. (Беретъ и уноситъ шляпу съ собою).

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ (одинъ).

Въ самомъ дѣлѣ, что я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что я значилъ, что дѣлалъ? Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ,—словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и обык-

новенный человѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь, если разсмотрѣть, какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ. Если бы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ) не было ни одного холостого человѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ—и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, котораго, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. (Послѣ нѣкотораго молчанія). Однакожъ, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего, — все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя—тамъ ужъ и карета, и все стоитъ въ готовности. А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну, спросятъ зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; что, если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. (Подходитъ къ окну). Ну, еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькій. Ну, нѣтъ, какъ же со мной нѣтъ даже картуза. Какъ же безъ шляпы? неловко! А неужто однакоже нельзя безъ шляпы? А что, если бы попробовать—а? Попробовать, что ли? (Становится на окно и, сказавши: „Господи, благослови!“ (соскакиваетъ на улицу; за сценой кряхтитъ и схаетъ). Охъ! однакожъ высоко! Эй, извозчикъ!

Голосъ извозчика. Подавать, что ли?

Голосъ Подколесина. На Канавку, возлѣ Семеновскаго моста.

Голосъ извозчика. Да гривенникъ, безъ лишняго.

Голосъ Подколесина. Давай! Пошелъ! (Слышенъ стукъ отъѣзжающихъ дрожекъ).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Агаѳья Тихоновна (входитъ въ вѣнчальномъ платьѣ и потупивъ голову).

И сама не знаю, что со мною такое! Опять сдѣлалось стыдно, и я вся дрожу. Ахъ! если бы его хоть на минутку на эту пору не было въ комнатѣ, если бы онъ за чѣмъ-нибудь вышелъ! (Съ робостью оглядывается). Да гдѣ-жъ это онъ? Никого нѣтъ. Куда же онъ вышелъ? (Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда). Ѳекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ?

Голосъ Ѳеклы. Да онъ тамъ.

Агаѳья Тихоновна... Да гдѣ же тамъ.

Ѳекла (входя). Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

Ѳекла. Ну, да ужъ изъ комнаты онъ тоже не выходилъ,—я сидѣла въ прихожей.

Агаѳья Тихоновна. Да гдѣ же онъ?

Ѳекла. Я ужъ не знаю, гдѣ; не вышелъ ли на другой выходъ, по черной лѣстницѣ, или не сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелѣевны?

Агаѳья Тихоновна. Тетушка! тетушка?

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ же и Арина Пантелеймоновна.

Арина Пантелеймоновна (разодѣтая). А что такое?

Агаѳья Тихоновна. Иванъ Кузьмичъ у васъ?

Арина Пантелеймоновна. Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть; ко мнѣ не заходилъ.

Ѳекла. Ну, такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

Агаѳья Тихоновна. Ну, такъ и здѣсь же нѣтъ его, вы видите.

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. А что такое?

Агаѳья Тихоновна. Да Ивана Кузьмича нѣтъ.

Кочкаревъ. Какъ нѣтъ? ушелъ?

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ и не ушелъ даже.

Кочкаревъ. Какъ же? и нѣтъ—и не ушелъ?

Ѳекла. Ужъ куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ передней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

Арина Пантелеймоновна. Ну, ужъ по черной лѣстницѣ никакъ не могъ пройти.

Кочкаревъ. Какъ же, чортъ возьми? Вѣдь пропасть тоже, не выходя изъ комнаты, никакъ онъ не могъ, Развѣ не спрятался ли?.. Иванъ Кузьмичъ! гдѣ ты? Не дурачься, полно, выходи скорѣе! Ну, что за шутки такія? Въ церковь давно пора! (Заглядываетъ за шкафъ, искоса запускаетъ даже глазъ подъ стулья). Непонятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никакимъ образомъ не могъ; онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно положилъ туда.

Арина Пантелеймоновна. Ужъ развѣ спросить дѣвчонку, она стояла все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же и Дуняшка.

Арина Пантелеймоновна. Гдѣ Иванъ Кузьмичъ, ты не видала?

Дуняшка. Да они-съ выпрыгнули въ окошко. (Агаѳья Тихоновна вскрикиваетъ, всплеснувши руками).

Всѣ трое. Въ окошко?

Дуняшка. Да-съ, а потомъ какъ выскочили, взяли извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна. Да ты правду говоришь?

Кочкаревъ. Врешь, не можетъ быть!

Дуняшка. Ей Богу, выскочили! Вотъ и купецъ въ мелочной лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна (подступая къ Кочкареву). Что-жъ вы, батюшка, въ издѣвку-то развѣ, что-ли? посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого сраму не наживала. Да я за то, батюшка, вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлецъ, коли вы честный человѣкъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку! я —мужчика, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно, только на пакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! (Уходитъ въ сердцахъ и уводитъ невѣсту, Кочкаревъ стоитъ, какъ ошеломленный).

Ѳекла. Что? А, вотъ онъ тотъ, что знаетъ повести дѣло! безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе и этакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

Кочкаревъ. Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его! (Уходитъ).

Ѳекла. Да, поди ты, вороти! Дѣла-то свадебнаго не знаешь, что ли? Еще если бы въ двери выбѣжалъ—иное дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнулъ въ окно—ужъ тутъ, просто, мое почтенье!

ИГРОКИ.

(ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ).

Дѣла давно минувшихъ дней.

Комната въ гороскомъ трактирѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ихаревъ входитъ въ сопровожденіи трактирнаго слуги Алексѣя и своего собственнаго, Гаврюшки.

Алексѣй. Пожалуйте-съ, пожалуйте! Вотъ-съ покойчикъ! ужъ самый покойный, и шуму нѣтъ вовсе.

Ихаревъ. Шума нѣтъ да, чай, коннаго войска вдоволь, скакуновъ?

Алексѣй. То-есть изволите говорить насчетъ блохъ? ужъ будьте покойны. Если блоха или клопъ укуситъ, ужъ это наша отвѣтственность: ужъ на томъ стоимъ.

Ихаревъ (Гаврюшкѣ). Ступай выносить изъ коляски. (Гаврюшка уходитъ. Алексѣю). Тебя какъ зовутъ?

Алексѣй. Алексѣй-съ.

Ихаревъ. Ну послушай! (значительно) разсказывай: кто у васъ живетъ?

Алексѣй Да живутъ теперь много. Всѣ номера почти заняты.

Ихаревъ. Кто-жъ именно?

Алексѣй. Швохневъ Петръ Петровичъ, Кругель, полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

Ихаревъ. Играютъ?

Алексѣй. Да вотъ ужъ шесть ночей сряду играютъ.

Ихаревъ. Пара цѣлковиковъ! (Суетъ ему въ руку).

Алексѣй (кланяясь). Покорнѣйше благодарю.

Ихаревъ. Послѣ еще будетъ.

Алексѣй. Покорнѣйше-съ благодарю.

Ихаревъ. Между собой играютъ?

Алексѣй. Нѣтъ, недавно обыграли поручика Артучовскаго; у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысячъ.

Ихаревъ. Вотъ тебѣ еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

Алексѣй. Нѣтъ-съ, они сами брали вмѣстѣ.

Ихаревъ. Да у кого?

Алексѣй. Да у здѣшняго купца Вахрамейкина.

Ихаревъ. Врешь, врешь, плутъ!

Алексѣй. Ей Богу!

Ихаревъ. Хорошо. Мы съ тобой потолкуемъ ужо. (Гаврюшка вноситъ шкатулку). Ставь ее здѣсь! Теперь ступайте, приготовьте мнѣ умыться и побриться. (Слуги уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Ихаревъ (одинъ, отпираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами).

Каковъ видъ, а? Каждая дюжина золотая. Потомъ трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ

рябитъ въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь зато, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она, заповѣдная колодушка—просто перлъ! Зато-жъ ей и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мнѣ, душенька, такъ, какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ также восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, пріѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю, въ Москвѣ закажу. (Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку).

ЯВЛЕНІЕ III.

Алексѣй и Гаврюшка (несутъ лаханку, рукомойникъ и полотенце).

Ихаревъ. Что, эти господа гдѣ теперь? дома?

Алексѣй. Да-съ, они теперь въ общей залѣ.

Ихаревъ. Пойду взглянуть на нихъ, что за народъ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Алексѣй и Гаврюшка.

Алексѣй. Что, издалека ѣдете?

Гаврюшка. А изъ Рязани.

Алексѣй. А сами тамошней губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, сами изъ Смоленской.

Алексѣй. Такъ-съ. Такъ помѣстье-то, выходитъ, въ Смоленской губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, не въ Смоленской. Въ Смолен-

ской сто душъ, да въ Калужской восемьдесятъ.

Алексѣй. Понимаю, въ двухъ, то-есть, губерніяхъ.

Гаврюшка. Да, въ двухъ губерніяхъ. У насъ одной дворни: Игнатій буфетчикъ, Павлушка, который прежде съ бариномъ ѣздилъ, Герасимъ лакей, Иванъ тоже опять лакей, Иванъ псарь, Иванъ опять музыкантъ, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семенъ, Варухъ садовникъ, Дементій кучеръ, вотъ какъ у насъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Кругель, Швохневъ (осторожно входя).

Кругель. Право, я боюсь, чтобъ онъ насъ не засталъ здѣсь.

Швохневъ. Ничего, Степанъ Ивановичъ его удержитъ. (Алексѣю). Ступай, братъ, тебя зовутъ! (Алексѣй уходитъ. Швохневъ, подходя поспѣшно къ Гаврюшкѣ). Откуда баринъ?

Гаврюшка. Да теперь изъ Рязани.

Швохневъ. Помѣщикъ?

Гаврюшка. Помѣщикъ.

Швохневъ. Играетъ?

Гаврюшка. Играетъ.

Швохневъ. Вотъ тебѣ красуля (даетъ ему бумажку). Разсказывай все!

Гаврюшка. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни, ни, не бойся!

Швохневъ. Что, какъ онъ теперь, — въ выигрышѣ? а?

Гаврюшка. Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохневъ. Нѣтъ, а что?

Гаврюшка. Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на восемьдесятъ тысячъ деньгами, да коляску варшавскую; да шкатулку, да коверъ, да золотые эполеты... одной выжиги дали на 600 рублей.

Швохневъ (взглянувъ на Кругеля значительно). А? восемьдесятъ тысячъ? (Кругель покачалъ головою). Думаешь—не чисто? Это мы сейчасъ узнаемъ. (Гаврюшкѣ). Послушай: когда баринъ остается дома одинъ, что дѣлаетъ?

Гаврюшка. Да какъ—что дѣлаетъ? Извѣстно, что дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо: онъ ничего не дѣлаетъ.

Швохневъ. Врешь, чай картъ изъ рукъ не выпускаетъ.

Гаврюшка. Не могу знать, я съ бариномъ всего двѣ недѣли; съ нимъ прежде все Павлушка ѣздилъ. У насъ тоже есть Герасимъ лакей, опять Иванъ лакей, Иванъ псарь, Иванъ музыкантъ, Дементій кучеръ, да намедни изъ деревни одного взяли.

Швохневъ (Кругелю). Думаешь—шулеръ?

Кругель. И очень можетъ быть.

Швохневъ. А попробовать, все-таки попробуемъ. (Оба убѣгаютъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гаврюшка (одинъ).

Проворные господа! а за бумажку спасибо. Будетъ Матренѣ на чепецъ, да пострѣльчонкамъ тоже по прянику. Эхъ, люблю походную жисть! Ужъ всегда что-нибудь пріобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить чего-нибудь — все ужъ съ

рубля гривенничекъ положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, что за житье господамъ на свѣтѣ! куда хошь, катай! Въ Смоленскѣ наскучило, поѣхалъ въ Рязань; не захотѣлъ въ Рязань—въ Казань; въ Казань не захотѣлъ, валяй подъ самый Ярославъ. Вотъ только до сихъ поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярнѣй, Рязань или Казань? — Казань будетъ потому партикулярнѣй, что въ Казани...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ихаревъ, Гаврюшка, потомъ Алексѣй.

Ихаревъ. Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, какъ мнѣ кажется. А впрочемъ... Эхъ, хотѣлось бы мнѣ ихъ обчистить! Господи Боже, какъ бы хотѣлось! Какъ подумаешь, право, сердце бьется. (Беретъ щетку, мыло, садится передъ зеркаломъ и начинаетъ бриться). Просто рука дрожитъ, никакъ не могу бриться. (Входитъ Алексѣй).

Алексѣй. Не прикажете ли чего покушать?

Ихаревъ. Какъ же, какъ же! Принеси закуску на четыре человѣка: икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчасъ его (указывая на Гаврюшку).

Алексѣй (Гаврюшкѣ). Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ приготовлено. (Гаврюшка уходитъ).

Ихаревъ (продолжая бриться). Послушай! много они тебѣ дали?

Алексѣй. Кто-съ?

Ихаревъ. Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

Алексѣй. Да-съ за прислугу пожаловали.

Ихаревъ. Сколько? пятьдесятъ рублей?

Алексѣй. Да-съ, пятьдесятъ рублей дали.

Ихаревъ. А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столѣ лежитъ сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься, не укуситъ. Отъ тебя не потребуется больше ничего, какъ только честности, понимаешь? Карты пусть будутъ у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое дѣло, а вотъ тебѣ въ придачу отъ меня дюжину. (Даетъ ему запечатанную дюжину). Понимаешь?

Алексѣй. Да ужъ какъ не понять? Извольте положиться, это ужъ наше дѣло.

Ихаревъ. Да карты спрячь хорошенько, чтобъ какъ-нибудь тебя не ощупали, или не увидѣли. (Кладетъ щетку и мыло и вытирается полотенцемъ, Алексѣй уходитъ). Хорошо бы было и очень бы хорошо. А ужъ какъ, признаюсь, хочется поддѣть ихъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Швохневъ, Кругель и Степанъ Ивановичъ Утѣшительный (входятъ съ поклонами).

Ихаревъ (съ поклономъ къ нимъ навстрѣчу). Прошу простить. Комната, какъ видите, не красна углами: четыре стула всего.

Утѣшительный. Привѣтливыя ласки хозяина дороже всякихъ удобствъ.

Швохневъ. Не съ комнатой жить, а съ добрыми людьми.

Утѣшительный. Именно правда. Я бы не могъ быть безъ общества. (Кругелю). Помнишь, почтеннѣйшій, какъ я пріѣхалъ сюда: одинъ-одинешенекъ. Вообразите: знакомыхъ никого. Хозяйка—старуха. На лѣстницѣ какая-то поломойка, уродъ естественнѣйшій; вижу, увивается

сколо нея какой-то армейщина, видно, натощакъ... Словомъ, скука смертная. Вдругъ судьба послала вотъ его, а потомъ случай свелъ съ нимъ... Ну, ужъ какъ я былъ радъ. Не могу, не могу часу пробыть безъ дружескаго общества. Все, что ни есть на душѣ, готовъ разсказать каждому.

Кругель. Это, братъ, порокъ твой, а не добродѣтель. Излишество вредитъ. Ты, вѣрно, ужъ не разъ былъ обманутъ.

Утѣшительный. Да обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки не могу безъ откровенности.

Кругель. Ну, признаюмь, это для меня непонятно: быть откровенну со всякимъ. Дружба—это другое дѣло.

Утѣшительный. Такъ, но человѣкъ принадлежитъ обществу.

Кругель. Принадлежитъ, но не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Швохневъ (Утѣшительному). Не спорь, братъ: ты неправъ.

Утѣшительный (горячась). Нѣтъ, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долгъ! это, это, это...

Швохневъ. Ну, зарапортовался! Горячъ необыкновенно: еще первые два слова можно понять изъ того, что онъ говоритъ, а ужъ дальше ничего не поймешь.

Утѣшительный. Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не понмю. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю: „господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право увлекусь". Точно хмель какой-то, а желчь такъ и кипитъ, такъ и кипитъ.

Ихаревъ (про себя). Ну, нѣтъ, пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ

„обязанность“. У тебя, можетъ-быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ. (Вслухъ). А что, господа, покамѣстъ споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣсть ли намъ въ банчикъ?

(Въ продолженіе ихъ разговора приготовленъ на столѣ завтракъ).

Утѣшительный. Извольте; если не въ большую игру, почему нѣтъ?

Кругель. Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не прочь.

Ихаревъ. А что, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, есть карты?

Швохневъ. О, только прикажите!

Ихаревъ. Карты! (Алексѣй хлопочетъ около карточнаго стола). А между тѣмъ, прошу, господа! (Указывая рукой на закуску и подходя къ ней). Балыкъ, кажется, не того, а икра еще такъ и сякъ.

Швохневъ (посылая въ ротъ кусокъ). Нѣтъ, и балыкъ того.

Кругель (также). И сыръ хорошъ. Икра тоже недурна.

Швохневъ (Кругелю). Помнишь, какой отличный сыръ ѣли мы недѣли двѣ тому назадъ?

Кругель. Нѣтъ, никогда въ жизни не позабуду я сыра, который ѣлъ я у Петра Александровича Александрова.

Утѣшительный. Да вѣдь сыръ, почтеннѣйшій, когда хорошъ? Хорошъ онъ тогда, когда сверхъ одного обѣда наворотишь другой — вотъ гдѣ есть настоящее значеніе. Онъ все равно, что добрый квартермистръ, говоритъ: „Добро пожаловать, господа есть еще мѣсто“.

Ихаревъ. Добро пожаловать, господа, карты на столѣ.

Утѣшительный (подходя къ карточному столу).

А, вотъ оно старина, старина! Слышь, Швохневъ, карты, а? Сколько лѣтъ...

Ихаревъ (въ сторону). Да полно тебѣ корчить!..

Утѣшительный. Хотите вы держать банчикъ?

Ихаревъ. Небольшой, извольте, пятьсотъ рублей. Угодно снять? (Мечетъ банкъ).

Начинается игра. Раздаются восклицанія.

Швохневъ. Четверка, тузикъ,—оба по десяти.

Утѣшительный. Подай-ка, братъ, мнѣ свою колоду: я выберу себѣ карту на счастье нашей губернской предводительши.

Кругель. Позвольте присовокупить девяточку.

Утѣшительный. Швохневъ, подай мѣлъ. Приписываю и списываю.

Швохневъ. Чортъ побери, пароле!

Утѣшительный. И пять рублей мазу!

Кругель. Атанде! позвольте посмотрѣть, кажется, еще двѣ тройки должны быть въ колодѣ.

Утѣшительный (вскакиваетъ съ мѣста, про себя). Чортъ побери, тутъ что-то не такъ. Карты другія, это очевидно.

(Игра продолжается).

Ихаревъ (Кругелю). Позвольте узнать: обѣ идутъ?

Кругель. Обѣ.

Ихаревъ. Не возвышаете?

Кругель. Нѣтъ.

Ихаревъ (Швохневу). А вы что-жъ не ставите?

Швохневъ. Позвольте мнѣ эту талію переждать. (Встаетъ со стула, торопливо подходитъ къ Утѣшительному и говоритъ скоро). Чортъ возьми, братъ! И передергиваетъ, и все, что хочешь! Шулеръ первой степени!

Утѣшительный (въ волненіи). Неужели, однакожъ, отказаться отъ восьмидесяти тысячъ?

Швохневъ. Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утѣшительный. Ну, это еще вопросъ, а пока съ нимъ объясниться!

Швохневъ. Какъ?

Утѣшительный. Открыться ему во всемъ.

Швохневъ. Для чего?

Утѣшительный. Послѣ скажу. Пойдемъ. (Подходятъ оба къ Ихареву и ударяютъ его съ обѣихъ сторонъ по плечу).

Утѣшительный. Да полно вамъ тратить попусту заряды.

Ихаревъ (вздрогнувъ). Какъ?

Утѣшительный. Да что тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?

Ихаревъ (учтиво). Позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ я долженъ разумѣть?..

Утѣшительный. Да просто, безъ дальнѣйшихъ словъ и церемоній. Мы видѣли ваше искусство и, повѣрьте, умѣемъ отдавать справедливость достоинству. И потому, отъ лица нашихъ товарищей, предлагаю вамъ дружескій союзъ. Соединя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣй, чѣмъ порознь.

Ихаревъ. Въ какой степени я долженъ понимать справедливость словъ вашихъ?..

Утѣшительный. Да вотъ въ какой степени: за искренность мы платимъ искренностью. Мы признаемся тутъ же вамъ откровенно, что сговорились обыграть васъ, потому что приняли васъ за человѣка обыкновеннаго. Но теперь видимъ, что вамъ знакомы высшія тайны. Итакъ, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихаревъ. Отъ такого радушнаго предложенія не могу отказаться.

Утѣшительный. Итакъ, подадимте же, всякій изъ

насъ, другъ другу руки. (Всѣ попеременно пожимаютъ руку Ихареву). Отнынѣ все общее; притворство и церемоніи въ сторону! Позвольте узнать, съ какихъ поръ начали изслѣдовать глубину познаній?

Ихаревъ. Признаюсь, это уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ было моимъ стремленіемъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я уже подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ.

Утѣшительный. Я такъ и полагалъ. Подобное искусство не можетъ быть пріобрѣтено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества. Помнишь, Швохневъ, этого необыкновенаго ребенка?

Ихаревъ. Какого ребенка?

Утѣшительный. А вотъ разскажи.

Швохневъ. Подобнаго событія я никогда не позабуду. Говоритъ мнѣ его зять (указывая на Утѣшительнаго), Андрей Ивановичъ Пяткинъ! „Швохневъ, хочешь видѣть чудо? Мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сынъ Ивана Михайловича Кубышева, передергиваетъ съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ. Поѣзжай въ Тетюшевскій уѣздъ и посмотри!“ Я, признаюсь, тотъ же часъ отправился въ Тетюшевскій уѣздъ. Спрашиваю деревню Ивана Михайловича Кубышева и пріѣзжаю прямо къ нему. Приказываю о себѣ доложить. Выходитъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ. Я рекомендуюсь, говорю: „Извините, я слышалъ, что Богъ наградилъ васъ необыкновеннымъ сыномъ“.—„Да, признаюсь“, говоритъ (и мнѣ понравилось то, что безъ всякихъ, понимаете, этихъ претензій и отговорокъ), „да“, говоритъ, „точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственнаго сына, но это дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ чудо. Миша!“ говоритъ, „поди-ка сюда, покажи гостю искусство!“ Ну, мальчикъ, просто, ребенокъ, мнѣ по плечо не будетъ, и въ глазахъ ничего нѣтъ особеннаго. Началъ онъ метать—я просто потерялся. Это превосходитъ всякое описанье.

Ихаревъ. Неужто ничего нельзя было примѣтить.

Швохневъ. Ни, ни, никакихъ слѣдовъ! Я смотрѣлъ въ оба глаза.

Ихаревъ. Это непостижимо!

Утѣшительный. Феноменъ, феноменъ!

Ихаревъ. И какъ я подумаю, что при этомъ еще нужны познанія, основанныя на остротѣ глазъ, внимательное изученье крапа...

Утѣшительный. Да вѣдь это очень облегчено теперь. Теперь накрапливанье и отмѣтины вышли вовсе изъ употребленія; стараются изучить ключъ.

Ихаревъ. То-есть, ключъ рисунка?

Утѣшительный. Да, ключъ рисунка обратной стороны. Есть въ одномъ городѣ, въ какомъ именно—я не хочу назвать, одинъ почетный человѣкъ, который больше ничѣмъ ужъ и не занимается, какъ только этимъ. Ежегодно получаетъ онъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ колодъ, отъ кого именно—это покрыто тайною. Вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы разобрать крапъ всякой карты и послать отъ себя только ключъ. Смотри, молъ, у двойки вотъ какъ расположенъ рисунокъ! у такой-то вотъ какъ! За это одно онъ получаетъ чистыми деньгами пять тысячъ въ годъ.

Ихаревъ. Это, однакожъ, важная вещь.

Утѣшительный. Да оно, впрочемъ, такъ и быть должно. Это то, что называется въ политической экономіи—распредѣленіе работъ. Все равно—каретникъ: вѣдь онъ не весь же экипажъ дѣлаетъ самъ: онъ отдаетъ и кузнецу, и сбойщику. А иначе не стало бы всей жизни человѣческой.

Ихаревъ. Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: какъ поступали вы доселѣ, чтобы пустить въ ходъ колоды? Подкупать слугъ вѣдь не всегда можно.

Утѣшительный. Сохрани Богъ! да и опасно. Это значитъ иногда самого себя продать. Мы дѣлаемъ это иначе. Одинъ разъ мы поступили вотъ какъ. Пріѣзжаетъ на ярмар-

ку нашъ агентъ, останавливается подъ именемъ кущца въ городскомъ трактирѣ; лавки еще не успѣлъ нанять; сундуки и вьюки пока въ комнатѣ. Живетъ онъ въ трактирѣ, издерживается, ѣстъ, пьетъ и вдругъ пропадаетъ, неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шаритъ въ комнатѣ; видитъ, остался одинъ вьюкъ; распаковываетъ—сто дюжинъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго торга; пустили рублемъ дешевле, кущцы вмигъ расхватали въ свои лавки; а въ четыре дня проигрался весь городъ.

Ихаревъ. Это очень ловко.

Швохневъ. Ну, а у того, у помѣщика?

Ихаревъ. Что у помѣщика?

Утѣшительный. А это дѣло тоже было поведено не дурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помѣщикъ Аркадій Андреевичъ Дергуновъ, богатѣйшій человѣкъ. Игру ведетъ отличную, честности безпримѣрной, къ поползновенью, понимаете, никакихъ путей: за всѣмъ смотритъ самъ, люди у него воспитаны—камергеры, домъ—дворецъ, деревня, сады,—все это по аглицкому образцу, словомъ, русскій баринъ въ полномъ смыслѣ слова. Мы живемъ ужъ тамъ три дня. Какъ приступить къ дѣлу?—просто, нѣтъ возможности. Наконецъ, придумали. Въ одно утро пролетаетъ мимо самаго двора тройка. На телегѣ сидятъ молодцы. Все это пьяно, какъ нельзя больше, оретъ пѣсни и дуетъ во весь опоръ. На такое зрѣлище, какъ водится, выбѣжала вся дворня. Ротозѣютъ, смѣются и замѣчаютъ, что изъ телѣги что-то выпало; подбѣгаютъ, видятъ чемоданъ. Машутъ, кричатъ: „остановись!“ куда! никто не слышитъ, умчались, только пыль осталась по всей дорогѣ.—Развязали чемоданъ, видятъ: бѣлье, кое-какое платье, двѣсти рублей денегъ и дюжинъ сорокъ картъ. Ну, натурально, отъ денегъ не захотѣли отказаться, карты пошли на барскіе столы, и на другой же день, ввечеру, всѣ, и хозяинъ, и гости, остались безъ копѣйки въ карманѣ, и кончился банкъ.

Ихаревъ. Очень остроумно! Вѣдь вотъ называютъ это плутовствомъ и разными подобными именами, а вѣдь это тонкость ума, развитіе.

Утѣшительный. Эти люди не понимаютъ игры. Въ игрѣ нѣтъ лицепріятія. Игра не смотритъ ни на что. Пусть отецъ сядетъ со мною въ карты—я обыграю отца: не садись! Здѣсь всѣ равны.

Ихаревъ. Именно, этого не понимаютъ, что игрокъ можетъ быть добродѣтельнѣйшій человѣкъ. Я знаю одного, который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копѣйку. А между тѣмъ ни за что не откажется соединиться втроемъ противъ одного обыграть навѣрняка. Но, господа, такъ какъ пошло на откровенность, я вамъ покажу удивительную вещь. Знаете ли вы, что называютъ сводная или подобранная колода, въ которой всякая карта можетъ быть угадана мною на значительномъ разстояніи?

Утѣшительный. Знаю, но, можетъ быть, другого рода.

Ихаревъ. Могу вамъ похвастаться, что подбной нигдѣ не сыщете. Почти полгода трудовъ. Я двѣ недѣли послѣ того не могъ на солнечный свѣтъ смотрѣть. Докторъ опасался воспаленья въ глазахъ. (Вынимаетъ изъ шкатулки). Вотъ она! Зато ужъ, не прогнѣвайтесь, она у меня носитъ имя, какъ человѣкъ.

Утѣшительный. Какъ, имя?

Ихаревъ. Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утѣшительный (усмѣхаясь). Слышь, Швохневъ, вѣдь это совершенно новая идея — назвать колоду картъ Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно.

Швохневъ. Прекрасно: Аделаида Ивановбна! очень хорошо!

Утѣшительный. Аделаида Ивановна! Нѣмка даже! Слышь, Кругель, это тебѣ жена.

Кругель. Что я за нѣмецъ? Дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки.

Утѣшительный (разсматривая колоду). Это, точко, сокровище. Да, никакихъ совершенно признаковъ. Неужели, однакожъ, всякая карта можетъ быть вами угадана на какомъ угодно разстояніи?

Ихаревъ. Извольте, я стану отъ васъ въ пяти шагахъ и отсюда назову вскую карту. Двумя тысячами готовъ асикурировать, если ошибусь.

Утѣшительный. Ну, это какая карта?

Ихаревъ. Семерка.

Утѣшительный. Такъ точно. Эта?

Ихаревъ. Валетъ.

Утѣшительный. Чортъ возьми, да! Ну, эта.

Ихаревъ. Тройка.

Утѣшительный. Непостижимо!

Кругель (пожимая плечами) Непостижимо!

Швохневъ. Непостижимо!

Утѣшительный. Позвольте еще разъ разсмотрѣть. (Разсматривая колоду). Удивительная вещь! стоитъ того, чтобы назвать ее именемъ. Но, позвольте замѣтить, употребить ее въ дѣло трудно: развѣ съ слишкомъ неопытнымъ игрокомъ: вѣдь это нужно подмѣнить самому.

Ихаревъ. Да вѣдь это во время самой жаркой игры только дѣлается, когда игра возвысится до того, что у самый опытный игрокъ дѣлается неспокойнымъ; а потеряйся только немного человѣкъ—съ нимъ можно все сдѣлать. Вы знаете, что съ лучшими игроками случается то, что называютъ—заиграться. Какъ поиграетъ два дня и двѣ ночи сряду, не поспавши,—ну, и заиграется. Въ азартной игрѣ я всегда подмѣню колоду. Повѣрьте, вся штука въ томъ, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средствъ отвлечь вниманье другихъ—есть тысяча. Придеритесь тутъ же къ кому-нибудь изъ понтеровъ, скажите,

что у него не такъ записано: глаза всѣхъ обратятся на него, а въ это время колода уже и подмѣнена.

Утѣшительный. Но, однакоже, я вижу, что, кромѣ искусства, вы владѣете еще достоинствомъ хладнокровія — это важная вещь. Пріобрѣтеніе вашего знакомства теперь стало для насъ еще значительнѣй. Будемъ безъ церемоніи, оставимъ лишніе этикеты и станемъ говорить другъ другу „ты“.

Ихаревъ. Этакъ бы давно слѣдовало.

Утѣшительный. Человѣкъ, шампанскаго. Въ память дружескаго союза!

Ихаревъ. Именно, это стоитъ того, чтобы запить.

Швохневъ. Да вѣдь вотъ, мы собрались для подвиговъ, орудія всѣ у насъ въ рукахъ, силы есть, одного недостаетъ только...

Ихаревъ. Именно, именно, крѣпости недостаетъ только, на которую бы итти, вотъ бѣда!

Утѣшительный. Что-жъ дѣлать? непріятеля пока нѣтъ. (Смотря пристально на Швохнева). Что? у тебя какъ будто лицо такое, которое хочетъ сказать, что есть непріятель.

Швохневъ. Есть, да... (останавливается).

Утѣшительный. Знаю я, на кого ты мѣтишь.

Ихаревъ (съ живостью). А на кого? на кого? кто это?

Утѣшительный. Э, вздоръ, вздоръ! Онъ выдумалъ пустяки. Вотъ видите ли, есть здѣсь одинъ пріѣзжій помѣщикъ, Михаилъ Александровичъ Гловъ. Ну, да что объ этомъ толковать, когда онъ не играетъ вовсе? Мы ужъ возились около него... Я мѣсяцъ за нимъ ухаживалъ; и въ дружбу, и въ довѣренность вошелъ, а все ничего не сдѣлалъ.

Ихаревъ. Ну, да послушай, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться съ нимъ? Можетъ-быть, почему знать...

Утѣшительный. Ну, я тебѣ впередъ говорю, что это будетъ вовсе напрасный трудъ.

Ихаревъ. Ну да попробуемъ, попробуемъ еще разъ.

Швохневъ. Ну, да приведи его по крайней мѣрѣ! Ну, не успѣемъ, поговоримъ просто. Почему не попробовать?

Утѣшительный. Да пожалуй, мнѣ ничего это не значитъ, я приведу его.

Ихаревъ. Приведи его теперь же, пожалуйста!

Утѣшительный. Изволь, изволь! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ Утѣшительнаго.

Ихаревъ. Вѣдь, точно, почему знать? Иногда дѣло кажется совсѣмъ невозможное...

Швохневъ. Я самъ того же мнѣнія. Вѣдь не съ Богомъ здѣсь имѣешь дѣло, а съ человѣкомъ; а человѣкъ — все-таки человѣкъ. Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ, послѣзавтра нѣтъ, а на четвертый день, какъ насядешь на него хорошенько, скажетъ: „да“. Иной вѣдь съ виду корчитъ, что онъ недоступный, а разгляди его поближе, увидишь: просто, даромъ тревогу подымалъ.

Кругель. Ну, однакожъ, этотъ не таковъ.

Ихаревъ. Эхъ, если бы!.. Повѣрить нельзя, какъ возродилась во мнѣ теперь жажда къ дѣятельности. Нужно вамъ знать, что послѣдній мой выигрышъ восемьдесятъ тысячъ у полковника Чеботарева былъ сдѣланъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Представить не можете, какую испыталъ я скуку во все это время. Скука, скука смертная!

Швохневъ. Я понимаю это положеніе. Это все равно, что полководецъ: что онъ долженъ чувствовать, когда нѣтъ войны? Это, любезнѣйшій, просто фатальный антрактъ. Я знаю по себѣ, съ этимъ нечего шутить.

Ихаревъ. Повѣришь ли, приходитъ такъ, что, если бы кто сдѣлалъ пять рублей банку—я готовъ сѣсть и играть.

Швохневъ. Естественная вещь. Этакъ проигрывались иногда искуснѣйшіе игроки: стоскуется, работы нѣтъ, и наскочитъ съ горя на одного изъ тѣхъ, которыхъ называютъ голь и перетыка, — ну, и проиграется ни за что!

Ихаревъ. А богатъ этотъ Гловъ?

Кругель. О, деньги есть! Кажется, около тысячи душъ крестьянъ.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми, подпоить развѣ его, шампанскаго велѣть подать.

Швохневъ. Въ ротъ не беретъ.

Ихаревъ. Что-жъ съ нимъ дѣлать? Какъ подъѣхать? Но нѣтъ, однакожъ, все я думаю... вѣдь игра соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, если бы онъ подсѣлъ только къ играющимъ, онъ бы не утерпѣлъ потомъ.

Швохневъ. Да вотъ мы попробуемъ. Мы вотъ здѣсь въ сторонѣ съ Кругелемъ сдѣлаемъ самую маленькую игру. Но не нужно къ нему оказывать большого вниманія: старики подозрительны. (Садятся въ сторонѣ съ картами).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Утѣшительный и Михайло Александровичъ Гловъ (человѣкъ почтенныхъ лѣтъ).

Утѣшительный. Вотъ тебѣ, Ихаревъ, рекомендую: Михалъ Александровичъ Гловъ!

Ихаревъ. Я, признаюсь, давно искалъ этой чести. Живя въ одномъ трактирѣ...

Гловъ. Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выѣздѣ...

Ихаревъ (подавая ему стулъ). Прошу покорнѣйше!... Давно изволите жить въ этомъ городѣ?

(Утѣшительный, Швохневъ и Кругель перешептываются между собою).

Гловъ. Ахъ, батюшка, ужъ онъ мнѣ такъ надоѣлъ, этотъ городъ. И тѣломъ и душой радъ бы отсюда поскорѣй вырваться.

Ихаревъ. Что-жъ, удерживаютъ дѣла?..

Гловъ. Дѣла, дѣла. Такая комиссія мнѣ эти дѣла!

Ихаревъ. Вѣроятно, тяжба?

Гловъ. Нѣтъ, слава Богу, тяжбы нѣтъ, но тѣмъ не менѣе затруднительныя обстоятельства. Выдаю замужъ дочь, батюшка, осьмнадцатилѣтнюю дѣвицу. Понимаете ли вы отцовское положеніе? Пріѣхалъ за разными покупками, а главное заложить имѣніе. Дѣло бы уже все кончено, да приказъ денегъ до сихъ поръ не выдаетъ. Даромъ совершенно живу.

Ихаревъ. А позвольте узнать, въ какую сумму изволили заложить имѣніе?

Гловъ. Въ двухъ стахъ тысячахъ. На-дняхъ бы должны выдать, да вотъ затянулось. А мнѣ ужъ такъ опротивѣло здѣсь жить! Дома-то, знаете, все это оставилъ на самое короткое время. Дочь — невѣста. Все это ждетъ... Я ужъ рѣшился не дожидаться и бросить все.

Ихаревъ. Какъ же, и денегъ не хотите дождаться?

Гловъ. Что-жъ дѣлать, батюшка? Вы разсмотрите мое положеніе: вѣдь вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ не видался съ женой и дѣтьми; писемъ даже не получаю; Богъ вѣсть, что тамъ дѣлается. Я ужъ все дѣло поручаю сыну, который здѣсь остается. Надоѣло возиться. (Обращаясь къ Швохневу и

Кругелю)... А что-жъ вы, господа? Я, кажется, вамъ помѣшалъ: вы чѣмъ-то занимались?

Кругель. Вздоръ. Это такъ. Отъ нечего дѣлать вздумали поиграть.

Гловъ. Кажется, что-то похоже на банчикъ!

Швохневъ. Какое! для препровожденья времени, грошовый банчикъ.

Гловъ. Эхъ, господа, послушайте старика. Вы—молодые люди. Конечно, тутъ ничего нѣтъ худого, больше для развлеченья, да и въ грошовую игру нельзя много проиграть, все это такъ: но все... эхъ, господа, я самъ игралъ и знаю по опыту. Все на свѣтѣ начинается грошовымъ дѣломъ, а смотришь, маленькая игра какъ разъ кончилась большой.

Швохневъ. (Ихареву). Ну, пошелъ ужъ старикашка плесть свое. (Глову). Ну, вотъ видите, вы ужъ тотчасъ припишете важное слѣдствіе всякому вздору,—это всегда ужъ обыкновенная замашка всѣхъ пожилыхъ людей.

Гловъ. Да что-жъ, вѣдь я еще не такъ пожилой человѣкъ. Я сужу по опыту.

Швохневъ. Я не объ васъ буду говорить; но вообще у стариковъ есть это: напримѣръ, если они на чемъ-нибудь обожглись, они твердо увѣрены, что и другой непремѣнно обожжется на томъ же. Если они пошли какой-нибудь дорогою, да, зазѣвавшись, шлепнулись о гололедь—они ужъ кричатъ и выдаютъ правило, что по такой-то дорогѣ никому нельзя ходить, потому что на ней есть въ одномъ мѣстѣ гололедь и всякій непремѣнно на ней шлепнется лбомъ, никакъ не принимая въ уваженье того, что другой, можетъ-быть, не зазѣвается, и сапоги у него не на скользкой подошвѣ. Нѣтъ, у нихъ для этого нѣтъ соображенія. Собака укусила человѣка на улицѣ—всѣ кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Гловъ. Такъ, батюшка; оно точно, съ одной стороны есть тотъ грѣхъ. Да вѣдь за то-жъ и молодые! Вѣдь ужъ

слишкомъ много рыси: того и смотри, что сломитъ шею!

Швохневъ. Вотъ то-то и есть, что у насъ нѣтъ середины. Молодымъ бѣсится, такъ что невтерпежъ другимъ, а подъ старость прикинется ханжой, такъ что невтерпежъ другимъ.

Гловъ. Такого-то вы обиднаго мнѣнія насчетъ стариковъ?

Швохневъ. Да нѣтъ, что за обидное мнѣніе? это правда, больше ничего.

Ихаревъ. Позвольте мнѣ замѣтить: твое мнѣніе рѣзко...

Утѣшительный. Насчетъ картъ я совершенно согласенъ съ Михалъ Александровичемъ. Я самъ игралъ, игралъ сильно; но, благодарю судьбу, бросилъ навсегда,— не потому, чтобы проигрался или былъ вооруженъ противъ судьбы; повѣрьте мнѣ, это еще ничего: проигрышъ не такъ важенъ, какъ важно душевное спокойствіе. Одно это волненіе, чувствуемое во время игры, кто что ни говори, а это сокращаетъ видимо нашу жизнь.

Гловъ. Такъ, батюшка, ей Богу! Какъ вы премудро замѣтили! Позвольте сдѣлать вамъ нескромный вопросъ: сколько времени имѣю честь пользоваться вашимъ знакомствомъ, а вотъ до сихъ поръ..

Утѣшительный. Какой вопросъ?

Гловъ. Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вамъ годъ?

Утѣшительный. Тридцать девять лѣтъ.

Гловъ. Представьте! Что-жъ такое тридцать девять лѣтъ? Еще молодой человѣкъ. Ну, что, если бы у насъ въ Россіи было побольше такихъ, которые бы такъ мудро разсуждали? Господи Ты Боже мой, что бы это было? просто, золотой вѣкъ-съ, та же астрея. Ужъ какъ, ей Богу, благодаренъ судьбѣ я за то, что познакомился съ вами.

Ихаревъ. Повѣрьте мнѣ, я тоже раздѣляю это мнѣ-

ніе. Мальчишкамъ я бы не позволилъ и въ руки взять картъ. Но благоразумнымъ людямъ почему не поразвлечься, не позабавиться? Напримѣръ, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцовать?

Гловъ. Такъ, все такъ; но, повѣрьте, въ жизни нашей есть столько удовольствій, столько обязанностей, такъ сказать, священныхъ. Эхъ, господа, послушайте старика! Нѣтъ для человѣка лучшаго назначенія, какъ семейная жизнь, въ домашнемъ кругу. Все это, что васъ окружаетъ, вѣдь это все волненіе, Ей Богу-съ, волненіе; а прямого-то блага вы не вкусили еще. Вѣдь вотъ я, повѣрите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своихъ, Ей Богу! Какъ воображу: дочь кинется на шею: „папашъ ты мой, милый папашъ!“ сынъ опять пріѣхалъ изъ гимназіи... полгода не видалъ... Просто, словъ недостатетъ; Ей Богу такъ. Да послѣ этого на карты смотрѣть не захочешь.

Ихаревъ. Но зачѣмъ же отеческія чувства мѣшать съ картами? Отеческія чувства сами по себѣ, а карты тоже.

Алексѣй (входя говоритъ Глову). Вашъ человѣкъ спрашиваетъ насчетъ чемодановъ: прикажете выносить? Лошади уже готовы.

Гловъ. А вотъ я сейчасъ! Извините, господа, на одну минуточку васъ оставлю. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Швохневъ, Ихаревъ, Кругель, Утѣшительный.

Ихаревъ. Ну, нѣтъ никакой надежды!

Утѣшительный. Я говорилъ это прежде. Не понимаю, какъ вы не можете видѣть человѣка. Вѣдь стоитъ только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположенъ играть.

Ихаревъ. Ну, да все бы таки насѣсть на него хорошенько. Ну, зачѣмъ ты самъ его поддерживалъ?

Утѣшительный. Да иначе, братецъ, нельзя. Съ этими людьми нужно тонко поступать, не то какъ разъ догадается, что его хотятъ обыграть.

Ихаревъ. Ну, да вѣдь что-жъ вышло изъ того? Вѣдь уѣдетъ—все равно.

Утѣшительный. Ну, да постой, еще не все дѣло кончено.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Гловъ.

Гловъ. Покорнѣйше благодарю васъ, господа, за пріятное знакомство. Жаль только, право, что вотъ передъ самымъ концомъ. А впрочемъ, авось приведетъ Богъ опять гдѣ-нибудь столкнуться...

Швохневъ. О, вѣроятно. Дороги битыя, а люди толкутся, какъ не столкнуться? Захоти только судьба.

Гловъ. Ей Богу, такъ, совершенная правда! Судьба захочетъ, такъ завтра же увидимся—совершенная правда. Прощайте, господа? Истинно благодарю! А ужъ вамъ, Степанъ Ивановичъ, такъ обязанъ: право, вы усладили мое уединеніе.

Утѣшительный. Помилуйте, не за что. Чѣмъ могъ служить, служилъ.

Гловъ. Ну, ужъ если вы такъ добры, такъ сдѣлайте еще одну милость! Можно ли васъ просить?

Утѣшительный. Какую? скажите! Все, что угодно, готовъ.

Гловъ. Успокойте старика-отца!

Утѣшительный. Какъ?

Гловъ. Я оставлю здѣсь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но все еще ненадеженъ: двадцать два года,—ну, что это за лѣта? Почти ребенокъ... Кончилъ учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слышать не хочетъ, какъ объ гусарахъ. Я говорю ему: „Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! Что тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ-быть, у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя...“ Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блеститъ, шитье, богатый мундиръ. Что-жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя... Такъ будьте такъ великодушны, батюшка Степанъ Ивановичъ! Онъ остается теперь одинъ; я возложилъ на него кое-какія дѣлишки. Молодой человѣкъ, все можетъ случиться: чтобы приказные какъ-нибудь его не обманули... мало ли чего... такъ возьмите его подъ свое покровительство, надзирайте надъ его поступками, отвлеките его отъ дурного. Будьте такъ добры, батюшка! (Беретъ его за обѣ руки).

Утѣшительный. Извольте, извольте. Все что можетъ сдѣлать отецъ для своего сына, все это я сдѣлаю для него.

Гловъ. Ахъ, батюшка! (Обнимаются и цѣлуются). Вѣдь какъ видно, когда у человѣка-то доброе сердце, ей Богу! Богъ васъ наградитъ за это! Прощайте, господа, отъ души желаю вамъ счастливо оставаться.

Ихаревъ. Прощайте, доброй дороги!

Швохневъ. Счастливо найти всѣхъ домашнихъ!

Гловъ. Благодарю васъ, господа!

Утѣшительный. А я васъ таки провожу къ самой коляскѣ и посажу!

Гловъ. Ахъ, батюшка, какъ вы добры (оба уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Улетѣла птица!

Швохневъ. Да, а было бы чѣмъ поживиться.

Ихаревъ. Признаюсь, какъ онъ сказалъ: двѣсти тысячъ—у меня вздоргнуло въ самомъ сердцѣ.

Кругель. О такой суммѣ и подумать даже сладко.

Ихаревъ. Вѣдь какъ подумаешь, сколько денегъ пропадаетъ даромъ, безъ всякой совершенно пользы! Ну, что изъ того, что у него будетъ двѣсти тысячъ?—Вѣдь это все такъ пойдетъ, на покупку какихъ-нибудь тряпокъ, ветошекъ.

Швохневъ. И все это дрянь, гниль.

Ихаревъ. А вѣдь сколько даже такъ пропадаетъ на свѣтѣ, не обращаясь! Сколько есть мертвыхъ капиталовъ, которые именно, какъ мертвецы, лежатъ въ ломбардахъ! Право даже жалость. Я бы больше не хотѣлъ имѣть у себя денегъ, какъ столько, сколько лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Швохневъ. Я помирюсь и на половинѣ.

Кругель. Я доволенъ буду и четвертью.

Швохневъ. Ну, не ври, нѣмецъ: захочешь больше.

Кругель. Какъ честный человѣкъ...

Швохневъ. Надуешь.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Утѣшительный (входитъ поспѣшно и съ радостнымъ видомъ).

Утѣшительный. Ничего, ничего, господа! Уѣхалъ, чортъ его побери, тѣмъ лучше! Остался сынъ. Отецъ пере-

далъ ему и довѣренность, и всѣ права на полученіе изъ Приказа денегъ и поручилъ надсматривать за всѣмъ мнѣ. Сынъ —молодецъ: такъ и рвется въ гусары. Будетъ жатва! Я пойду и сей же часъ приведу его къ вамъ. (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Ай да Утѣшительный!

Швохневъ. Браво! дѣло возымѣло славный оборотъ! (Всѣ потираютъ въ радости руки).

Ихаревъ. Молодецъ Утѣшительный! Теперь я понялъ, зачѣмъ онъ подбирался къ отцу и потакалъ ему. И какъ все это ловко, какъ тонко!

Швохневъ. О, у него на это талантъ необыкновенный.

Кругель. Способности невѣроятныя!

Ихаревъ. Признаюсь, когда отецъ сказалъ, что оставляетъ здѣсь сына, у меня у самого промелькнула въ головѣ мысль, да вѣдь только на мигъ, а ужъ онъ тотчасъ... Смѣтливость какая!

Швохневъ. О, ты еще не знаешь его хорошенько.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ Александръ Михайловичъ (молодой человѣкъ).

Утѣшительный. Господа! рекомендую: Александръ Михалычъ Гловъ, отличный товарищъ! Прошу полюбить, какъ меня.

Швохневъ. Очень радъ... (Пожимаетъ ему руку).

Ихаревъ. Знакомстмо ваше намъ...

Кругель. Позвольте васъ прямо въ наши объяться.

Гловъ. Господа! я...

Утѣшительный. Безъ церемоніи, безъ церемоніи. Равенство первая вещь, господа! Гловъ, здѣсь, видишь,— всѣ товарищи, и потому къ чорту всѣ этикеты! Съѣдемъ прямо на „ты!"

Швохневъ. Именно на „ты!"

Гловъ. На „ты!" (подаетъ имъ всѣмъ руку).

Утѣшительный. Такъ! браво! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-то гусарское? Нѣтъ, твой отецъ, не говоря дурного слова, большая скотина, извини,—вѣдь мы на ты,—ну, какъ этого молодца вздумалъ было въ чернильную службу? Ну, что, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

Гловъ. Чортъ ее побери съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ-за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

Утѣшительный. Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Гловъ. А такъ хороша... будь она не сестра, ну, ужъ я бы ей не спустилъ.

Утѣшительный. Браво, браво, гусаръ! Сейчасъ видно гусара! Ну, послушай, а помогъ бы ты мнѣ, если бы я захотѣлъ ее увезти?

Гловъ. Почему-жъ? помогъ бы.

Утѣшительный. Браво, гусаръ! Вотъ оно, что называется настоящій гусаръ, чортъ побери! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

Швохневъ. Дай же и мнѣ обнять его. (Обнимаетъ его).

Ихаревъ. Пусть же и я обниму его. (Обнимаетъ).

Кругель. Ну, такъ и я-жъ обниму его, если такъ. (Обнимаетъ).

(Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ; наливаетъ бокалы).

Утѣшительный. Господа, за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, что хочетъ!

Всѣ. Пусть его будетъ, что хочетъ! (Пьютъ).

Гловъ. За здравіе всего гусарства! (Подымая бокалъ).

Всѣ. За здравіе всего гусарства! (Пьютъ).

Утѣшительный. Господа! нужно его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьетъ онъ, какъ видно, уже сносно; но вѣдь это вздоръ; нужно, чтобы онъ былъ картежникъ во всей силѣ! Играешь въ банкъ?

Гловъ. Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

Утѣшительный. Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, сейчасъ выиграешь.

Гловъ. Да вѣдь и сѣсть-то не съ чѣмъ.

Утѣшительный. Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на полученіе денегъ изъ Приказа. Мы подождемъ; а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь; а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да, впрочемъ, что я говорю? Какъ будто ты ужъ непремѣнно проиграешь! Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистаганомъ.

Гловъ. А какъ проиграю?

Утѣшительный. Стыдись! что-жъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь,

либо проиграешь. Да въ этомъ-то и дѣло, въ рискѣ-то и есть главная добродѣтель. А не рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; навѣрняка и приказная строка отважится, и жидъ полѣзетъ на крѣпость.

Гловъ (махнувъ рукой). Чортъ побери! если такъ, играю! Что мнѣ смотрѣть на отца!

Утѣшительный. Браво, юнкеръ! Человѣкъ, карты! (Наливаетъ ему въ стаканъ). Главное что нужно!— Нужна отвага, ударъ, сила... Такъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. (Мечетъ направо и налѣво). Ну, гусаръ... Ты, Швохневъ, что ставишь? (Мечетъ). Какое странное теченіе картъ! Вотъ любопытно для вычисленій! Валетъ убитъ, девятка взяла. Что тамъ, что у тебя? И четверка взяла! А гусаръ, гусаръ-то, каковъ гусаръ? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки? А тузъ все еще не выходитъ. Что-жъ ты, Швохневъ, не наливаешь ему? Вона, вона, вонъ тузъ! Вонъ ужъ Кругель потащилъ себѣ. Нѣмцу всегда везетъ! Четверка взяла, тройка взяла. Браво, браво, гусаръ! Слышишь, Швохневъ? гусаръ уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ.

Гловъ (перегибаетъ карту). Чортъ побери! Пароле пе! да вонъ еще девятка на столѣ, идетъ и она, и пятьсотъ рублей мазу!

Утѣшительный (продолжая метать). У, молодецъ гусаръ! Семерка... уби... ахъ, нѣтъ! плiе, чортъ побери, плiе! опять плiе! А, проигралъ, гусаръ. Ну, что-жъ, братъ, дѣлать? Не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разсчитывать! ну, ставь эту, которую выдернулъ. Браво, выигралъ гусаръ! Что-жъ не поздравляете его? (Всѣ пьютъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами). Говорятъ, пиковая дама всегда продастъ, а я не скажу этого... Помнишь, Швохневъ, свою брюнетку, что называлъ ты пиковой дамой? Гдѣ-то она теперь, сердечная? Чай, пустилась во всѣ тяжкія! Кругель, твоя убита! (Иха-

реву) и твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусаръ также лопнулъ.

Гловъ. Чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Браво, гусаръ! Вотъ она, наконецъ, настоящая замашка! Замѣчаешь, Швохневъ, какъ настоящее чувство выходитъ наружу? До сихъ поръ все еще въ немъ было видно, что будетъ гусаръ; а теперь видно, что онъ ужъ теперь гусаръ. Вона натура-то какъ того... Убитъ гусаръ.

Гловъ. Ва-банкъ!

Утѣшительный. У, браво, гусаръ! на всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ оно, что называется великодушіе! Ну, поди-ка, поищи — гдѣ отыщешь этакую черту?.. Это именно подвигъ! Лопнулъ гусаръ.

Гловъ. Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Ого, го, гусаръ! на сто тысячъ! Каковъ, а? А глазки-то, глазки? Замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горятъ? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! А короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама! На, нѣмецъ, возьми, съѣшь семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска! А короля, видно, въ колодѣ нѣтъ: право даже странно. А! вотъ онъ, вотъ онъ... Лопнулъ гусаръ!

Гловъ (горячась). Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ.

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, стой! Ты ужъ просадилъ двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры: мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

Гловъ. Да гдѣ-жъ у меня? У меня теперь нѣтъ.

Утѣшительный. Дай намъ вексель, подпишись.

Гловъ. Извольте, я готовъ. (Беретъ перо).

Утѣшительный. Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

Гловъ. Вотъ вамъ и довѣренность.

Утѣшительный. Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это. (Даютъ ему подписаться).

Гловъ. Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и подписалъ. Ну, давайте-жъ играть!

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, постой; покажика прежде деньги!

Гловъ. Да я вамъ заплачу, ужъ будьте увѣрены.

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

Гловъ. Да что-жъ это?... Вѣдь это, просто подлость.

Кругель. Нѣтъ, это не подлость.

Ихаревъ. Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

Швохневъ. Этакъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

Гловъ. Ну, что-жъ? чего вы хотите? назначьте какіе угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

Утѣшительный. Что, братъ, намъ съ твоихъ процентовъ? Мы сами готовы тебѣ заплатить какіе угодно проценты, дай только намъ взаймы.

Гловъ. (отчаянно и рѣшительно). Ну, такъ скажите послѣдее слово: не хотите играть?

Швохневъ. Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

Гловъ (вынимая изъ кармана пистолетъ). Ну, такъ прощайте же, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. (Убѣгаетъ съ пистолетомъ).

Утѣшительный (въ испугѣ). Ты! ты! что ты? съ ума сошелъ! Побѣжать за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ еще какъ-нибудь не застрѣлился! (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Еще выйдетъ исторія, если этотъ чортъ вздумаетъ застрѣлиться.

Швохневъ. Чортъ его возьми, пусть себѣ стрѣляется, да не теперь только: еще деньги не въ нашихъ рукахъ. Вотъ бѣда!

Кругель. Я всего боюсь. Это такъ возможно...

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ.

Утѣшительный (держа Глова за руку съ пистолетомъ). Что ты, чт ты, братъ, рехнулся? Слышите, слышите, господа, ужъ пистолетъ вздумалъ было всунуть въ ротъ, а? Стыдись!

Всѣ (приступая къ нему). Что ты! что ты! Помилуй, что ты!

Швохневъ. А еще и умный человѣкъ, изъ дряни вздумалъ стрѣляться!

Ихаревъ. Этакъ пожалуй вся Россія должна застрѣлиться: всякій или проигрался, или намѣренъ проиграться. Да если бы этого не было, такъ какъ же можно выиграть, ты посуди только самъ.

Утѣшительный. Ты дуракъ просто, позволь тебѣ сказать. Ты счастья своего не видишь. Развѣ ты не чувствуешь какъ ты выигралъ тѣмъ, что проигралъ?

Гловъ (съ досадой). Что-жъ вы въ самомъ дѣлѣ меня ужъ за дурака считаете? Какой тутъ выигрышъ — проиграть двѣсти тысячъ, чортъ возьми!

Утѣшительный. Эхъ ты, простофиля! Да знаешь ли, какую ты этимъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку? Слышь, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужъ проигралъ двѣсти тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить.

Гловъ (ободрившись). Что-жъ вы думаете? У меня развѣ не станетъ духу наплевать на все это, если ужъ на то пошло? Чортъ побери, да здравствуетъ гусарство!

Утѣшительный. Браво! Да здравствуютъ гусары! Теремтете! Шампанскаго! (Несутъ бутылки).

Гловъ (со стаканомъ). Да здравствуютъ гусары!

Ихаревъ. Да здравствуютъ гусары, чортъ побери!

Швохневъ. Теремтете! Да здравствуютъ гусары!

Гловъ. На все плюю, когда такъ! (Ставитъ на столъ стаканъ). Вотъ бѣда только домой какъ пріѣду? Отецъ, отецъ!... (Хватаетъ себя за волосы).

Утѣшительный. Да зачѣмъ тебѣ ѣхать къ отцу? не нужно!

Гловъ (вытаращивъ глаза). Какъ?

Утѣшительный. Ты отсюда — прямо въ полкъ. Мы тебѣ дадимъ на обмундировку. Нужно, братъ Швохневъ, дать ему теперь рублей двѣсти, пусть его погуляетъ юнкеръ! Тамъ, я ужъ замѣтилъ, у него есть одна... Черномазая-то, а?

Гловъ. Чортъ побери побѣгу прямо къ ней, возьму приступомъ!

Утѣшительный. Каковъ гусаръ, а? Швохневъ, нѣтъ у тебя двухсотрублевой?

Ихаревъ. Да вотъ ужъ я ему дамъ, пусть его погуляетъ на славу!

Гловъ (беретъ ассигнацію и помахивая ею на воздухѣ). Шампанскаго!

Всѣ. Шампанскаго! (Несутъ бутылки).

Гловъ. Да здравствуетъ гусары!

Утѣшительный. Да здравствуютъ!.. Знаешь ли, Швохневъ, что мнѣ пришло на умъ? Покачаемъ его на рукахъ, такъ, какъ у насъ качали въ полку! Ну, приступай, бери его! (Всѣ приступаютъ къ нему, схватываютъ его за руки и ноги, качаютъ, припѣвая на извѣстный припѣвъ извѣстную пѣсню).

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь ты начальникъ нашъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца!

Гловъ (съ поднятой рюмкой). Ура!

Всѣ. Ура! (Становятъ его на землю. Гловъ хлопнулъ рюмку объ полъ, всѣ разбиваютъ тоже свои рюмки, кто о каблукъ своего сапога, кто о полъ).

Гловъ. Иду прямо къ ней!

Утѣшительный. А намъ нельзя за тобой, а?

Гловъ. Ни, никому! А кто сколько-нибудь... раздѣлка на сабляхъ!

Утѣшительный. А, рубака какой! а? Ревнивъ и задоренъ, какъ чортъ. Я думаю, господа, что изъ него просто выйдетъ Бурцовъ іора, забіяка. Ну, прощай, прощай, гусаръ! Не держимъ тебя.

Гловъ. Прощайте.

Швохневъ. Да приходи намъ послѣ разсказать. (Гловъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же, кромѣ Глова.

Утѣшительный. Нужно его покамѣстъ ласкать, пока еще деньги не въ нашихъ рукахъ; а тамъ чортъ съ нимъ!

Швохневъ. Одного боюсь я, чтобъ какъ-нибудь не затянулась въ Приказѣ выдача денегъ.

Утѣшительный. Да, это будетъ скверно: а впрочемъ... вѣдь на это, сами знаете, есть понукатели. Какъ ни ворочай, а все-таки придется всунуть въ руку тому и другому для соблюденія порядка.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и чиновникъ Замухрышкинъ (высовываетъ голову въ дверь, одѣтъ въ нѣсколько поношенномъ фракѣ).

Замухрышкинъ. Позвольте узнать: не здѣсь ли Гловъ Александръ Михайловичъ?

Швохневъ. Нѣтъ, онъ сейчасъ вышелъ. А что вамъ угодно?

Замухрышкинъ. Да вотъ по дѣлу ихъ насчетъ выдачи денегъ.

Утѣшительный. А вы кто?

Замухрышкинъ. Да я чиновникъ изъ Приказа.

Утѣшительный. А, милости просимъ! Прошу покорнѣйше садиться! Въ этомъ дѣлѣ мы всѣ принимаемъ живѣйшее участіе, тѣмъ болѣе, что заключили кое-какія дружелюбныя сдѣлки съ Александръ Михайловичемъ. А потому можете понять, что вотъ и отъ него, и отъ него, и отъ него (указывая пальцами на всѣхъ) будетъ искреннѣйшая благодарность. Дѣло въ томъ только, чтобы скорѣе, какъ можно, получить изъ Приказа деньги.

Замухрышкинъ. Да ужъ, какъ хотите, раньше двухъ недѣль никакъ нельзя.

Утѣшитеэьный. Нѣтъ это, страшно далеко. Вѣдь вы все позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкинъ. Да ужъ это само собой. Все это пріемлется. Какъ это позабыть? Мы потому и говоримъ: „двѣ недѣли“, а то бы, пожалуй, вы и три мѣсяца у насъ провозились. Деньги къ намъ придутъ не раньше, какъ черезъ полторы недѣли, а теперь во всемъ Приказѣ ни копѣйки. На прошлой недѣлѣ получили полтораста тысячъ, всѣ роздали—три помѣщика ожидаютъ, еще съ февраля заложили имѣніе.

Утѣшительный. Ну, это такъ для другихъ, а для насъ по дружбѣ... Нужно, чтобы мы съ вами покороче познакомились... Ну, да что?.. да и люди свои! Ну, какъ васъ зовутъ? какъ? Фентефлей Перпентьичъ, что ли?

Замухрышкинъ. Псой Стахичъ-съ.

Утѣшительный. Ну, все одно почти. Ну, такъ послушайте, Псой Стахичъ! Будемъ такъ, какъ давніе пріятели. Ну, что, какъ вы? Какъ дѣлишки, какъ служба ваша?

Замухрышкинъ. Да что служба? Извѣстное дѣло—служимъ.

Утѣшительный. Ну, а доходовъ по службѣ этихъ, знаете, разныхъ... а просто, много ли берете?

Замухрышкинъ. Конечно, сами посудите, чѣмъ же и жить?

Утѣшительный. Ну, что, какъ въ Приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ хапуги?

Замухрышкинъ. Ну что! Вы ужъ, я вижу, смѣетесь! Эхъ, господа!... Вѣдь вотъ тоже и господа сочинители все подсмѣиваются надъ тѣми, которые берутъ взятки; а какъ разсмотришь хорошенько, такъ взятки берутъ и тѣ, которые повыше насъ. Ну, да вотъ хоть и вы, господа, только развѣ что придумали названья поблагороднѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ, Богъ вѣдаетъ, что такое; а на дѣлѣ выходитъ—такія же взятки; тотъ же Савка, да на другихъ санкахъ.

Утѣшительный. Вотъ ужъ Псой Стахичъ и оби-

дѣлся, какъ я вижу. Вотъ что значитъ задѣть за честь!

Замухрышкинъ. Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего. Я ужъ, батюшка, прожилъ свое.

Утѣшительный. Ну, полно, поговоримте по-дружески, Псой Стахичъ! Ну, что жъ, какъ вы? Какъ у васъ? Какъ поживаете? Какъ маячитесь на свѣтѣ? Есть женушка, дѣтки?

Замухрышкинъ. Слава Богу, Богъ наградилъ. Двое сыновей въ уѣздное училище ходятъ: два другихъ поменьше. Одинъ бѣгаетъ пока въ рубашонкѣ, а другой на карачкахъ ползаетъ.

Утѣшительный. Ну, а ручонками, я чай, ужъ всѣ этакъ (показываетъ рукою ,какъ будто беретъ деньги) умѣютъ?

Замухрышкинъ. Вѣдь вотъ вы, право, какіе, господа! Вѣдь вотъ опять начали!

Утѣшительный. Ничего, ничего, Псой Стахичъ! Вѣдь это по дружбѣ. Ну, что-жъ тутъ такого? свои! Эй, дайка бокалъ шампанскаго Псою Стахичу! скорѣй! Мы вѣдь теперь должны быть, какъ короткіе знакомые. Вотъ мы къ вамъ соберемся тоже въ гости.

Замухрышкинъ (принимая бокалъ). А милости просимъ, господа! Откровенно вамъ скажу, что такого чаю, какъ вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утѣшительный. Небось, даровой отъ купца?

Замухрышкинъ. Отъ купца-съ, выписной изъ Кяхты.

Утѣшительный. Да какъ же, Псой Стахичъ? Вѣдь вы дѣлъ съ купцами не имѣете.

Замухрышкинъ (выпивъ бокалъ и упираясь руками въ колѣни): А вотъ какъ: купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ былъ приплатиться. Помѣщикъ Фракасовъ, если изволите знать, закладываетъ имѣ-

ніе; все ужъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, завтра остается получить деньги. Затѣяли они заводъ какой-то въ половинѣ съ купцомъ. Ну, намъ-то, понимаете, какое дѣло знать, на заводъ ли, или на что другое нужны деньги, и съ кѣмъ онъ въ половинѣ? Это не наша часть. Да купецъ по глупости своей и проговорись въ городѣ, что онъ съ нимъ въ половинѣ и ждетъ отъ него съ часу на часъ денегъ. Мы и подослали къ нему сказать, что вотъ пришли двѣ тысячи, сейчасъ выдадутъ деньги, а не то—будешь ждать. А ужъ къ нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы и посуду, ожидаютъ только задатковъ. Купецъ видитъ, плетью обуха не перешибешь, заплатилъ двѣ тысячи, да по три фунтика чаю каждому изъ насъ. Скажутъ—взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ; кто его толкалъ; языка развѣ не могъ придержать?

Утѣшительный. Послушайте, Псой Стахичъ, ну, пожалуйста же насчетъ этого дѣльца. Мы ужъ вамъ дадимъ, а вы ужъ тамъ съ начальниками своими сдѣлайтесь, какъ слѣдуетъ. Только ради Бога, Псой Стахичъ, поскорѣе, а?

Замухрышкинъ. Да будемъ стараться. (Вставая). Но откровенно скажу вамъ: такъ скоро, какъ вы хотите, нельзя: предъ Богомъ, въ Приказѣ ни копѣйки денегъ. А будемъ стараться.

Утѣшительный. Ну, какъ васъ тамъ спросить?

Замухрышкинъ. Такъ и спросите: Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Прощайте, господа! (Идетъ къ дверямъ).

Швохневъ. Псой Стахичъ, а Псой Стахичъ! (оглядывается) постарайтесь!

Утѣшительный. Псой Стахичъ, Псой Стахичъ! выручайте поскорѣе!

Замухрышкинъ (уходя). Да ужъ сказалъ: будемъ стараться.

Утѣшительный. Чортъ побери, какъ это долго! (Бьетъ себя рукой по лбу). Нѣтъ, побѣгу, побѣгу за нимъ,

авось что-нибудь успѣю, не пожалѣю денегъ. Чортъ его побери! три тысячи дамъ ему своихъ. (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Конечно лучше, если бы получить поскорѣе.

Швохневъ. Да ужъ намъ какъ нужно! какъ намъ нужно!

Кругель. Эхъ, если бы онъ уломалъ его какъ-нибудь!

Ихаревъ. Да что, развѣ ваши дѣла...

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и Утѣшительный.

Утѣшительный (входитъ съ отчаяньемъ). Чортъ побери! раньше четырехъ дней никакъ не можетъ. Я готовъ просто лобъ расшибить себѣ объ стѣну.

Ихаревъ. Да что тебѣ такъ приспичило? Неужто четырехъ дней нельзя обождать?

Швохневъ. Въ томъ-то и штука, братъ, что для насъ это слишкомъ важно.

Утѣшительный. Обождать! Да знаешь ли, что насъ въ Нижнемъ съ часу на часъ ждутъ? Мы тебѣ не сказывали еще, а ужъ четыре дня назадъ тому мы имѣемъ изрѣстіе спѣшить какъ можно скорѣе, добывши, во что бы ни

стало, хоть сколько-нибудь денегъ. Купецъ привезъ на шесть сотъ тысячъ желѣза. Во вторникъ окончательная сдѣлка, и деньги получаетъ чистаганомъ; да вчера пріѣхалъ одинъ съ пенькой на полмилліона.

Ихаревъ. Ну, такъ что-жъ?

Утѣшительный. Какъ—что-жъ? Да вѣдь старики-то остались дома, а выслали вмѣсто себя сыновей.

Ихаревъ. Да будто сыновья ужъ непремѣнно станутъ играть?

Утѣшительный. Да гдѣ ты живешь, въ китайскомъ государствѣ, что ли? Не знаешь, что такое купеческіе сынки? Вѣдь купецъ какъ воспитываетъ сына?—или чтобъ онъ ничего не зналъ, или чтобъ зналъ то, что нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, онъ ужъ такъ и глядитъ: ходитъ подъ руку съ офицерами, кутитъ.—Это, братъ, для насъ самый выгодный народъ. Они, дурачье, не знаютъ, что за всякій рубль, который они выплутуютъ у насъ, они намъ платятъ тысячами. Да это счастье наше, что купецъ только и думаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чинъ.

Ихаревъ. И дѣла совершенно вѣрныя?

Утѣшительный. Какъ не вѣрныя. Ужъ насъ не увѣдомляли бы. Все почти въ нашихъ рукахъ; теперь всякая минута дорога.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми! что-жъ мы сидимъ? Господа, а вѣдь условіе-то дѣйствовать вмѣстѣ!

Утѣшительный. Да, въ этомъ наша польза. Послушай, что мнѣ пришло на умъ. Тебѣ вѣдь спѣшить пока не зачѣмъ. Деньги у тебя есть—восемьдесятъ тысячъ. Дай ихъ намъ, отъ насъ возьми векселя Глова. Ты вѣрныхъ получаешь полтораста тысячъ, стало-быть, ровно вдвое, а насъ ты даже одолжишь еще, потому что деньги намъ теперь такъ нужны, что мы съ радостью готовы платить алтынъ за всякую копѣйку.

Ихаревъ. Извольте, почему нѣтъ; чтобы доказать вамъ, что узы товарищества... (Подходитъ къ шкатулкѣ и вынимаетъ кипу ассигнацій). Вотъ вамъ восемьдесятъ тысячъ!

Утѣшительный. А вотъ тебѣ и векселя! Теперь я побѣгу сейчасъ за Гловымъ: нужно его привесть и все устроить по формѣ. Кругель, отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки. (Кругель уходитъ). Эхъ, если бы такъ устроить, чтобы къ вечеру можно было ѣхать! (Уходитъ).

Ихаревъ. Натурально, натурально; тутъ и минуты не зачѣмъ терять.

Швохневъ. А тебѣ совѣтую тоже не засиживаться. Какъ только деньги получишь, сейчасъ пріѣзжай къ намъ. Съ двумя стами тысячъ, знаешь, что можно сдѣлать? Просто, ярмарку можно подорвать... Ахъ, я и позабылъ сказать Кругелю пренужное дѣло. Погоди, я сейчасъ возвращусь (Поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Ихаревъ (одинъ).

Каковъ ходъ приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесятъ тысячъ, а къ вечеру уже двѣсти. А? Вѣдь это для иного вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣчныхъ сидѣній, лишеній, здоровья, а тутъ въ нѣсколько часовъ, минутъ—владѣтельный принцъ! Шутка—двѣсти тысячъ! Да гдѣ теперь найдешь двѣсти тысячъ? Какое имѣніе, какая фабрика дастъ двѣсти тысячъ? Воображаю, хорошъ бы я былъ, если бы сидѣлъ въ деревнѣ, да возился съ старостами да мужиками, собирая по три тысячи еже-

годнаго дохода. А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое пріобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не обскоблишь. А время-то на что было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь вотъ я обезпеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что споспѣшествуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ—поѣду и въ Петербургъ: посмотрю театръ, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца, по аглицкой набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообѣдаю у Яра. Могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка. А что всему причина? чему обязанъ?—именно тому, что называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство! Плутомъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученье. Ну, положимъ—плутовство. Да вѣдь необходимая вещь: что-жъ можно безъ него сдѣлать? Оно нѣкоторымъ образомъ предостерегательство. Ну, не знай я, напримѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего этого, меня бы какъ разъ обманули. Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло съ не простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣтъ, умъ великая вещь. Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ проживетъ, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обмануту самому — вотъ настоящая задача и цѣль!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Ихаревъ и Гловъ (вбѣгающій торопливо).

Гловъ. Гдѣ-жъ они? Я сейчасъ былъ въ комнатѣ, тамъ пусто.

Ихаревъ. Да они сію минуту здѣсь были; на минуту вышли.

Гловъ. Какъ, вышли ужъ? И деньги у тебя взяли?

Ихаревъ. Да, мы съ ними сдѣлались, за тобою остановка.

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же и Алексѣй.

Алексѣй (обращаясь къ Глову). Изволили спрашивать, гдѣ господа?

Гловъ. Да.

Алексѣй. Да они ужъ уѣхали.

Гловъ. Какъ уѣхали?

Алексѣй. Да такъ-съ. Ужъ у нихъ съ полчаса стояла телѣжка и готовыя лошади.

Гловъ (всплеснувъ руками). Ну, мы надуты оба!

Ихаревъ. Что за вздоръ! Я не могу понять ни одного слова. Утѣшительный сію минуту долженъ возвратиться сюда. Вѣдь ты знаешь, что теперь долженъ весь долгъ твой заплатить мнѣ. Они перевели.

Гловъ. Какой чортъ долгъ? Получишь ты долгъ! Развѣ ты не чувствуешь, что въ дуракахъ и проведенъ, какъ пошлый пень?

Ихаревъ. Что ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сихъ поръ въ головѣ хмель распоряжается.

Гловъ. Ну, видно, хмель у обоихъ насъ. Да проснись ты! Думаешь, я Гловъ? Я такой же Гловъ, какъ ты китайскій императоръ.

Ихаревъ (безпокойно). Что ты, помилуй, что за вздоръ? И отецъ твой... и...

Гловъ. Старикъ-то? Во-первыхъ, онъ и не отецъ, да и чорта ли и будутъ отъ него дѣти! А во-вторыхъ, тоже не Гловъ, а Криницынъ, да и не Михалъ Александровичъ, а Иванъ Климычъ, изъ ихъ же компаніи.

Ихаревъ. Послушай ты! говори серьезно! этимъ не шутятъ.

Гловъ. Какія шутки! Я самъ участвовалъ и такъ же обманутъ. Мнѣ обѣщали три тысячи за труды.

Ихаревъ (подходя къ нему, запальчиво). Эй, не шути, говорю тебѣ! Думаешь, я ужъ дуракъ такой!... И довѣренность, и Приказъ... и чиновникъ сейчасъ былъ изъ Приказа, Псой Стахичъ Замухрышикнъ. Ты думаешь, я не могу за нимъ сейчасъ послать?

Гловъ. Во-первыхъ, онъ и не чиновникъ изъ Приказа, а отставной штабсъ-капитанъ изъ ихъ же компаніи; да и не Замухрышкинъ, а Мурзафейкинъ, да и не Псой Стахичъ, а Флоръ Семеновичъ.

Ихаревъ (отчаянно). Да ты кто? чортъ ты? Говори: кто ты?

Гловъ. Да кто я? Я былъ благородный человѣкъ, поневолѣ сталъ плутомъ: меня обыграли въ пухъ, рубашки не оставили. Что-жъ мнѣ дѣлать? не умирать же съ голода! За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебѣ это прямо: видишь я поступаю благородно.

Ихаревъ (въ бѣшенствѣ схватываетъ его за воротникъ). Мошенникъ ты...

Алексѣй (въ сторону). Ну дѣло-то, видно пошло на потасовку. Нужно отсюда убраться (Уходитъ).

Ихаревъ (таща его). Пойдемъ, пойдемъ!

Гловъ. Куда, куда?

Ихаревъ (въ изступленіи). Куда? къ правосудью! къ правосудью!

Гловъ. Помилуй, не имѣешь никакого права.

Ихаревъ. Какъ? не имѣю прва? Обворовать, украсть деньги... среди дня... мошенническимъ образомъ! Не имѣю права? Дѣйствовать плутовскими средствами! Не имѣю права! А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Нерчинскѣ скажешь, что не имѣю права! Вотъ погоди—переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей. Законъ! законъ! законъ призову! (Тащитъ его).

Гловъ. Да вѣдь законъ ты могъ призвать тогда, если бы самъ не дѣйствовалъ противозаконнымъ образомъ. Но вспомни: вѣдь ты соединился вмѣстѣ съ ними съ тѣмъ, чтобы обмануть и обыграть навѣрное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нѣтъ, братъ, въ томъ и штука, что ты не имѣешь никакого права жаловаться.

Ихаревъ (въ отчаяньи бьетъ себя рукой по лбу). Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! (Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ; Гловъ между тѣмъ убѣгаетъ). Но только какой дьявольскій обманъ!

Гловъ (выглядывая въ дверь). Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще съ полугоря: у тебя есть Аделаида Ивановна! (Исчезаетъ).

Ихаревъ (въ ярости).. Чортъ побери Аделаиду Ивановну! (Схватываетъ Аделаиду Ивановну и швыряетъ ею въ дверь, дамы и двойки летятъ на полъ). Вѣдь существуетъ же, къ стыду и поношенью человѣковъ, этакіе мошенники! Но только я просто готовъ сойти съ ума—какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! и концы всѣ спрятаны! и жаловаться даже не могу! (Схватывается со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ). Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума! Изощряй, взыскивай средства!.. Чортъ побери, не стоитъ, просто, ни благороднаго рвенья, ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ

подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! (Съ досадой махнувъ рукой). Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслитъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, а играетъ только по грошу въ бостонъ подержанными картами!

Y0-AIQ-150